Ю. Ю. Крылов

ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Восточный факультет

Ю. Ю. Крылов

ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

Издательство Санкт-Петербургского университета
2009

ББК 81.2
К85

Рецензенты: д-р филол. наук *Д. И. Еловков* (С.-Петерб. гос. ун-т),
д-р филол. наук *Р. А. Янсон* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Крылов Ю. Ю.

К85 Фонология и морфонология монского языка. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 228 с.
ISBN 978-5-288-04938-5

В монографии дано полное и систематическое описание исторической и синхронической фонологии, а также морфонологии монского языка — одного из важнейших мон-кхмерских языков, до сих пор остававшегося изученным лишь фрагментарно. В основу методологии исследования положен синтез слоговой фонологии и субсистематической фонологии, принципы которой были намечены английским ученым Х. Л. Шорто. Особое внимание уделено спорным фонологическим проблемам, имеющим общетеоретическую значимость, в частности — трактовке аспирированных согласных и гортанного смычного.

Работа представляет интерес не только для специалистов по мон-кхмерским языкам, но и для других ученых, занимающихся как проблемами фонологии языков Юго-Восточной Азии, так и вопросами общей фонологии.

ББК 81.2

ISBN 978-5-288-04938-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

До недавнего времени в отечественном востоковедении было принято судить о мон-кхмерских языках главным образом по кхмерскому языку, лучше других изученному и описанному, экстраполируя его свойства на мон-кхмерские языки в целом. Вследствие этого сложился некий стереотип мон-кхмерских языков, в который в ряде случаев не вписываются, например, некоторые фонологические явления монского языка. Такая ситуация не может считаться удовлетворительной. При всей очевидной типологической близости эти языки обладают и собственными, специфическими особенностями. В связи с этим, с нашей точки зрения, необходимо ввести в научный оборот данные по еще одному мон-кхмерскому языку.

Монский материал позволяет расширить представление о мон-кхмерских языках в целом, даёт возможность с бóльшим основанием говорить о типологических особенностях мон-кхмерских языков и, возможно, взглянуть на них под несколько иным углом зрения. Вместе с тем он позволяет обнаружить фонологические отличия монского и кхмерского языков друг от друга. Естественно поэтому, что мы рассматриваем монскую фонологию на фоне других мон-кхмерских языков, главным образом — кхмерского, а также типологически близкого бирманского, с которым монский находился в непосредственном контакте на протяжении столетий.

Зарубежные описания фонологии монского языка в известной степени схематичны, поверхностны и фрагментарны. В нашей работе обобщены и проанализированы сведения из различных источников. В отличие от других описаний, основанных на традиционном фонемном подходе, здесь предпринимается попытка фонологического описания языка исходя из принципов слоговой фонологии, что диктуется типологией монского языка.

Для практики выполнения работ, подобных этой, характерно использование информантов как одного из основных источников. В этом случае в силу объективных причин работа с информантом возможна. Однако предмет настоящего исследования — описание не фонетики, а фонологии, т. е. «структурных и функциональных закономерностей звукового строя языка» [ЛЭС, с. 555] в его семиотическом аспекте, следовательно, отсутствие информантов, на наш взгляд, не создаёт существенных препятствий для осуществления целей, поставленных в этой работе.

Работа обеспечена необходимой литературой, как общетеоретической, так и специальной — словарями, древними и современными монскими текстами, научными исследованиями, а также весьма солидным фоном кхмерского и индокитайского языкознания, выработавшего опробованные на практике принципы описания языков слогового строя.

В числе основных источников в работе прежде всего привлечён «Словарь современного разговорного монского языка» [Shorto 1962], представляющий собой лексикографическое описание «центрального диалекта монского языка Бирмы, на котором говорят в настоящее время». На нём, как свидетельствует Х. Л. Шорто, «говорят, с небольшими местными различиями, к востоку от Салуина, на берегах Джайна и Атхаяна и в некоторых местах острова Билу. Этот диалект, по-видимому, пользуется бóльшим признанием в качестве стандарта среди бирманских монов вообще» [Shorto 1962 : IX]. Словарь проверялся и пополнялся в ходе неоднократных экспедиций в Бирму, осуществлённых Х. Л. Шорто в 1950-е годы. Он учитывает также говор родственного диалекта Паклата в Таиланде, у южной окраины Бангкока.

Схема словарной статьи выглядит следующим образом: 1) ключевое слово в фонологической транскрипции; 2) его категориальная принадлежность; 3) перевод на английский; 4) примеры словоупотребления; 5) синонимы, антонимы, производные слова; 6) транслитерация письменной формы со всеми известными вариантами; 7) этимология (указание на исходные слова, аффиксы; для заимствованных слов — язык-источник и транслитерация слова в оригинальной форме). Словарь содержит большое количество примеров словоупотребления — словосочетаний и целых предложений. Отдельные слова, обозначающие родовые понятия («вода»,

«дерево», «птица», «болезнь» и т. п.), сопровождаются десятками словосочетаний. Поэтому при довольно небольшом объёме (около 5 тыс. простых и производных слов) словарь охватывает весьма обширный материал, практически исчерпывающий словарный фонд разговорного — и не только — языка.

В виде приложения приводится указатель слов в монской графике, включая все возможные варианты написания, с отсылкой к заглавным словам корпуса словаря. Переводы даны только в случаях, когда одному написанию соответствует несколько разных чтений с различными значениями.

Словарь [Shorto 1962] в целом как источник сведений по фонологии современного монского языка и использованная в нём транскрипция в частности вполне заслуживают доверия: его автор был не только одним из виднейших знатоков монского языка, но и крупным ученым-фонологом, перу которого принадлежит ряд публикаций по фонологии мон-кхмерских языков [Shorto 1960; 1965; 1966; 1967; 1969; 1976 и др.].

Богатый материал по ранне- и позднедревнемонскому языку[1] содержится в «Словаре монской эпиграфики VI–XVI веков» [Shorto 1971]. Корпусу предшествует краткое описание ранне- и позднедревнемонского языка, в том числе его фонологии и графики. Материал словаря расположен в порядке монского алфавита, но в транслитерации. Заглавное слово сопровождается известными вариантами написания, если они имеются. Далее следует фонологическая транскрипция, указана категориальная принадлежность и хронологическая отнесённость (год упоминания в эпиграфике, если он известен, или указание на историческую стадию развития монского языка). Затем даётся перевод на английский и примеры словоупотребления с переводом, указанием источника и, где достоверно известно, — года. Если фонетическая и / или графическая форма слова в раннем и позднедревнемонском отличаются, последняя приводится ниже. Далее даны соответствия в письменном (в транслитерации) и разговорном монском языке (в фонологической транскрипции). Для многих глосс приводятся параллели из других языков и диалектов, в том числе из более чем 40 аустроазитских.

---

[1] Наша периодизация истории монского языка несколько отличается от периодизации Шорто [Shorto 1971]. Подробнее см. в разделе 1.0.

Другой важнейший источник по истории монского языка — издание «Epigraphica Birmanica» (EB), выходившее несколькими выпусками в Рангуне с 1919 по 1936 г., а в 60–70-е годы переизданное там же репринтным методом. Монские материалы этого издания в основном подготовлены Ч. О. Блэгденом — английским ученым, положившим начало дешифровке раннедревнемонских надписей на камне. Описания письменных памятников строятся в этой работе по следующему принципу: 1) вступительная статья, содержащая характеристику памятника: его местонахождение, размеры, характер повреждений, размеры букв и межстрочных интервалов, краткий обзор содержания, для крупных документов — тематический указатель; 2) фотография оригинала; 3) оригинальный текст в транслитерации, с постраничными комментариями текстологического характера (строки пронумерованы в соответствии с оригиналом; недостающие знаки приведены в квадратных скобках); 4) перевод на английский, также с комментариями в виде постраничных сносок.

Привлекались и бирманские материалы, которые, несмотря на их относительную научную ценность, в некоторых случаях оказывались полезными [Thun 1968].

В работе дано подробное описание монского письма.

Ввиду исключительно сложной системы соответствий между письменной и устной формами монского языка в работу включены Приложения, позволяющие перейти от графической формы слова к звуковой, точнее — фонологической, и обратно.

Транскрипция, используемая в работе, в целом соответствует транскрипции Х. Л. Шорто, которая «по существу является фонологической транскрипцией, но включает некоторые особенности, присущие широкой фонетической транскрипции» [Shorto 1962 : X].

Отличие принятой нами транскрипции от транскрипции Х. Л. Шорто состоит в том, что, в соответствии с требованиями МФА, для обозначения палатального полугласного вместо /y/ мы используем знак /j/.

По техническим причинам для обозначения /з̱/ и /ε̱/ во втором регистре вместо знака грависа применено подчеркивание.

Большинство приводимых в работе примеров даны в фонологической транскрипции, но, как правило, без косых скобок. В тех случаях, когда мы прибегаем к фонетической транскрипции, такие

примеры даются в квадратных скобках [ ]. Угловые скобки < > заключают транслитерацию.

Автор выражает глубокую признательность доктору филологических наук профессору Р. А. Янсону, а также преподавателям кафедры Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ, ознакомившимся с рукописью и высказавшим ценные замечания — Д. И. Еловкову, В. Б. Касевичу, А. К. Оглоблину, Н. А. Спешневу, С. Е. Яхонтову. Автор благодарит за всемерное содействие, оказанное ему в процессе работы руководством Российской национальной библиотеки, в особенности заведующим Отделом литератур стран Азии и Африки этой библиотеки Ю. П. Вартановым.

Публикация этой работы стала возможной благодаря содействию руководства кафедры Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии и Восточного факультета СПбГУ.

ВВЕДЕНИЕ

0.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОНАХ

Монский язык (Mon, Môn, Món, Mán, Moan, Peguan, Talaing[1]) вместе с близко родственным языком някуоль образует моническую группу в составе мон-кхмерской (восточноиндокитайской) подсемьи аустроазиатской семьи языков.

Будучи государственным языком ряда древних и средневековых монских государств на территории нынешних Мьянмы (до 1989 г. — Бирмы) и Таиланда — Дваравати (450–1002), Лаво (VIII в. - 1292), Харипунджайи (663–1283), Тхатона (*мон.* Кэтхэм; Судхаммавати[2]) и Пегу (*мон.* Хэкэ; Хамсавати), последнее из которых с перерывами просуществовало с 573 до 1757 г., — он был вместе с тем, предположительно, и государственным языком первого бирманского государства — Пагана — вплоть до последней четверти XII в. [Маун, Орлова, Пузицкий, Тагунова 1963 : 7]. Моны, создавшие одну из древнейших цивилизаций на территории Индокитая, «дали могучий толчок развитию молодых культур — бирманской и тайской <...> и та и другая выросли на монской основе» [Иванова 1983 : 41]. Возможно, в этом состояла их историческая миссия.

В настоящее время этот старописьменный язык выполняет вспомогательную роль внутриобщинного языка монов Мьянмы и части монов Таиланда.

---

[1] Ср. *бирм.* mun, *шанск.* tarain, *карен.* lawoo.

[2] Легендарные источники относят возникновение Судхаммавати к 603 г. до н. э. Авторы цейлонской хроники «Дипавамса» и сами моны считают, что легендарная страна Суварнабхуми, куда император Ашока направлял своих миссионеров в III в. до н. э., также была монским государством [http:// en.wikipedia.org/wiki/Timeline_of_Buddhism].

Некогда составлявшие основное население Нижней Бирмы, в современной Мьянме моны — одно из национальных меньшинств. Основная часть монов проживает в Монской национальной области, главным образом между Тхатоном на севере и Йе на юге, в долинах нижнего течения Салуина, Джайна и Атхаяна (Атарана), причем «их деревни спорадически перемежаются с поселениями бирманцев и каренов <...> отдельные деревни, в которых население говорит на этом языке, можно встретить и западнее, до самого Бассейна» [Shorto 1962 : IX]. Точных сведений о числе говорящих на монском языке в Мьянме не имеется. Оценочные данные колеблются между 400 и 600 тыс. человек.

Автохтонные моны Таиланда — население Дваравати — были полностью ассимилированы тайцами. Жители Харипунджайи еще в средние века переселились в Пегу, спасаясь от холеры. Нынешние таиландские моны — потомки беженцев из Мьянмы, которые прибывали сюда начиная с середины XVI в.

Ещё в первой половине XX века моны были многочисленны в окрестностях Бангкока (провинции Патхумтхани и Самутпракан), а также в провинции Канчанабури (Канбури) в долине Мэкхлонга, у границы с Мьянмой. В современном Таиланде «основные поселения находятся в Паккрете и Паклате — соответственно к северу и югу от Бангкока — и в окрестностях Канбури <...> Другие значительные общины имеются в Лопбури и Утхайтхани» [Ibid. : IX–X].

Монские общины имеются в 403 деревнях 17 провинций, однако общая численность монов в Таиланде невелика — около 100 тыс. человек, из которых родным языком владеет менее половины [Smalley 1994 : 225–226].[3]

Современный монский язык Мьянмы делится на три основных диалекта — *мон-танг* (Пегу), *мон-ня* (Йе; *мон.* Ре) и *мон-тэ* (мартабан-моулмейнский, Моутама и Моулмейн-Моламьяйн). Последний — наиболее важный и распространённый. Звуковая система языка монов, населяющих провинции Лампхун и Чиенгмай (Сев. Таиланд) «сохраняет все особенности монского языка Мьянмы»,

---

[3] По некоторым сведениям, «как таиландские, так и бирманские официальные источники недооценивают численность монского населения. Консервативные источники утверждают, что монов насчитывается около 800 тыс. Однако некоторые моны полагают, что их численность в 5–6 раз больше» [Zandt D. — электронная версия].

южные же диалекты претерпели существенные фонологические и лексические изменения под влиянием тайского языка [Ibid.]. По свидетельству Р. Холлидэя, «хотя в разговорном монском имеются диалектные различия, они не настолько велики, чтобы воспрепятствовать жителям разных районов легко понимать друг друга. Как ни странно, те же самые диалектные различия обнаруживаются среди переселенцев в Сиаме, даже когда по меньшей мере два столетия отделяют их от всяких связей с Бирмой» [Halliday 1955 : III].

С тех пор как монский язык «вышел из моды» в Паганском царстве, он стал всячески притесняться, а его носители подверглись насильственной ассимиляции со стороны бирманцев. Бирманское владычество часто бывало деспотичным и стало особенно жестоким во времена династии Алаунгпая в XVIII–XIX вв. Использование монского языка явно не поощрялось после 1757 г., когда пало последнее монское государство, и было абсолютно запрещено в Пегу с 1826 (аннексия Тенассерима англичанами) по 1852 г. (аннексия Пегу и остальной части Нижней Бирмы). Англичане, в свою очередь, не налагали никаких ограничений на использование монского языка, но и не предпринимали каких-либо активных действий в его поддержку [EB 1.2 : 71].

С обретением Бирмой независимости положение монов и монского языка не улучшилось: не случайно уже в ноябре 1947 г. в Моламьяйне и округе Тенассерим были созданы Объединённый фронт монов и Организация защиты монского народа. В декабре того же года эти организации заключили соглашение о взаимной помощи с Каренским национальным союзом «с целью образования единого мон-каренского государства, которое включало бы весь Тенассерим и имело выход к морскому побережью» [Гаврилова 1981 : 161].

В независимой Бирме бирманский язык был провозглашен в качестве государственного, притом не «постепенно и тактично», наряду с изучением национальных языков, а жестко и ультимативно. Резкая отмена преподавания в школах на местных языках, почти демонстративное запрещение изучения местных языков и литератур в высших учебных заведениях, ведение делопроизводства, а также радиопередач исключительно на бирманском языке вызыва-

ли недовольство сравнительно малочисленных народов [там же : 209].

По Конституции 1974 г. Бирма была объявлена государством, состоящим из 7 бирманских и 7 национальных областей, формально пользующихся одинаковыми правами. В числе других был образован и Монский штат (*бирм.* မွန်ပြည်နယ် *Мун-пьинэ*, *мон.* ရးမန် *Рэх Мон*) с центром в Моулмейне (Моламьяйне). Однако реальное положение национальных меньшинств изменилось весьма несущественно. По-прежнему в официальной политике Мьянмы доминирует враждебное отношение к монам и другим представителям относительно малочисленных народов. Таким образом, современное положение монов и их языка в этой стране достаточно плачевно.

Многие моны, для того чтобы подняться по социальной лестнице или даже просто выжить, вынуждены скрывать свое небирманское происхождение и даже менять имена. Островки монского языка, не размытого бирманским влиянием, вероятно, можно встретить только в глуши, в то время как основная часть монского населения уже в значительной степени двуязычна или говорит на смешанном языке. В настоящее время монский язык, язык древней культуры, может считаться исчезающим. Тем настоятельнее необходимость его серьёзного научного изучения.

К этому еще в 1910 г. призывал Ч. О. Блэгден: «Монский язык умирает; пегуанский диалект, по-видимому, наиболее близок к состоянию агонии. Мы являемся свидетелями последних минут языка, который в прошлом играл большую роль в словесности Индокитая и который имеет первостепенную важность с научной точки зрения <...> Поистине безотлагательно его точное и полное изучение, прежде чем наступит окончательное вымирание, которое ему угрожает» [Blagden 1910 : 504–505]. Ч. О. Блэгден справедливо полагал, что мон-кхмерские языки «представляют величайший лингвистический интерес, будучи весьма своеобразными и обладая характерной структурой» [ЕВ 1.2 : 75]. Но даже и спустя полвека ученые высказывали сожаление, что «монский в особенности изучен хуже, чем того заслуживает его важность» [Pinnow 1963 : 675].

0.2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

Изучение монского языка началось сравнительно поздно. Первая известная нам работа относится к 1807 г. Это «Сравнительный словарь некоторых языков Бирманской империи» Ф. Бьюкенена[4] [Buchanan 1807 : 235–236], включающий список 48 монских (Moan) слов. Никаких прочих сведений о языке эта публикация не содержит.

В работе Дж. Лейдена[5] подтверждается, что европейцы никогда ранее не занимались изучением монского (Môn) языка, что его единственный известный образец — именно список слов в упомянутой работе Бьюкенена. Отмечено также, что этот язык не родственен ни бирманскому, ни тайскому языкам. Любопытно приводимое здесь *типологическое разделение языков ЮВА* на полисиллабические (малайский, яванский) и моносиллабические (бирманский, монский, тайский и др.) [Leyden 1811 : 239–240].

Дж. Лоу[6] в своей «Истории Тенассерима» подтверждает отсутствие родства монского (Mán, Món) с бирманским и тайским языками и предполагает его связь (alliance) в «какой-то отдалённый период времени» с китайским. Работа *впервые содержит некоторые сведения о фонетике* монского языка: отмечаются стечения согласных в начале слога, большее количество конечных согласных по сравнению с тайским и их имплозивность. К тому же монский «не выглядит ни таким чисто моносиллабическим, ни таким изящно интонированным», как тайский. От китайского он отличается тем, что монские «тоны» употребляются не так часто и уступают китайским тонам в интенсивности. Описание фонетических

---

[4] *Бьюкенен* Фрэнсис (1762–1829) — британский медик и естествоиспытатель, автор дневников о поездках в Бирму и Непал в 1795–1823 гг. в составе Бенгальской медицинской службы (Bengal Medical Service) [http://www.nationalarchives.gov.uk/].

[5] *Лейден* Джон Каспар (1775–1811) — британский востоковед, оставивший наброски статей о языках Индокитая, главным образом Бирмы и Малайи [http://www.nationalarchives.gov.uk/].

[6] *Лоу* Джеймс (1791–1852) — офицер 46-го пехотного полка Мадрасской армии Британской Ост-Индской компании, расквартированного в султанате Пенанг (Малайя). Миссия Лоу в южный Сиам (1824) должна была обеспечить поддержку Сиама британскому вторжению в Бирму. Один из основоположников изучения тайского языка [http://d30021575.purehost.com/shop/white_lotus/wl_thai_south.html/archaeology/]. В 1825–1826 гг. побывал в Стране монов (Мартабан, Йе, Тавой), где занимался составлением военных карт и страноведческих обзоров [http://www.nationalarchives.gov.uk/].

изменений конечных согласных (по сравнению с графикой?) выглядит сомнительным [Low 1837 : 42–43].

Б. Х. Ходжсон[7] приводит список 187 слов монского (Talien) языка, сопоставляемых с бирманским, шанским и тайским. Не сообщается вообще никаких сведений о монском языке, так как в центре внимания автора — сравнение тибето-бирманских языков с уральскими и кавказскими [Hodgson 1853 : 19–25].

По сравнению с предшественниками Ф. Мейсон[8] даёт наибольшее количество информации о монском языке, в том числе и о его фонетике: «Язык талаинг обладает интонациями, характерными для китайской семьи, но в значительно меньшей степени, чем сам китайский, тайский или каренский. Корни главным образом односложны; но, как и в бирманском и в каренском, многие образованы на многосложной основе (on the polysyllabic principle): согласный, причем наиболее часто ровный немой (smooth mute, т. е. глухой непридыхательный.— *Ю.К.*), с присущим гласным, составляя слог, ничего не значащий сам по себе, в качестве приставки добавляется к односложному корню для образования нового слова <...> Талаинг примечателен многочисленными сложными согласными, многие из которых не встречаются ни в китайском, ни в других индокитайских языках» [Mason 1854 : 281].

Мейсон, не имея возможности сравнить монский с каким-либо другим мон-кхмерским языком, нашел, что в лексическом отношении это «самый изолированный язык Дальней Индии (Farther India)», что он «коренным образом отличается» от всех других языков соседних народов. Вместе с тем Мейсон, по-видимому, *первым обнаружил родство монского с языками мунда* в Центральной Индии, что показалось ему прямо-таки невероятным: «Каким бы диковинным (singular) это ни казалось <...> язык талаинг имеет родственные корни с языком кола (хо. — *Ю.К*)» [Ibid. : 282].

---

[7] *Ходжсон* Брайан Хафтон (1800–1894) — британский дипломат, востоковед и собиратель рукописей на индийских и тибетском языках, помощник резидента, затем резидент Британии в Катманду в 1820–1844 гг. [http://www.nationalarchives.gov.uk/].

[8] *Мейсон* Фрэнсис (1799–1874) — американский миссионер и натуралист, в 1830 г. был направлен Союзом американских миссионеров-баптистов (American Baptist Missionary Union) в Бирму для работы среди каренов. Переводчик Библии на основные каренские языки [http://en.wikipedia.org/wiki/Francis_Mason].

Работа Дж. М. Хэзуэлла[9] «Грамматические заметки и словарь пегуанского языка» — *первая специальная монография по монскому языку*. Она содержит и краткое изложение фонетики, в значительной мере опирающееся на орфографию. Отмечается наличие долгих гласных, которые фактически находят отражение лишь на письме. Описание регистров весьма приблизительное. Например, говорится, что видоизменения гласных во втором регистре «не всегда можно передать с помощью букв английского алфавита», что такие видоизменения «следует изучать на слух» [Haswell 1874 : 8]. Транскрипция крайне сложна и условна, например, дифтонг [ао] передаётся как <ā-ow>.

Х. Бауэр сообщает о существовании рукописного «Учебника пегуанского языка» (Peguan handbook), фотокопию которого ему удалось раздобыть. Рукопись на 125 страницах составлена ещё одним миссионером — Моузесом Х. Биксби (1827–1901) — за четверть века до выхода в свет книги Хэзуэлла. Существуют сомнения, взял ли Хэзуэлл эту рукопись за основу своей работы или же Биксби сделал копию с материалов Хэзуэлла по прибытии в Бирму в 1853 г. В любом случае эта рукопись — ценный источник сведений о монской фонологии первой половины XIX в. [Bauer 2006 — электронная версия].

Э. Форхаммер[10] в своей работе «Индокитайские языки» уделил значительное место проблемам типологии, в частности, моносиллабизму. Описание монской фонетики отсутствует, хотя монский язык то и дело упоминается в связи с различными проблемами фонологии и письменности языков Индокитая. Некоторые сведения о монской фонетике, приводимые в этой работе, ошибочны, так как основываются исключительно на данных письменности. Таково, например, утверждение, что «церебральные естественны

---

[9] *Хэзуэлл* Джеймс Мэдисон (1810–1876) — представитель Союза американских миссионеров-баптистов в Бирме, куда он был направлен в 1835 г. в помощь первому американскому миссионеру — Адонираму Джадсону (1788–1850), в лингвистическом мире известному как составитель бирманско-английского словаря [http://www.familysearch.org/Eng/Search/ancestorsearchresults].

[10] *Форххаммер* Эмануэль (1851–1890) — швейцарский востоковед-филолог, с 1879 г. преподаватель пали в Рангуне. Изучал различные местные языки, участвовал в археологических раскопках, в частности в Аракане и Пагане [http://www.zeno.org/Meyers-1905/A/Forchhammer].

для монского языка» [Forchhammer 1882 : 177]. В то же время ряд наблюдений типологического характера могут представлять определённый интерес и поныне.

Первая работа, осветившая *собственно фонетику монского языка*, — это статья Ч. О. Блэгдена[11] «Некоторые заметки о фонетике языка талаинг и её историческом развитии» [Blagden 1910]. Поэтому естественно, что она имеет первостепенное значение как источник по интересующей нас теме, однако это значение — скорее научно-историческое: эта работа стала основой всех последующих исследований по монской фонетике. Ч. О. Блэгден параллельно описывает фонетику трех основных диалектов, подчеркивая их сходство и различие. Он пользуется узкой, суперподробной фонетической транскрипцией с применением очень большого количества диакритики. За этим просматривается стремление дифференцировать транскрипцию звуков в зависимости от способа их графического изображения. Как и Дж. М. Хэзуэлл, Ч. О. Блэгден отмечает фонологическую долготу гласных ā, ī, ū, которая свойственна орфографии, но не фонетике современного языка.

Истинным «основоположником («отцом», по выражению Х. Л. Шортȍ) изучения монского языка» стал Р. Холлидэй[12] [Shorto 1962 : XIV], создатель «Монско-английского словаря» [Halliday 1955]. Транскрипция, использованная в его словаре, по замечанию

---

[11] *Блэгден* Чарлз Отто (1864–1949) — британский учёный-языковед. После окончания колледжа Corpus Christi в Оксфорде в 1888–1897 гг. занимал различные административные и судебные посты в Малакке и Сингапуре. С 1910 г. начал академическую карьеру в Лондонском университете. В 1917 г. он поступил в только что открытую Школу восточных и африканских исследований (School of Oriental and African Studies, SOAS) в качестве преподавателя малайского языка [http://squirrel.soas.ac.uk/dserve/]. В 1921–1935 гг. возглавлял SOAS, где до своей кончины преподавал малайский, а также древний и средневековый монский язык [http://www.soas.ac.uk/sea/staff/previousstaff/]. Его важнейшим опубликованным научным трудом считается работа «Языческие народы Малайского полуострова» (London, 1916, в соавторстве с У. Скитом), значительную часть которого составляет сравнительный словарь туземных языков.

[12] *Холлидэй* Роберт (1864–1933) — миссионер из Американской баптистской миссии (American Baptist Mission) с 1923 г. Жил среди монов Бирмы (в районе Йе) и Таиланда в течение трёх первых десятилетий XX в. Признанный основоположник изучения монского языка, этнографии и культуры [http://www.asiabookroom.com/AsiaBookRoom/_Burma_Travel_Writing_Post_1900.html].

Х. Л. Шорто «явно воспроизводит произношение, свойственное чтению письменных текстов» [Shorto 1962 : XIV].

Как Ч. О. Блэгден, так и Р. Холлидэй, полагали, что «письменный монский являет собой фиксированный стандарт среди несходных и изменчивых диалектов, и в то время, когда изучение фонологии еще не достигло нынешнего уровня, готовая (ready-made) орфография имела очевидные преимущества» [Shorto 1962 : XV]. На самом же деле «традиционная система письма уже перестала отражать современную речь, да и сам письменный язык конца XIX в. уже не был ни однородным, ни последовательным» [Ibid.].

Продолжение отмеченной традиции мы находим и в гораздо более поздних работах, где знаки письма отождествляются со звуками (см., напр., раздел о фонетике в работе [Dupont 1954 : 23–24]). Естественно, что при таком подходе принятая транскрипция фактически представляет собой транслитерацию, а выводимые «фонетические» закономерности суть не что иное, как правила орфографии.

Всего за первые 150 лет с начала изучения монского языка было опубликовано около 50 работ разного объёма и достоинства. Наибольшее внимание уделялось монской эпиграфике, этимологии, этнонимике (дискуссия по поводу слова «*талаинг*»). Особенностью этого этапа было внимание к письменному языку. Х. Л. Шорто высказывает сожаление по поводу того, что «это искусственное построение до сих пор монополизировало внимание ученых» [Shorto 1962 : XVI].

Однако «сопротивление письменного монского обычным методам лингвистического анализа достаточно очевидно для каждого, кто пытался построить логичную систему (to disentangle a *système où tout se tient*) на основе текстов. Едва ли возможно устранить её непоследовательность, не прибегая к разговорному языку, əre̖ cɛʔ ka, или «языку для пользования»»; ученые сталкивались с «приводящим в замешательство разбросом на первый взгляд бесцельных чередований» [Ibid. : XVI].

Первым ученым, который, по свидетельству Х. Л. Шорто, начал изучение разговорного монского, был Дж. Э. Стьюарт[13]

[13] *Стьюарт* Джон Александер (1882–1948) — филолог-классик, выпускник Абердинского университета, в 1905–1932 гг., с перерывами, служил в Бирме на гражданской и военной службе. С 1933 г. преподавал бирманский язык в Лондонским университете. В 1937–1946 гг. возглавлял отделение Индии, Бирмы и Цейло-

(J. A. Stewart), к сожалению, не опубликовавший своих наблюдений. Таким образом, фактически начало изучению современного монского языка, основанному на современных же методах лингвистического исследования, положил именно сам Х. Л. Шорто[14] [Shorto 1962; 1965; 1966 и др.]. В частности, появление «Словаря разговорного монского языка» [Shorto 1962] стало «событием огромной важности для аустроазиатских исследований» [Pinnow 1963 : 676]. Здесь мы не будем анализировать его фонологических взглядов, но, естественно, будем обращаться к ним еще неоднократно в ходе работы, поскольку упомянутый «Словарь» Х. Л. Шорто — один из основных источников осуществлённого нами описания (см. Предисловие).

Из других современных исследователей фонологии монского языка следует упомянуть Ясуюки Сакамото, составившего словарь и краткий очерк фонологии паккретского диалекта [Sakamoto 1974; 1976], и Д. Зандт из университета Олбани (США) [Zandt D. — электронная версия]. Проблемы современной монской фонетики и фонологии рассматриваются в нескольких диссертациях таиландских ученых [La-or 1983; Panpot 1983; Sujaritlak 1978]. Однако все эти работы описывают язык монов Таиланда.

Для диахронической фонологии первостепенное значение имеет, безусловно, работа М. Ферлю «Очерк исторической фонетики монского языка». Автор предупреждает, однако, что не ставил целью «дать исчерпывающее описание протомонской фонологии» и что его внимание было сосредоточено на «[фонетических] изменениях и проблемах языковых контактов» [Ferlus 1984 : 1]. В связи с этим его периодизация истории монской фонетики всецело строится на заимствованиях монской лексики теми или другими соседними языками. А поскольку период вероятных языковых контактов может быть установлен с точностью до века на основании данных истории, то и появление тех или иных фонетиче-

---

на, в 1946–1948 гг. — отделение ЮВА и Островов [http://en.wikipedia.org/wiki/John_Alexander_Stewart_(scholar)].

[14] *Шорто* Хэрри Ленард (1919–1995) — крупнейший специалист по монскому языку, один из основоположников мон-кхмеристики, с 1952 г. — преподаватель монского языка в SOAS, в 1971–1984 гг. — профессор кафедры мон-кхмерских исследований [http://www.soas.ac.uk/sea/staff/previousstaff/].

ских изменений, отражённых в лексических заимствованиях, соотносится с определённым историческим моментом.

0.3. МОНСКОЕ ПИСЬМО

Монское письмо, в известной степени знакомое специалистам по языкам ЮВА благодаря более распространённому бирманскому, для которого оно стало непосредственным источником, представляет собой квазислоговую систему письменности индийского происхождения. Древнейшие известные письменные памятники, обнаруженные в районе Накхонпатхома и Лопбури (Таиланд), относятся к VI в. н. э. [Ferlus 1984 : 1]. Далее в этом разделе рассмотрим происхождение монского письма, его современное состояние, проблемы соответствия между графическим и фонологическим слогом и соотношение с бирманским письмом.

0.3.1. Происхождение монского письма

Как справедливо отмечает Р. А. Янсон, история формирования монско-бирманской графики «окончательно неясна» [Янсон 1990 : 4]. Утверждение о том, что эта письменность восходит к *брахми*, было бы, к сожалению, насколько верным, настолько же и тривиальным, поскольку к *брахми* восходят все без исключения современные письменности индийского происхождения. В любом случае ограничиваться ссылкой на *брахми* малопродуктивно, так как все современные письменности Индии и Индокитая ушли от *брахми* настолько далеко, что общие с ним черты обнаружить почти невозможно. Вместе с тем отнести монско-бирманское письмо к какому-либо непосредственному источнику также очень непросто.

В большинстве известных нам публикаций по истории письма и языкам ЮВА монско-бирманское письмо, как и другие письменности Индокитая, относят к *южноиндийской* ветви брахмических письменностей — *грантха* [Дирингер 1963 : 476], *паллава* [Маун, Орлова, Пузицкий, Тагунова 1963 : 8; Та Муа 1956] или *кадамба*[15].

---

[15] *Грантха* — от санскр. grantha 'текст, книга'. *Паллавы* — правящая династия тамильского государства Анандадеша в 275 — около 880 гг. со столицей в Канчипураме (недалеко от Мадраса). *Кадамба* — правящая династия и государст-

В двух первых случаях речь идёт о тамильском источнике, в третьем — о телугу-каннада[16]. Отмечалось, что древнемонское курсивное письмо по начертанию букв было «близким старому письму телугу-каннада» [ЕВ 1.2 : 78]. Это действительно так: многие знаки современного телугу поразительно похожи на знаки древнемонского письма и вместе с тем значительно отличаются от современного монского (ср. таблицы в [Фридрих 2001 : 395, 405]).

Аргументация в пользу принадлежности монского письма к южноиндийскому типу (если она вообще есть) иногда бывает очень неожиданной: «В алфавите сохранились все знаки для звуков, свойственных пали и санскриту, но не известных монскому языку, что свидетельствует о его южноиндийском происхождении» [Лоукотка 1950 : 218].

Некоторые другие учёные, напротив, относят это письмо к *северноиндийской* ветви [Jensen 1925 : 151–152; Фридрих 2001 : 157].

Нам представляется, что правы могут быть и те и другие, но все — только отчасти.

Уже обращалось внимание на то, что современные начертания графем в письменностях индийского происхождения до неузнаваемости отличаются от их начертаний в старых образцах текста. Например, древнее и современное бирманское письмо различны настолько, что «современный образованный бирманец без специальной подготовки не может идентифицировать бóльшую часть письменных единиц в древнебирманском тексте» [Янсон 1990 : 11][17].

Так называемое *квадратное* монско-бирманское письмо обнаруживает явное сходство с письменностями северной группы — письмом *гупта* из Магадхи (IV в.), тибетским книжным шрифтом *у-чэн* (VII в.), кашмирским *шарада* (VIII в.). И это не удивляет, потому что именно Магадха (территория современного штата Бихар), Тибет и Кашмир были одними из основных и последних центров буддизма, который собственно в Индии к VIII в. уже утратил позиции, уступив место джайнизму, индуизму и исламу.

во каннада в 345–525 гг. на территории нынешнего штата Карнатака. Разумеется, более поздние государства каннада продолжали использовать письмо кадамба.

[16] В их современном состоянии письменности телугу и каннада внешне настолько близки, что трудно обнаружить сколько-либо существенные различия.

[17] То же самое можно сказать и о древнекхмерском письме в сравнении с современным.

В то же время *круглое* монско-бирманское письмо (в литературе известное под искажённым названием *ча-лонх* [Jensen 1925 : 152; Лоукотка 1950 : 217; Дирингер 1963 : 479], которое по-бирмански звучит как စာလုံး *салоун* 'буквы' — от *са* 'письмо' и *лоун* 'шарообразный', т. е. 'круглый') имеет значительное сходство с *сингальским*. Последнее, типологически относясь к северной группе индийских письменностей, подверглось сильному влиянию со стороны письменностей южной группы [Jensen 1925 : 152]. Вероятно, монское письмо в дальнейшем испытывало влияние сингальской, а также южноиндийских письменностей, в первую очередь тамильской и малаялам. Об этом свидетельствует даже не столько конфигурация ряда графем[18], сколько способ образования некоторых сложных графем. Например, во всех этих языках несамостоятельный знак для [o] представляет собой комбинацию графов <e> и <ā>. В телугу и каннада такая комбинация не применяется[19].

Сходство монского письма с южноиндийскими письменностями не случайно: именно из Южной Индии и Шри-Ланки в ЮВА проникают как индуизм (через дравидов), так и хинаянисткий буддизм (через сингалов). Индуизм получил широкое распространение в древнекхмерских, древнеяванских и древнечамском государствах, хинаянисткий буддизм же стал государственной религией монов, а через них впоследствии — и других народов Индокитая, исключая вьетов. В Камбодже, например, широкое распространение хинаяны впервые произошло в царствование Сурьявармана I (1011–1050) и, как ни парадоксально, именно в связи с покорением им буддийского монского государства Лаво [История Кампучии 1981 : 51]. К концу XIII в. хинаяна стала господствующей религией Камбоджи [там же : 67]. В 1057 г., почти одновременно с оккупацией Лаво кхмерами, бирманский Паган захватил монское королевство Пегу, а в 1059 г. — Тхатон. И вновь религия побеждённых стала религией победителей! Очевидно, помимо политической целесообразности религиозной терпимости здесь сыграл свою роль

---

[18] Гласный ေ <e>, например, явно заимствован из тамильского письма, где он обозначает <ē>, или из малаялам (<ai>). То же можно сказать об ဥ <u>.

[19] Теоретически можно ссылаться и на санскритскую модель, где [o] также представлен комбинацией графов <e> и <ā>, однако в санскрите <e> — не строчный, а надстрочный знак, поэтому такую параллель нельзя признать удачной.

фактор несомненного культурного превосходства монов — если не над кхмерами, то, во всяком случае, над бирманцами, как и позднее над тайскими народами.

Таким образом, правомерно предположить, что современная монская графика в своём развитии прошла три этапа:

1. Её первой стадией было северноиндийское по происхождению квадратное письмо VI в., известное в литературе как «*палийское*» (Pali-Schrift) или «*кьякча ~ кйокча*» — искажённое бирманское ကျောက်စာ *чау'са*, т. е. «надпись на камне» (Steininschrift) или «каменное письмо» (Steinschrift) [Jensen 1925 : 151–152]. Неподатливость материала и несовершенство техники способствовали формированию именно такого — угловатого с простыми начертаниями знаков — письма.

2. Учитывая древнемонский курсив, следует в дальнейшем предположить влияние письменностей южноиндийской группы *кадамба* — телугу и каннада. Это вполне вероятно, поскольку, во-первых, государства телугу — Калинга и Андхра — были географически близки (они занимали северо-западное побережье Бенгальского залива) и, во-вторых, в начале I тыс. н. э. они были ещё буддийскими, что должно было способствовать культурному обмену.

3. Наконец, моны позаимствовали ряд графем и способов их образования из сингальского и южноиндийских письменностей группы *грантха* — тамильского и малаялам.

Под влиянием *кадамбы* и *грантхи* монское письмо приобрело округлые очертания, свойственные ему в настоящее время. Округление форм объясняется переходом от надписей на неподатливом камне к письму на пальмовых листьях, которые легко портились при нанесении прямых линий острым металлическим стилем[20]. Но, несомненно, большое значение имел и эстетический аспект — высокая орнаментальность письма, в особенности свойственная сингальской и тамильской каллиграфии.

Обращение от северных образцов к южноиндийским, в особенности — к сингальскому, вероятно, не в последнюю очередь

---

[20] Утверждают даже, что сингальский алфавит был специально «разработан таким образом, чтобы в нём не было прямых линий, приводящих к повреждению пальмовых листьев» [http://dhamma.ru/ paali/sinhala.pdf]. Ч.Лоукотка сообщает, что в Бирме для письма использовались листья пальмы *Corypha umbraculifera* [Лоукотка 1950 : 218].

объясняется религиозно-политическими причинами: после вытеснения из Индии оплотом хинаянистского буддизма стала Шри-Ланка, где, между прочим, ещё в 220 г. до н. э. тхеравадский буддизм был введён сыном императора Ашоки Махиндой[21].

Итак, по крайней мере, в случае с монским письмом правомерно говорить о смешанном, «северно-южном» его происхождении (в противном случае пришлось бы признать, что монское квадратное и круглое письмо имеют разное происхождение и развивались независимо друг от друга, что едва ли верно и разумно[22]).

Тот факт, что некоторые исследователи выделяют письменности ЮВА в отдельную группу (напр., [Истрин 1961 : 173; Зограф 1990 : 180]), свидетельствует, с одной стороны, об их «особости», с другой — об их промежуточном положении между северно- и южноиндийскими письменностями.

0.3.2. Монский алфавит

Традиционно в монский алфавит включали 34 знака согласных и 12 знаков гласных:

က [kaˀ], ခ [khaˀ], ဂ [kɛˀ], ဃ [kɛ̱a], ၚ [ŋɛ̱a], စ [caˀ], ဆ [chaˀ], ဇ [cɛ̱ˀ], ၛ [cɛ̱a], ည [ɲɛ̱a], ဋ [taˀ], ဌ [thaˀ], ဍ [daˀ], ဎ [thɛ̱a], ဏ [naˀ], တ [taˀ], ထ [thaˀ], ဒ [tɛ̱ˀ], ဓ [thɛ̱a], န [nɛ̱a], ပ [paˀ], ဖ [phaˀ], ဗ [pɛ̱ˀ], ဘ [phɛ̱a], မ [mɛ̱a], ယ [jɛ̱a], ရ [rɛ̱a], လ [lɛ̱a], ဝ [wɛ̱a], သ [saˀ], ဟ [haˀ], ဠ [laˀ], ၜ [baˀ], ၝ [bɛ̱a]; အ <a>[23], အာ <ā>, ဣ <i>, ဣဳ <ī>, ဥ <u>, ဥူ <ū>, ဨ <e>, အဲ <ay>, ဩ (ဪ) <o>, အဴ<au>, အံ <aṁ>, အး <aḥ> [Haswell 1874 : 1].

В последующих работах по монскому языку знак အ <a>, в качестве начального согласного слога имеющий консонантное значение [ˀ], также включают в число согласных. Особенность монского — то, что этот знак применяется и в качестве *конечнослогового* согласного (в древнебирманском он использовался в этой позиции для обозначения 1-го тона) [ЕВ 1.2 : 82]. Графему အ обычно вклю-

[21] http://en.wikipedia.org/wiki/Timeline_of_Buddhism.

[22] Но именно такую трактовку, очевидно, предлагают авторы публикации на сайте http://en. wikipedia.org/wiki/Grantha_script, ссылаясь на работу [Grünendahl 2001].

[23] Поскольку фонетическое значение графем гласных в монском языке позиционно обусловлено, здесь их названия даны в транслитерации.

ают в число как гласных, где она соответствует индийскому краткому <a>, так и согласных, поскольку она занимает позицию начального согласного. Таким образом, в изолированном виде этот знак произносится как [ˀaˀ], имея одновременно значения и гласного и согласного[24]. В словарях его, а также все знаки гласных, помещают в самое начало или в самый конец алфавита (то же самое имеет место в бирманской и в кхмерской лексикографии).

Два «новых» знака согласных — ၜ <ba> и မ္ဗ <mba>, используемые для обозначения преглотттализованного /ɓ/ соответственно для первого и второго регистров (см. 2.2) — собственно монское изобретение, их не было в индийских письменностях и нет в бирманском алфавите. Первый знак — <ba> — «действительно является новой буквой и встречается в ранней эпиграфике <...> Второй — просто образован из сочетания *mb*, в котором *b* — подстрочный знак, слегка видоизменённый в современном языке, где эта комбинация в начальнослоговой позиции считается настоящей буквой (каковой она и стала в действительности)» [EB 1.2 : 78].

Графема အို <ui> не включалась в традиционный алфавит, так как была изобретена бирманцами. «Дискриминация» этой графемы, которая «не всегда признаётся членом алфавита, хотя и обозначает противопоставленный всем другим гласным звук», имеет место и в бирманском языке, что объясняется тем, что алфавит пришел в Бирму вместе с буддизмом хинаяны и «был воспринят как канонизированная система знаков, не подлежащая каким-либо изменениям» [Янсон 1988 : 141–142].

По свидетельству Р. А. Янсона, сочетание <ui> не отмечается в раннемонских текстах VI–VII вв.: «По-видимому, оно было введено в графический “оборот” бирманцами», у которых к XII в. оно стало устойчивым, приобрело стабильную графическую форму и не чередовалось с другими знаками, в то время как в монском «вплоть до XVI в. оно бессистемно чередовалось на письме практически со всем набором гласных». Таким образом, «если допустить, что “авторами” диграфа были моны, мы не можем объяснить, для какого звука он был изобретен» [Янсон 1990 : 77].

Бирманское происхождение диграфа <ui>, очевидно, под-

[24] Второй знак [ˀ] обозначает гортанную смычку после этимологически кратких гласных в графически открытом слоге.

тверждается и более ограниченной его дистрибуцией в монском, где он не встречается в графически открытых слогах. В монских словарях слова на <ui> помещаются после знака <aḥ>, т. е. в самом конце алфавита, что также свидетельствует о его позднем появлении.

Для обозначения «начальных» гласных <i, ī, u, ū, e, o> в монском языке имеются специальные графемы, однако у них есть аналоги, образованные с использованием графемы <’a> и несамостоятельных знаков гласных, т. е. так же, как и остальные знаки гласных. Например, အီ соответствует ဣ, အု — ဥ и т. д. Возможность двоякого написания слогов, «начинающихся с гласного», делает самостоятельные знаки избыточными. Наличие дублетных написаний с самостоятельными и несамостоятельными знаками гласных, на наш взгляд, выражает тенденцию к устранению архаичных знаков, к упрощению письма. Однако для индийских заимствований, как правило, сохраняются «архаичные» варианты написания.

Таблица 1. **Транслитерация согласных**

Варга	Глухие				«Звонкие»*				Носовые	
	Неаспирированные		Аспирированные		Неаспирированные		Аспирированные		Неаспирированные	
I	က	k	ခ	kh	ဂ	g	ဃ	gh	ၚ	ṅ
II	စ	c	ဆ	ch	ဇ	j	ဈ	jh	ည	ñ
III	ဋ	ṭ	ဌ	ṭh	ဍ	ḍ	ဎ	ḍh	ဏ	ṇ
IV	တ	t	ထ	th	ဒ	d	ဓ	dh	န	n
V	ပ	p	ဖ	ph	ဗ	b	ဘ	bh	မ	m
VI	ယ	y	ရ	r	လ	l	ဝ	v		
	သ	s	ဟ	h	ဠ	ḷ	ၜ	ḅ		
	ၝ	mb	အ	’	အံ	aṁ	အး	aḥ**		

Примечания:

* Признак звонкости утратил релевантность, когда произошло оглушение этимологически звонких (3-й и 4-й вертикальные ряды). Новые звонкие d <ḍ> и b <ḅ, mb> сохранились благодаря преглоттализации.

** Знаки အံ (<a> + *анусвара*) и အး (<a> + *висарга*) традиционно считаются знаками *гласных* и помещаются в конце их списка. Мы включаем их в эту таблицу исходя из их фонетического значения и традиционного обозначения их знаками *согласных* как в транскрипции, так и в транслитерации.

Порядок расположения букв монского алфавита соответствует расположению знаков в индийских системах письма. Такое распо-

ложение фонологически обоснованно: знаки упорядочены по месту и способу образования соответствующих звуков пали и санскрита (табл. 1).

Горизонтальные ряды, именуемые *варгами*, соответствуют пяти локальным классам согласных: I — велярные, II — палатальные, III — «церебральные»[25], IV — дентальные, V — лабиальные. VI варга объединяет разные по месту и способу образования согласные. Вертикальные ряды представляют собой классификацию по глухости / звонкости, придыхательности / непридыхательности и назальности / неназальности.

0.3.3. Транслитерация монского письма

В основе *транслитерации*, применяемой в нашей работе, лежит транслитерация Х. Л. Шорто для монского языка [Shorto 1962], с несколькими отличиями: 1) по техническим причинам вместо <ḅ> с точкой внизу мы используем подчеркнутое <b̲>; 2) вместо знака <w> мы используем знак <v>, что общепринято для письменностей индийского происхождения; 3) исходя из принципа обратимости транслитерации в оригинальную графику анусвару (ံ), вне зависимости от передаваемого ею фонетического значения, мы всегда обозначаем через <ṁ> (Х. Л. Шорто транслитерирует анусвару в каждом случае по-разному); единственное исключение составляет случай, когда этот же знак используется для обозначения гласного [ɔ] или [ò] перед велярной терминалью; здесь он транслитерируется как <å>; 4) гортанная смычка обозначается нами во всех позициях знаком <’>, чем достигается бóльшая наглядность структуры слога. Транслитерация примеров даётся в угловых скобках < >.

При транслитерации начальнослоговых кластеров символы, соответствующие подстрочным знакам согласных, следуют за символами основных знаков. Здесь мы не делаем исключения и для сочетаний знаков носовых с подписным <h>, т. е. для так называемых преаспирированных согласных. Тот же принцип трансли-

---

[25] Признак церебральности, существенный для индийских языков, для монского, по-видимому, никогда не был релевантен, и это определение — чистая условность.

терации принят и для бирманских примеров, чтобы сделать их сопоставимыми с соответствующими монскими формами[26].

В литературе встречаются расхождения в транслитерации знака အို <ui>, представляющего собой комбинацию графем <i> и <u>. Р. А. Янсон, вслед за Пуллиблэнком, трактует этот диграф как <iu> [Янсон 1990 : 76]. Мы предпочитаем придерживаться традиционной для монского языкознания транслитерации и рассматривать этот диграф как единый комплекс, подобный диграфу <o>, изображаемому в виде сочетания графов <e> и <ā>. Взаиморасположение графических элементов в таких случаях безразлично: в составе комплекса они утрачивают индивидуальное значение.

Положение знака အဲ <ay/ai> в системе монского письма двойственно, отсюда — расхождения в его транслитерации. Будучи по происхождению знаком гласного (знак <ay> восходит к индийскому <e> или <ai>[27]), спустя некоторое время он полностью или частично заменил собой конечный согласный <y> [EB 1.2 : 81].

Таблица 2. **Транслитерация гласных**

Самостоятельные знаки		Несамостоятельные знаки гласных					Самостоятельные знаки		Несамостоятельные знаки гласных			
အ	a	▪	-a				ဨ	e	ေ▪	-e		
အာ	ā	▪ာ	-ā	▪ါ	-ā		အဲ	ay	▪ဲ	-ay		
ဣ	i	▪ိ	-i				ဩ	o	ေ▪ာ	-o		
ဣဳ	ī	▪ီ	-ī				ဢ်	au	▪်	-au		
ဥ	u	▪ု	-u	▪ု	-u		အံ	å	▪ံ	-å-		
ဥူ	ū	▪ူ	-ū	▪ူ	-ū		အို	ui	▪ို	-ui	▪ို	-ui

Примечание: На месте значка ▪ может находиться любой знак согласного

Ч. О. Блэгден отмечает, что еще в XIX в. наблюдалось варьирование написаний အယ် <ay> и အဲ <ai>. Он полагает, что замена конечнослогового <y> на <ai> была, вероятно, вызвана лишь

---

[26] Р. А. Янсон считает, что правильнее помещать <h> *перед* соответствующими символами носовых, поскольку «знак-аналог буквы *h* <...> используется для передачи звука *h* в качестве первого компонента сочетаний согласных» [Янсон 1990 : 13].

[27] В санскрите графема <ai> в сочетании со знаком <e> использовалась для обозначения [ai] — как «самостоятельный», 12-й знак деванагари, а со знаками согласных — для обозначения [e].

большей простотой написания, и сожалеет о том, что это новшество привело к появлению «чудовищных комбинаций» типа <āai>, <uiai>, <eai> и <oai> [Blagden 1910 : 489–490][28].

Итак, несмотря на статус гласного, придаваемый знаку <ai> в алфавите (он помещается между <e> и <o>), *реально* он использовался для обозначения терминали /j/. Доказательством этому может служить то, что этот знак сочетается (и в современном языке!) с другими знаками гласных: <a>, <ā>, <u>, <ui>, <e>, <o>, однако не сочетается с конечными согласными. Об этом же свидетельствует место слов на <ai> в словаре в тех случаях, когда <ai> употребляется в сочетании с каким-либо другим знаком гласного: тогда эти слова помещаются между словами на «гласный + <m>» и «гласный + <v>», т. е. там, где должны были бы располагаться слова на «гласный + <y>».

Падение неносовых сонантных терминалей привело к тому, что графема <ai/ay> (так же, как и <v>) перестала обозначать терминаль *фонологического* слога. В современном языке она используется, в том числе в сочетании с другими знаками гласных, для обозначения различных дифтонгов. Несмотря на это, знак <ai/ay>, функционально тождественный конечному <y>, целесообразно интерпретировать как *графическую* терминаль <y>[29].

0.3.4. Различия между монским и бирманским письмом

Известно, что монский алфавит стал источником бирманского письма. Бирманские специалисты приписывают приоритет в изобретении этого письма древним бирманцам, однако имеющиеся на территории Бирмы памятники на монском языке не позволяют предположить, что создателями монской письменности были бир-

[28] Исходя из формального значения этой графемы как эквивалента графической терминали <y>, Х. Л. Шорто транслитерирует <ai> как <(a)y>, где знак присущего (а) при соединении с другим гласным замещается символом этого гласного: <e> + <ay> → <ey>. Таким образом «чудовищные комбинации» удалось устранить.

[29] О значении терминов, относящихся к структуре фонологического слога (инициаль, финаль, централь, терминаль) см. в разделе 0.5.2. Их использование для обозначения элементов графического слога нетрадиционно, однако весьма удобно.

манцы [Янсон 1972 : 76]. Возникновение современного бирманского письма относится к XIII–XIV вв., причём его стандартизация произошла лишь в XVIII–XIX вв. [Ferlus 1984 : 11–12].

Несмотря на весьма значительное (и вполне закономерное) внешнее подобие, между монским и бирманским письмом имеются некоторые, также вполне закономерные отличия.

Эти отличия объясняются отчасти степенью приверженности традициям (монская графика более консервативна), отчасти — различиями в фонетике этих двух языков.

Прежде всего бирманский язык в отличие от монского — тональный, следовательно, для графического отображения тонов потребовались определённые средства, естественно, отсутствовавшие в монском письме. Но такие средства были найдены в самом же монском алфавите путём реинтерпретации некоторых графических элементов (или их отсутствия).

Монские графемы этимологически кратких гласных <a>, <i>, <u> в графически открытом слоге обозначают слоги, завершающиеся гортанной смычкой. В бирманском они используются для обозначения 1-го тона. Соответствующие графемы долгих гласных в монском обозначают фонологически открытый слог, в бирманском — обозначают 2-й тон. Висарга (း) в монском используется для обозначения терминали /h/, в бирманском — для обозначения 3-го тона, причём практически независимо от структуры графического слога — даже после носовых терминалей (т. е., когда место терминали уже *занято* другим элементом!) и знаков *долгих* гласных, что исключено для монского языка.

Из прочих отличий необходимо отметить следующие.

1. В монском языке имеется на два знака согласных больше, чем в бирманском, где отсутствуют графемы ၜ <b̤> и ၝ <mb>.

2. Для обозначения индийского знака <jh> в бирманском используется лигатура ချ <cy>, в монском — ဇျ <jy>. Монский вариант следует признать более логичным, так как он отражает этимологическую звонкость согласного <jh>.

3. Знак <ṅ> в монском в начале слога имеет дублирующий подстрочный знак (ၚ), исчезающий в конечнослоговой позиции (င). В бирманском начертание согласного <ṅ> одинаково, независимо от позиции.

4. Из 64–66 графических консонантных кластеров, имеющихся в современном бирманском языке, в монском не обнаруживается 25, хотя реально в монском кластеров (особенно — графических) значительно больше, чем в бирманском. Для монов такие бирманские последовательности, как <khyv, khrv, mhrv>, поистине должны выглядеть чудовищно. Фонетическое значение сочетаний согласных в этих языках часто значительно отличается.

Вот несколько наиболее характерных примеров:

	Бирм.	Мон.		Бирм.	Мон.
<gy>	[ɟ]	[c]	<kv>	[kw, gw]	[kw]
<ch>	[sh]	[ch]	<gv>	[gw]	[kw]
<cv>	[sw, zw]	[hw]	<tv>	[tw]	[kw]
<jv>	[zw]	[hw]	<thv>	[thw]	[kw]
<sv>	[θw]	[hw]	<dv>	[dw]	[kw]
<yv>	[jw]	[j]	<phr>	[phj, bj]	[phr]
<khr>	[ch, ɟ]	[khr]	<py>	[pj, bj]	[pj]
<khv>	[khw, gw]	[khw]	<by>	[bj]	[pj]
<kr>	[c, ɟ]	[kr]	<pr>	[pj, bj]	[pr]
<gr>	[ɟ]	[kr]	 	[bj]	[pr]

5. Монским самостоятельным знакам гласных ဣဳ <ī> и ဥူ <ū> в бирманском соответствуют знаки ဤ и ဦ.

6. И в монском и в бирманском графемы ဩ и ဪ <o> функционально тождественны. Но сочетание ဪ с *вирамом* (ဪ်) в бирманском трактуется, очевидно, как <ō>, а в монском — как <ok> (подробнее об этом см. в разделе 0.4).

7. В монском имеются дополнительные знаки гласных ဴ <au> и ဵ <å>. Графемы ◌ာ <ā>, ဲ <ai>, ို <ui>, имеющиеся и в бирманском, не рассматриваются там как знаки особых гласных.

8. Бирманский надстрочный знак ီ <ī> графически тождествен монскому <iṁ>, в монском знак <ī> имеет специальное обозначение — ဳ, т. е. знак <i> с кружком внутри — так называемым rɛa tò.

9. В бирманском смычногортанная терминаль /ʔ/ обозначается одним из знаков глухих смычных <p t c k>, в монском имеются специфические способы её обозначения (подробнее об этом см. в разделе 0.4).

0.4. СООТНОШЕНИЕ ГРАФИЧЕСКОГО И ФОНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОГА

Монский графический слог полного состава представляет собой комбинацию одного или нескольких знаков начальнослоговых согласных; одного или нескольких символов гласных; конечнослогового согласного со знаком вирама (်) (при отсутствии которого последовательность двух графем согласных будет читаться, как два слога). Графический слог может иметь «многоэтажную» структуру.

Начальнослоговые согласные. Для графического изображения начальных согласных теоретически могут использоваться все знаки согласных, имеющихся в алфавите. Практически же некоторые знаки встречаются только в заимствованных словах (<ṭh>, <gh>), другие в современном языке не используются совсем (<ṭ>, <ḍh>, <ḷ>).

Знаки согласных, обозначающие непервые элементы в начальнослоговых консонантных группах и внутри неодносложных слов, изображаются в виде подписных знаков. Форма некоторых из них весьма существенно отличается от строчных знаков: ◌္င <ṅ>, ◌္ဍ <ḍ>[30], ◌္မ <m>, ◌္န <n>, ◌ျ<y>, ◌ြ <r>, ◌္လ <l>, ◌ှ <h>. Подписные <m>, <n>, <l> отличаются от соответствующих бирманских знаков. Впрочем, в словах индийского происхождения употребляются и аналогичные бирманским, т. е. просто уменьшенные копии строчных знаков: မ္မ <mm>, န္န <nn>, လ္လ <ll> и т. п.

Последовательности типа «согласный + h» обозначаются специальными буквами так называемых придыхательных согласных. Напротив, для графического изображения последовательностей типа «h + согласный» нет специальных букв, поэтому используются комбинации строчных знаков согласных и подстрочного <h>: ဉှ <ñh>, ဏှ <ṇh>, နှ <nh>, မှ <mh>, လှ <lh>, ဝှ <vh> (однако для этого существуют и другие графические средства, см. раздел 2.3.2.2). Комбинации ယှ <yh> и ရှ <rh> используются для обозначения согласного [ʃ] в заимствованных словах.

---

[30] Обычно подстрочный <ḍ> располагают горизонтально, с поворотом на 90° влево.

Отдельные сочетания согласных изображаются в виде особых лигатур: <ṭṭh> (ဋ + ဌ → ဋ္ဌ), <ss> (သ + သ → ဿ).

Гласные. Судя по данным эпиграфики, к началу XII в. в качестве графических централей в монском использовались только следующие восемь графем: <a>, <ā>, <i>, <ī>, <u>, <ū>, <e> и <o>.

Знаки အဲ <ai> и အဴ <au>, имеющие североиндийское происхождение, до начала XII вв. практически не применялись. По свидетельству Х. Л. Шорто, в эпиграфике они «встречаются спорадически лишь в нескольких текстах», причем в сочетании с другими знаками, будучи исключительно редкими вариантами диграфов <ui>, <eai>, <oau> [Shorto 1965 : 93]. Как уже отмечалось, положение этих знаков в системе монского письма двойственно. Будучи по происхождению знаками гласных, *формально* они обозначают графические терминали, *фактически* же служат для обозначения дифтонгов (т. е. гласных!) — соответственно oa/òa и ao/ɛ̱a в открытом слоге. Кроме того, графема <ai> в составе диграфов применяется и для обозначения других дифтонгов в открытом слоге: <ā> + <ai> → ai/ài, <u> + <ai> → ɔe, ui/ùi, <e> + <ai> → ea/ɛ̱a, <ui> + <ai> → oi/ùi. В сочетании с <o> она дублирует сама себя, образуя тот же дифтонг oa/òa. Таким образом, знаки <ai> и <au> прошли путь двойной реинтерпретации: гласный — согласный — гласный.

Знак အံ <å> (согласный + анусвара) начинает появляться в средневековых надписях для обозначения [ɔ] в закрытом слоге [EB 1.2 : 81]. Первоначально он использовался не только перед велярными терминалями, как в современном языке, но практически и перед всеми другими, хотя в словах со звонкими инициалями в этих целях уже стали использовать знак <o>. Иногда различные написания (<å> или <o>) имеют словоразличительное значение, но чаще дублируют друг друга.

О графеме အို <ui> уже упоминалось в разделе 0.3.2. В раннедревнемонском она встречалась крайне редко, а обозначаемый ею звук обычно передавался какой-либо другой, выбранной «почти наугад», графемой [Ibid.]. В конце позднедревнемонского периода она закрепляется за определённым гласным и используется уже

вполне стабильно в свойственном ей фонетическом значении, о чем будет сказано в разделе 1.3.2.1.

Графемы ဩ и ဪ <o> в монском всегда использовались как равноправные варианты друг друга (любопытно, что Хэзуэлл приводит как основной первый вариант, а Ч. О. Блэгден — второй; иногда использовался также вариант ခြာ, тождественный <khrā>!). Полная форма знаков <o> тождественна сочетаниям графем <sra> и <sro> соответственно, таким образом, например, графическое слово ဩ может иметь два варианта чтения и два разных значения: ˀao 'небольшая бухта' и saˀ 'буракс', а форма ဪ графически тождественна слову sao в словосочетании mìn sao 'факел из бамбуковых щепок'.

Что касается комбинации «долгого ō» с вирамом, Р. А. Янсон полагает, что «этот знак в монско-бирманском алфавите — изобретение монов» [Янсон 1990 : 12]. Судя по тому, что в «Бирманско-русском словаре» имеется только одно слово с этим знаком (и то — междометие!), для бирманцев это, по всей видимости, действительно чуждый знак. Тем более, что в бирманском не принято ставить вирам над знаком гласного[31]. Как знак второго тона вирам также неорганичен. Вместе с тем монское ဪ် — это не особый знак гласного, а один из способов обозначения последовательности <ok> (см. ниже). Возможно, бирманцы воспользовались монским знаком безотносительно к его действительному фонетическому значению — просто чтобы создать пару уже существующему «краткому» <o>. Но возможна и иная версия: знак, внешне весьма подобный бирманскому ေ◌ာ်, имеется, например, в кхмерском (<au>) и лаосском языках, влияние которых, хотя и менее вероятное, чем сингальское, исключать всё же нельзя. То, что [o] и [au] — родственные звуки, вполне тривиальный факт.

Конечнослоговые согласные. Количество графических терминалей значительно более ограничено по сравнению с количеством инициалей. В собственно монских словах используются только

---

[31] Любопытно, что в сингальском <ō> обозначается именно как комбинация <e> + <ā> + вирам!

следующие знаки: <p>, <ṁ> (реже <m>[32]), <t>, <n>, <k>, <ṅ>, <h>, <ḥ>, <’>, <v>. Немая терминаль <v> сохранилась в виде рефлекса <r>, <l> и <v> после падения сонантных терминалей. В современном языке знак <v> в качестве графической терминали есть не что иное, как диакритический знак, один из способов обозначения фонологически открытого слога с централями <a>, <e>, <o>, <ui>.

В заимствованиях встречаются также и некоторые другие графические терминали: <j> (<pārāj> pərat ‘одно из главных нарушений монашеского устава’, <’ekarāj> ekərat ‘король’), <ñ> (<dāñ> tàn ‘перечитывать’, <byañ> pjòn ‘согласный звук’), <ṭ> (<kuiṭ> kɒt ‘сто тысяч’), <ṇ> (<guṇ> kùn ‘благое дело’, <dāṇ> tàn ‘наказание’, <’arhuiṇ> ʔəsɒn ‘заря’), <d> (<gād> kàt ‘вооружённая охрана’, <buid> pɜ̱t ‘Веда’), <r> (<sar> sɔ: ʔəca ~ ‘хирург’, <’akhar> ʔəkhɔ ‘буква’, <’asar> ʔəsɔ ‘чудо’, <mhāther> hmathe ‘старший монах’), <l> (<buil> pɜ̱ ‘армия’, <kavel> kəwe ‘род тыквы *(Momordica charantia)*’, <kusuil> kaoʔsɒ ‘воздаяние’), <s> (<kes> kih: kao ~ ‘*Mimusops elengi (цветок)*’, <pas> pɔh ‘лающий олень, мунтжак’, <pās> pah ‘петля’, <’ākās> ʔəkah ‘небо’).

Обозначение терминалей /k/, /h/ и /ʔ/ имеет свою специфику.

Терминаль /k/ после гласных, изображаемых графемами <ā> и <o>, с середины XVI в. [Shorto 1971 : XII] стали обозначать с помощью знака вирама: ◌ာ် ~ ◌ါ် <āk>, ေ◌ာ် ~ ေ◌ါ် <ok>: ခာ် khaik <khāk> ‘откашливаться’, ပါ် paik <pāk> ‘делить на части’, ခေၚ် khok <khok> ‘чашка’, ဂေါ် kòk <gok> ‘печь для обжига’, သြော် sòk <srok> ‘переулок’ и т. п.

Терминаль /h/ имеет несколько способов обозначения: с помощью графемы <h> с вирамом (nìh <mnih> ‘человек’, sòh <jrah> ‘пр́опасть’); с помощью висарги <ḥ> (hnɛ̱h <jnaḥ> ‘победоносный’, kah <kaḥ> ‘брить’); с помощью анусвары <ṁ> (hwòh <jvaṁ> ‘лихорадка’, phjih <phyeṁ> ‘понижать’); со знаками гласных <a>, <e>, <o> — часто с помощью подстрочного

[32] В древнемонском языке знак <ṁ> «представлял собой просто сокращенную форму написания *m* (в конце слова или слога) и свободно варьировал с *m*» [EB 1.2:81].

<h> с вирамом (kɔh ကဟ် ‘сухой’, ɓeh ဗေဟ် ‘оскорблять’, taoh တောဟ် ‘тереть’); в текстах конца XIX в. — часто с помощью особой лигатуры ၔ, функционально тождественной <h> с вирамом (khɒh ခုၔ ‘хороший’, hleh လှေၔ ‘мокрота’). В средневековых текстах нередко встречается «удвоенное» написание терминали /h/ как <ḥh> — возможно, для того чтобы отличить от подобных бирманских слов, где знак <ḥ> используется для обозначения третьего тона, а не конечного согласного.

Терминаль /ʔ/ также имеет несколько способов обозначения: с помощью графемы <’(a)> с вирамом (krɔʔ <tra’> ‘сумасшедший’, khɒʔ <khui’> ‘подпирать’); с помощью анусвары <ṁ> (mɔʔ <tmaṁ> ‘камень’, lèʔ <leṁ> ‘палка’, klɒʔ <kloṁ> ‘пересекать’, còʔ <cuiṁ> *пригласительная частица*); с помощью этимологических кратких гласных <a, i, u> в графически открытом слоге (hlaʔ <sla> ‘лист’, pɔeʔ <pi> ‘три’, chuʔ <chu> ‘дерево’).

Как видно, фонетическая интерпретация отдельных знаков монского графического слога не лишена двусмысленности, когда ни позиция, ни что-либо иное не указывают на их значение, а омографы не обязательно представляют собой омонимы: <kaṁ> kɔʔ ‘шея’ ~ kɔm ‘пуля’, <kraṁ> krɔʔ ‘сумасшедший’ ~ krɔm ‘плохой’, <ɓaṁ> pòʔ ‘горб’ ~ pòm ‘корзина’, <leṁ> lèʔ ‘палка, прут’ ~ lèm *‘название растения’*, <sleṁ> hleʔ ‘соблазнять’ ~ həleh ‘сомневаться’. В отдельных случаях за конкретным написанием закреплено единственное произношение. Напр., <thoṁ> ‘почти’ может читаться только как [thɒʔ], <truṁ> ‘мужчина’ только как [kraoh], а <toṁ> ‘варить’ — только как [tom].

Очевидно, условности орфографии сохраняются в значительной степени благодаря тому, что иногда они обеспечивают различение слов.

Формат графического слога не всегда совпадает с форматом фонетического и фонологического слога.

1. Графический (одно)слог может обозначать как односложное слово (ОС), так и «полуторасложное» (ПС)[33], между которыми мо-

---

[33] Термин ПС (sesquisyllabic word) был впервые применен Дж. Матисоффом [Matisoff 1973] и поддержан Я.-У. Свантессоном [Svantesson 1983; 1991] (о его

жет существовать семантическая связь (<tṅay> ŋoa ‘солнце, день’ ~ təŋoa ‘полдень’, <prāp> prap ‘приближаться’ ~ pərap ‘подносить ближе’), но может и отсутствовать (<praṅ> prɛŋ ‘бык’ ~ pərɛŋ ‘пляж’, <tmaṁ> mɔʔ ‘камень’ ~ kəmɔʔ ‘все, каждый’). Возможность интерпретации одного и того же графического слога как ОС или как ПС доказывает, что такие «чередования» фонологически необусловлены. Соответственно фонологическое ПС может обозначаться как графическим (одно)слогом, так и графическим двуслогом (<ɓvav> ~ <ɓavav> həwò ‘куча, груда’, <lcin> ~ <lacin> kəcin ‘кольцо’), причем нередко эти написания эквивалентны друг другу как с фонетической точки зрения, так и по значению.

Значительно реже случается, наоборот, что фонологический (одно)слог графически изображается как двуслог (mat <kmāt> ~ <kamāt> ‘закрывать’, ŋɔk <tṅåk> ~ <taṅåk> ‘быть изогнутым’). Видимых закономерностей того или иного способа графического изображения слов установить невозможно, скорее всего, здесь проявляется отсутствие твердых принципов орфографии. Иногда тот или иной вариант написания — единственный (или предпочтительный); в противном случае установить, что имеется в виду — ОС или ПС — можно только в контексте.

2. Структура инициали графического слога часто бывает сложнее, чем структура инициали фонологического слога, что свидетельствует о фонологическом упрощении структуры инициали в диахроническом плане при сохранении традиционного написания (<pḍay> ɗoa ‘в, на’, <sṅay> hòa ‘далекий’). Традиционное написание часто служит для обозначения регистра, особенно при сонантных и спирантных инициалях основных слогов, относительно нейтральных к регистру (<sjuṅ> sə̱ŋ ‘ясный, чистый’, <jreh> sèh ‘кольцо, круг’, <ɓnuh> nùh ‘копье’, <yyev> je ‘полиция’) и т. п.

истории см. [Matisoff 1989 : 187]). В современной литературе он успел получить широкое распространение. Этот термин может вызывать возражения, однако, на наш взгляд, он оказывается чрезвычайно удобным для описания мон-кхмерских, как и ряда других индокитайских языков, поскольку позволяет провести грань между двусложными словами, состоящими из двух полных слогов, и словами, образованными из одного полного и одного «неполного» слога (подробнее об этом см. в разделе 3.4). Это различие весьма существенно с точки зрения фонологии рассматриваемых языков.

3. Графически закрытый слог, как уже отмечалось, может быть фонологически открытым, и наоборот: <kav> kɔ 'паста', <cov> co 'ручей', <tuy> tɔe 'земля', <they> thea 'злой', но: <ti> tɔeˀ 'готовый', <ca> cɛˀ 'есть', <tu> taoˀ 'улитка'.

4. Вследствие фонологической иррелевантности признака долготы гласных в тех случаях, когда имеется оппозиция графически долгих и графически кратких гласных, графическая долгота используется для обозначения фонологически открытого слога (<kī> ki 'лаять', <bā> ba 'два', <chū> chu 'писать'), а графическая краткость — для обозначения фонологически закрытого слога с терминалью в виде гортанной смычки (<thi> thiˀ 'полный, целый', <ka> kaˀ 'рыба', <chu ~ khyu> chuˀ 'дерево, древесина').

Любопытен способ графического изображения повторов. В отличие от кхмерского и тайского языков, в монской графике отсутствует специальный знак, обозначающий повторение предыдущего слога, поэтому графически открытые слоги, а также слоги с *анусварой* и *висаргой* (которые, напомним, традиционно считаются знаками гласных), воспроизводятся полностью. Однако графически закрытые слоги удваиваются путем повторения конечного согласного с вирамом: sɛk sɛk <sak-k> 'полностью', t<u>ɛ</u>aŋ t<u>ɛ</u>aŋ <daṅ-ṅ> (скрип), dot dot <ḍot-t> 'совсем маленький', krop krop <krop-p> (хруст), hɲɔh hɲɔh <ñhah-h> (гнусавый голос) и т. п.

Моны, как и другие народы ЮВА, пишут слева направо, не делая пробелов между словами. Они употребляют только три знака пунктуации — ၊ (pɒt dot, знак конца синтагмы), ။ (pɒt hnòk, знак конца предложения) и ။ ။ (pɒt chak, знак конца раздела).

Современный монский язык отличается весьма значительным разрывом между произношением и орфографией. Ср.: <saṅit> hɛt 'спокойный', <drav> krò 'род скрипки', <dnay> hnòa 'гребень *(птицы)*', <lasu> kəsaoˀ 'лопасть гребного колеса', <dadeṁ> hətèˀ 'младший *(сын)*', <dra> hər<u>ɛ</u>ˀ 'глиняный кувшин', где от исходной формы сохранился лишь один звук. А между написанием <jamṅay> и произношением kəhòa 'расстояние' вообще на первый взгляд нет ничего общего.

Монская графика, с одной стороны, весьма архаична и консервативна, так как продолжает сохранять в написании знаки для обозначения звуков, исчезнувших из звуковой формы слов в процессе эволюции: ʔui <s’uy> ‘гнилой’, ɗa <kḍā> ‘мелкий’, paʔ <lpa> *‘запретительная частица’* и т. п. Вместе с тем написание отдельных слов допускает самые широкие вариации. Х. Л. Шорто приводит пример, когда одно и то же слово hədɒh ‘процеживать’ изображается девятью (!) разными способами: <khaḍuih, gaḍuih, thaḍoh, thaḍuih, thḍuih, daḍoh, phaḍuih, saḍuih, sḍuih> [Shorto 1962 : XV]. Он обращал внимание на то, что «письменный и разговорный язык <...> разошлись до такой степени, что невозможно сформулировать ни одного набора описательных утверждений (descriptive statements), пригодных для того, чтобы охватить тот и другой» [Ibid.]. Достаточно отметить, что для графического изображения 18 простых и 21 кластерной инициали в монском имеется 35 графем и около 160 их сочетаний, т. е. в среднем по 5 способов написания каждой инициали. Для 9 гласных и 9 дифтонгов в среднем имеется 3–4 способа написания. В свою очередь, 11 графем гласных могут иметь от 1 до 7 вариантов чтения (основные соответствия между гласными звуками и их графическим изображением в разных позициях показаны в табл. 3).

Выбор того или иного варианта написания нередко лишь отчасти определяется правилами современной фонологии, главным же образом — традицией и этимологией. В связи с этим во многих случаях отсутствует однозначное соотношение между графикой и произношением.

Таблица 3. **Графическое изображение гласных в разных позициях**

Звук	Терминали						R
	#	-ʔ	-h	-k, -ŋ	-t, -n	-p, -m	
[ɔe]	ī, uy	i	i	-	-	-	R 1
[i]	ī	i	i	-	i	i	R 1
		i	i	-	i	i(ṁ)	R 2
[e]	e(v)	e	e	-	e	e	R 1
	e(v)	e	e	-	e	e	R 2
[ea]	ey	-	-	e	-	-	R 1
[ɛ]	-	a	-	a	i	i	R 1
	-	a	a(ḥ)	a	i	i(ṁ)	R 2

Продолжение табл. 3

Звук	Терминали						R
	#	-ʔ	-h	-k, -ŋ	-t, -n	-p, -m	
[ɛa]	ā	-	-	e, a	-	-	R 2
[a]	ā	a	a(ḥ)	ui	ā	ā	R 1
	ā	-	-	ui	ā	ā	R 2
[ai]	āy	-	-	ā	-	-	R 1
	āy	-	-	ā	-	-	R 2
[ɒ]	uiv	o'	ui	-	ui	ui	R 1
[ɜ]	uiv	-	-	u	ui	ui	R 1
	o,uiv	ui	o,ui	u	ui	ui(ṁ)	R 2
[ɔ]	av	a'	a	å	a	a	R 1
[ɔi]	-	-	-	e	-	-	R 1
[o]	ov	-	-	å, o	a, o	a, o	R 1
	o, ov	a'	a	å, o	a, o	a, o	R 2
[oi]	uiy	-	-	i	-	-	R 1
	-	-	-	i	-	-	R 2
[oa]	ay, oy	-	-	-	-	-	R 1
	ay	-	-	-	-	-	R 2
[ao]	o, au	u	u	-	-	-	R 1
[u]	ū	u	u, o	-	u	u	R 1
	ū	u	u	-	u	u	R 2
[ui]	uy	-	-	-	-	-	R 1
	uy	-	-	-	-	-	R 2
	#	-ʔ	-h	-k, -ŋ	-t, -n	-p, -m	

Вышесказанное означает, что описание фонологии современного монского языка с учетом письма представляет большие сложности. Вместе с тем графическая форма монских слов иногда позволяет объяснить некоторые фонологические процессы, протекавшие в истории этого языка.

Поэтому мы, как правило, приводим транслитерацию примеров, для того чтобы дать представление о графической форме слов, и, в случае с производными словами, — сделать более наглядной и объяснимой их морфологическую структуру. В этой работе мы не ставили задачи показать фонологические процессы в диахронии в полном объёме. Тем не менее краткий обзор исторической фонологии весьма уместен.

0.5. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

По классификации В. Б. Касевича [1974; 1983 и др.], мон-кхмерские языки отнесены к «несобственно слоговым языкам» (квази-СЯ), особенность которых по сравнению с собственно слоговыми языками (СЯ) — наличие морфем меньшей протяжённости, чем слог.

Положение мон-кхмерских языков в фонологической классификации В. Б. Касевича довольно двусмысленно: «Наличие морфем, меньших, чем слог, как бы мало оно ни было, не даёт возможности считать кхмерский язык слоговым. Вместе с тем по своему фонологическому устройству он принципиальным образом отличается от языков неслогового типа (какими являются, например, европейские) и обладает всеми основными чертами слогового языка» [Еловков 2006 : 25]. Сказанное в полной мере можно отнести и к монскому языку.

Итак, с одной стороны, мон-кхмерские языки располагают консонантными аффиксами и, кроме того, вследствие инфиксации, простая инициаль в них может отделяться от финали, а кластерная — делиться на составные части, что благоприятствует рассмотрению синтагматических элементов слога именно в пределах традиционной, т. е. фонемной, фонологии, даже с учетом самых ригористических требований, предъявляемых к сегментации сторонниками слоговой фонологии.

Описания различных аспектов монской фонологии в зарубежной лингвистике выполнены именно в таком традиционном, «общелингвистическом» ключе. Однако ведущие специалисты по мон-кхмерским языкам отмечают неустойчивость систем вокализма (vowel instability [Smith 1979 : 56]) во многих из этих языков, неустойчивость «до такой степени, что становится затруднительным описывать их в терминах контрастирующих (distinct) фонем» [Thomas 1971 : 48]. Перекрещивающиеся дистрибуции многих гласных затрудняют использование традиционного подхода к их описанию. Когда дополнительно распределены не два звука, а группы звуков, дополнительная дистрибуция не даёт оснований для их отождествления. В монском языке, как мы увидим в дальнейшем, между гласными существуют именно такие, весьма сложные, отношения комплементарности.

С другой стороны, описание фонологии СЯ (включая и квазислоговые мон-кхмерские) немыслимо без анализа структуры слога, в связи с чем бинарная сегментация не только весьма уместна, но и необходима. Таким образом, для описания фонологии мон-кхмерских языков в принципе оба подхода приемлемы.

В силу того, что монский, как и кхмерский, «обладает всеми основными чертами слогового языка», класс квази-СЯ можно считать подклассом СЯ и, следовательно, описывать его, основываясь на принципах слоговой фонологии. Практика показывает, что методы слоговой фонологии более удобны и адекватны, чем традиционные, для описания языка, в центре фонологии которого находится слог.

Прежде чем перейти к рассмотрению собственно монского материала, следует дать общую характеристику СЯ и коротко изложить принципы слоговой фонологии, определив основные понятия, которыми мы будем пользоваться в нашей работе.

0.5.1. Понятие слоговых языков

СЯ — основной фонологический тип языков Китая и Юго-Восточной Азии, таких как китайский, вьетнамский, бирманский и т. п., «в фонологической системе которых основной единицей является слог» и для которых характерно совпадение границ слогов и морфем, «поэтому экспонент (означающее) морфемы фонологически не может быть «короче» слога; границы слогов не могут перемещаться. Морфемная граница внутри слога невозможна, и слог — минимальный элемент, необходимый для образования морфемы. Это делает слог (силлабему) единицей, сопоставимой с фонемой с т. зр. конститутивных возможностей» [Касевич 1990 : 470].

Термином «СЯ» оперируют как сторонники слоговой (нефонемной) фонологии, так и приверженцы традиционных фонологических взглядов. Оба фонологических направления, говоря о СЯ, по существу имеют в виду одни и те же языки изолирующего строя и одни и те же явления, характерные для этих языков. Вместе с тем наблюдается по меньшей мере три разных понимания этого термина:

1) при «каноническом» подходе, когда слог рассматривается как минимальная фонологическая единица, слоговыми считаются

языки, чьи морфологические особенности не допускают выделения фонем путем функционального сегментирования, в связи с чем в них «аналогом фонемы выступает — с точки зрения конститутивной функции — слог»; при этом различаются слоговые и слогоморфемные[34] языки [Касевич 1979; 1983 : 120, 161];

2) при подходе, по существу отождествляющем СЯ со слогоморфемными или моносиллабическими, СЯ — это класс языков, «в которых морфологическая граница совпадает со слоговой», при этом отрицается возможность фонемной сегментации слога, поскольку «природа фонетических единиц связана с морфологическим строем языка» [Гордина, Быстров 1984 : 13–14];

3) при подходе, отождествляющем СЯ со слогоморфемными, но не отрицающем возможности фонемной сегментации (В. М. Солнцев, А. Я. Соколовский), СЯ — это языки, в которых слог соотносится с морфемой: «Взаимоотношение слога и морфемы даёт основания называть эти языки моносиллабическими (слоговыми)» [Морев 1991 : 7].

В первом случае СЯ — это чисто фонологический тип, в двух последних — одновременно фонологический и морфологический.

На наш взгляд, слог в СЯ не следует рассматривать как чисто фонологическую единицу, не соотнесённую с морфемой: в этом случае понятие СЯ становится размытым, так как, в соответствии с принятыми классификационными признаками, помимо собственно СЯ, в этот класс попадают и типологически далекие языки, например, полинезийские, а в разряд «несобственно СЯ», вместе с монкхмерскими, без достаточных на то оснований включается японский [Касевич 1983; Kassevitch, Rybin 1998].

Мы под СЯ понимаем *фономорфологический тип языков, в которых слог представляет собой парадигматическую*[35] *единицу — силлабему — и экспонирует слогоморфему.*

Различие между СЯ и НСЯ фундаментально с точки зрения фонологической типологии вследствие *принципиально разного статуса слога* в этих языках. В СЯ слог (силлабема) фонологиче-

---

[34] Слогоморфему мы рассматриваем как частный, хотя и наиболее типичный для СЯ, случай морфемы, материально совпадающей со слогом, или слога, экспонирующего морфему (см. [Krylov 1999]).

[35] Парадигмой мы называем закрытый упорядоченный класс единиц данного уровня.

ски релевантная парадигматическая единица, в отличие от НСЯ, где он фонологически иррелевантен. Следовательно, разница между СЯ и НСЯ состоит также и в наличии особого фонологического уровня — слогового (силлабемного). Материально он в весьма значительной части совпадает с морфемным.

В НСЯ возможные типы и инвентарь возможных слогов определяются эмпирически, и никогда нельзя предусмотреть всех возможных вариантов: при словообразовании и словоизменении, да и просто в потоке речи могут возникать слоги, до сих пор не зафиксированные в языке.

В СЯ такая ситуация невозможна. Даже при заимствовании иностранных слов пополнение инвентаря слогов происходит лишь за счёт заполнения «пустых клеток», т. е. актуализации слогов, теоретически возможных в языке, но до сих пор не реализованных по чисто случайным причинам. Сравнительная ограниченность состава и замкнутость системы инициалей и финалей СЯ легко позволяет представить весь инвентарь допустимых в языке слогов в виде сравнительно компактной двухмерной таблицы. В НСЯ подобная систематизация, как правило, либо с трудом осуществима, либо невозможна в принципе, так как окажется слишком громоздкой и практически никогда не исчерпывающей, а главное совершенно *ненужной* — именно ввиду фонологической иррелевантности слога.

Итак, принципиальное отличие слога в СЯ от слога в НСЯ — это то, что в СЯ слог представляет собой парадигматическую единицу, обладающую постоянством звукового состава и жесткостью структуры, иначе говоря, фонологической замкнутостью [Еловков 1993 и др.].

0.5.2. Принципы слоговой фонологии

В практике фонологического описания СЯ известны два подхода — фонемный (традиционный) и слоговой (нефонемный).

Первый из них достаточно широко известен, чтобы подробно излагать его принципы (Ю. А. Горгониев, Л. Н. Морев, М. К. Румянцев, А. Я. Соколовский, В. М. Солнцев и др.).

Согласно второму подходу (М. В. Гордина, В. Б. Касевич, Н. А. Спешнев, Р. А. Янсон и др.), обычные методы сегментации не применимы к СЯ и только бинарная, ступенчатая сегментация

слога обеспечивает его функциональное членение на более мелкие фонологические и субфонологические единицы.

Основы слоговой фонологии заложены в трудах Е. Д. Поливанова [Иванов, Поливанов 1930] и А. А. и Е. Н. Драгуновых [Драгунов 1980; Драгунов, Драгунова 1955], которые ввели понятия силлабемы и слогофонемы.

Будучи предшественницей современной слоговой фонологии, теория слогофонемы стала стимулом к её углублённой разработке в последующие годы. В частности, было сделано заключение, что фонемы выделимы только в языках, где они способны выступать в качестве смысловых единиц (экспонентов морфем). Этот критерий выделимости фонем стал общепринятым в ленинградско-петербургском востоковедении, по крайней мере, в той его части, которая непосредственно занята проблемами СЯ. Поскольку в большинстве языков Китая и ЮВА минимальные синтагматические элементы не обладают экспонентной функцией, отсюда следует положение об отсутствии фонем в СЯ.

Отсюда же следует положение об афункциональности метода коммутации (ассоциативного анализа). Этот метод основан на сопоставлении минимальных пар для членения текста на минимальные фонологические сегменты (сегментирования). Л. Р. Зиндер считал, что Трубецкой совершил логическую погрешность, прибегая к методу ассоциативного анализа, так как противопоставление минимальных пар, «как и всякий другой вид различия, вовсе не влечёт за собой членения» [Зиндер 1994 : 129].

По мнению В. Б. Касевича, «ассоциативный анализ по существу своему а ф у н к ц и о н а л е н. Он чисто механически исходит из возможности / невозможности тех или иных звуковых сочетаний вне связи с теми функциями, которые должны выполнять звуковые единицы. Следовательно, он в принципе не может быть эффективным» [Касевич 1983 : 22].

Несмотря на невозможность морфемных границ внутри слога в СЯ, слог явно не представляется в виде комка нечленораздельных звуков. Более того, он обладает строго упорядоченной структурой, где звук каждого класса закреплен за определённой позицией. Этот общепризнанный факт, а также необходимость анализа слоговой структуры на фоне невыделимости фонем, заставляет искать иные, нефонемные методы описания.

Прежде всего сам слог (силлабема) был вполне справедливо признан одной из основных фонологических единиц. В СЯ **силлабема** — эмическая единица, в синтагматике соответствующая линейному слогу [Поливанов 1991 : 417]. Это, как уже отмечалось, *парадигматическая единица* фонологического уровня [Касевич 1983 : 118], в противоположность фонологически иррелевантному слогу НСЯ.

Слог в СЯ, строго говоря, не является неделимой единицей. Слог максимального состава в СЯ делится на два основных структурных элемента: **инициаль** (начальнослоговой согласный или группу согласных) и **финаль** (рифму) — остальную часть силлабемы. В свою очередь, финаль подразделяется на **медиаль** (предтональ) — полугласный, принадлежность которого к инициали или финали в разных языках определяется на разных основаниях; и **субфиналь** — часть финали за вычетом медиали (при условии, что медиаль рассматривается как элемент финали). Субфиналь же состоит из **централи** (тонали) — гласного, образующего ядро слога[36], и **терминали** (завершения, финали) — конечнослогового согласного.

Инициаль и финаль — «функционально однопорядковые единицы», «минимальные единицы, которые можно выделить с опорой на морфологизованные чередования, полуповторы и т. п.» [Касевич 1981 : 54]. «Все прочие, более «мелкие» единицы, если они вообще выделяются (компоненты финалей либо инициалей), не имеют каких-либо точек соприкосновения с фонемами» [там же]. Однако и слоготмемам — единицам «субфонологического» уровня — свойственны парадигматические отношения: «В этом смысле выделение *всех* уровней, вплоть до централей и терминалей, представляется неизбежным» [Касевич 1983 : 138]. Наличие «парадигматических отношений между элементами финали <...> может

---

[36] Выражения «слогообразующий гласный» применительно к СЯ, по-видимому, следует избегать: отдельный гласный в СЯ не может, вопреки распространённому мнению, образовывать слог (см. 2.3.1). Кроме того, собственно *образования* «новых» для данной фонологической системы слогов в СЯ не происходит. Даже восполнение «пустых клеток», например, при заимствовании иноязычных слов, осуществляется здесь путем актуализации заложенных в системе комбинаторных возможностей. Таким образом, «новый слог», не предусмотренный парадигмой слогов данного языка, невозможен или, во всяком случае, он будет восприниматься как инородное тело (пример: иностранные имена собственные).

служить основанием для линейного разграничения отдельных звуков финали» [Гордина, Быстров 1984 : 16]. Таким образом, все компоненты силлабемы, как и она сама, — парадигматические единицы со строго заданным инвентарем.

Как мы увидим в дальнейшем, несмотря на все своеобразие мон-кхмерских языков, монский слог, как и все его компоненты любого уровня сегментации, — именно такие единицы.

Глава 1
ДИАХРОНИЯ: КРАТКИЙ ОБЗОР

1.0. ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

В соответствии с данными эпиграфики Х. Л. Шорто рассматривает язык монов VI — начала XII в. н. э. как древнемонский.

Ранний древнемонский период охватывает VI–XI вв. и относится к первым монским государствам — Дваравати, Лаво, Тхатону (Судхаммавати). Надписи, сохранившиеся от раннего периода, немногочисленны (Накхонпатхом, Лопбури на территории нынешнего Таиланда), однако свидетельствуют о том, что письменная культура монов существовала задолго до её расцвета в паганский период. С самого начала письменной традиции для развития монского языка характерна динамика. Х. Л. Шорто отмечает, что «после падения и распада Дваравати орфографические реформы никогда не поспевали за фонологическими изменениями, которые продолжали происходить» [Shorto 1971 : XI].

Классический период древнемонского языка (конец XI — начало XII в.) относится главным образом к царствованию паганского короля Чанзиты (1084–1112). Для этого периода характерно упрощение орфографии. Спорадически начинают появляться диграф <ui>, а также знаки <ai> и <au> — последние только в составе крайне редких диграфов <eai> и <oau>. От этого периода дошло довольно много надписей в Проме, Пагане, Тхатоне и других местах. Обилие надписей, относящихся к довольно непродолжительному периоду времени и на сравнительно небольшой территории, свидетельствует о благоприятных условиях для развития монской культуры, несмотря на захват монских государств бирманским королевством Паган в 1057 г.

Язык начала XIII — первой половины XVI в. Х. Л. Шорто квалифицирует как среднемонский.

В *ранний среднемонский период* (язык надписей Харипунджайи-Лампхуна начала XIII в.) начинаются некоторые существенные фонологические изменения, например, развитие конечного /s/ в /h/, которое отличает среднемонский от древнемонского [Ibid.: X]. Знак анусвары начинает использоваться в качестве знака гласного [ɔ], в особенности перед велярными терминалями. В графически открытых слогах начинает появляться графема <ai>. Особенностью лампхунских памятников стало обозначение конечных согласных путем удвоения с помощью соответствующего подстрочного знака, но без знака вирама.

Классический среднемонский период представлен в основном надписями времен короля Пегу Дхаммазеди (1472–1492). Именно в этот период «достигает своего максимума <...> необычайное варьирование, особенно в обозначении гласных» [Shorto 1971: XI]. Последовательность /aw/ регулярно обозначается графемой <au>, в остальных контекстах конечное /w/ изображается по-разному — как <r>, <v> и более редко — как <l> [Ibid. : XVI]. Происходит падение конечных /r/ и /l/, а отчасти — и /w/, в особенности после <ā>, <ī>, и <ū>, за счёт чего происходит массовое образование фонологически открытых слогов, до тех пор крайне редких в монском языке. На месте гласного /ø/ перед палатальными терминалями образуется новый дифтонг — /ɔi/, сами же палатальные терминали после /ø/ становятся велярными [Ibid. : XIX].

В *поздний среднемонский период* (первая половина XVI в.) происходят дальнейшие звуковые изменения, в частности, упрощение стечений согласных типа «носовой + смычный» внутри слов структуры CəCCV(C). Происходит превращение кластерных инициалей /cl/ и /tl/ в /kl/, которое к концу XVI в., вероятно, еще не завершилось.

Х. Л. Шорто говорит также о периоде так называемого *«письменного монского языка»* (the Mon literary language)[1], начавшемся со второй половины XVI в., эталоном которого считается надпись на колоколе Байиннауна (1557 г.) [Ibid. : X]. Для него характерно

[1] Мы затрудняемся употребить термин «литературный язык» по отношению к монскому, так как это понятие предполагает наличие определенной орфографической нормы, в то время как для literary Mon характерна довольно широкая вариативность орфографии.

появление нового способа обозначения конечного /k/ после гласных <ā> и <o> с помощью вирама, а также эпизодическая замена графической терминали <y> знаком <ai>. К настоящему времени эти две графические условности стали нормой.

На наш взгляд, the Mon literary language не следует рассматривать в качестве исторической стадии развития монского языка. Это лишь более или менее стандартизированный вариант письменного языка, закрепивший определённые формы (одну или несколько) написания 2-й половины XVI в. за определёнными словами. Письменный монский нельзя рассматривать в качестве исторической стадии языка еще и потому, что к началу пост-эпиграфического периода орфография стала вполне традиционной по своему характеру, т. е. не отражающей реального произношения. Выбор букв и знаков при написании слова осуществлялся не столько с учетом правил фонологии, сколько на основе этимологии и традиции, без однозначного соответствия между звуками речи и знаками письма. Таким образом, формы, именуемые в литературе *письменным монским*, собственно говоря, представляют собой *транслитерацию* современных (иногда — архаичных) написаний.

М. Ферлю предлагает значительно отличную периодизацию монского языка. Главное отличие состоит в том, что начало среднемонского периода передвинуто на два века вперёд. Не давая обобщённой характеристики этого периода, он ограничивается констатацией того, что среднемонский — это промежуточная стадия между древнемонским и новомонским.

Любопытно, что и М. Ферлю со второй половины XVI в. выделяет особую стадию развития языка, которую он именует *«недавний монский»* (môn récent). Но это — странный период: он «не обладает длительностью, как древнемонский или среднемонский; это всего лишь продолжение среднемонского и заключительная стадия этого языка как раз накануне дивергенции гласных» [Ferlus 1984 : 23]. Это — «стадия, непосредственно предшествующая образованию регистров» [Ibid. : 5]. В результате остаётся непонятным, отдельная ли это таксономическая единица или только временной отрезок предыдущего периода. И всё же, выходит, что образование регистров и дивергенция гласных произошли уже в современном языке?

Интересно, что М. Ферлю датирует некоторые фонологические процессы иначе, чем Х. Л. Шорто. Например, падение конечного /r/ он относит к первой половине XIII в., а падение конечных /l/ и /w/ — к XIV в. [Ibid. : 49, 53–55], а не ко второй половине XV в.

Безусловно, разница между языком VI — начала XII в. и начала XIII — середины XVI в. значительна, однако такой признак, как превращение конечнослогового s в h, рассматриваемый Х. Л. Шорто в качестве рубежа между древне- и среднемонским, очевидно, не слишком крупное явление в монской фонологии. Для выделения этих двух периодов главным основанием послужил, вероятно, столетний перерыв в эпиграфической традиции, а также временный перенос центра эпиграфической деятельности на территорию Харипунджайи.

На фоне дальнейших изменений в фонологии монского языка весь эпиграфический период с VI по XVI в. выглядит достаточно однородным. Даже крупнейшие фонологические события второй фазы этого периода — такие, как падение неносовых сонантных терминалей и возникновение в связи с этим новых типов слогов (CV и CCV), конвергенция некоторых кластеров и исчезновение палатальных терминалей — меркнут в сравнении с изменениями, последовавшими с конца XVI в.

По замечанию Ч. О. Блэгдена, «изменения, произведённые 800 годами[2], часто настолько радикальны, что весьма непросто распознать совсем обычные слова» [EB 1.2 : 75]. Однако, если судить по данным словаря [Shorto 1971], большинство наиболее значительных фонологических изменений монского языка относится именно к пост-эпиграфическому периоду. Таким образом, к концу эпиграфического периода, описанного в литературе, хотя и довольно поверхностно и схематично, еще не наблюдалось большинства тех явлений, которые составляют характернейшие особенности современной монской фонологии. Поэтому Х. Л. Шорто, безусловно, прав, что среднемонский был в действительности «в большей степени промежуточным этапом (a more transitional stage), чем казалось» [Ibid. : X].

---

[2] Надписи Накхонпатхома и Лопбури (Таиланд), датируемые VI–VII вв., к тому времени еще не были обнаружены.

Очевидно, подлинным рубежом между древним и среднемонским периодами следует признать *оглушение звонких смычных*, ставшее толчком к использованию супрасегментных средств словоразличения, которое произошло, вероятно, не ранее конца XVI в. (данные монской эпиграфики не дают оснований полагать, что оно имело место до этой даты). Вероятно, именно тогда возникает *оппозиция регистров*, вызвавшая «сложный ряд дивергенций, перебоев и конвергенций (splits, shifts, and mergers), которые дали в результате современную систему» [Shorto 1976 : 1044].

Вместе с тем как будто не имеется прямых свидетельств того, что регистры возникли именно тогда, а не позднее (М. Ферлю, например, полагает, что регистровые явления начали обнаруживаться в начале XVII в. [Ferlus 1984 : 19]). В кхмерском процесс оглушения звонких завершился «между XVI и XVIII веками» [Jenner 1974 : 52]. Очевидно, и в монском подобный процесс не мог быть внезапным и резким. Логичнее предположить, что он протекал на протяжении более или менее длительного периода, в течение которого происходила перестройка всей фонологической системы монского языка: сокращение количества инициалей; увеличение количества централей, в том числе за счёт образования дифтонгов, а также фонологической реинтерпретации гласных в зависимости от локального класса конечных согласных; усиление взаимозависимости элементов слога.

Исходя из вышесказанного, мы склонны рассматривать древний и среднемонский периоды, по Х. Л. Шорто, как две стадии одного исторического периода — **древнемонского**, или эпиграфического. Обозначим их, там, где это существенно, как ДМ1 (раннедревнемонский) и ДМ2 (позднедревнемонский). Пост-эпиграфический период (конец XVI — конец XIX в.) мы будем рассматривать как **среднемонский**, язык XX в. — как **современный**.

К сожалению, в целом среднемонский период, наиболее богатый на фонологические события, нам практически не известен.

Чем оправдано выделение периода, о котором нет никаких конкретных сведений и о состоянии фонологии которого можно рассуждать лишь гипотетически? Совершенно очевидно, что к концу XVI в. (т. е. к концу «среднего периода» по Х. Л. Шорто) монская фонология была чрезвычайно далека от современного со-

стояния (хотя большинство графических форм современного языка унаследованы именно от тех времен). Как нам представляется, между древним (до XVI в.) и современным состоянием монского языка лежит пропасть, в глубине которой протекали процессы, носившие характер кардинальных изменений в области фонологии. Чтобы покрыть этот период перехода от древнего к современному состоянию, как раз и следует предположить существование некого среднего, переходного периода.

Разговорный монский язык даже середины XIX в., по-видимому, значительно отличался от своего нынешнего состояния. Например, по свидетельству одного из ранних исследователей монского языка, почти все смычные, а также спиранты могли сочетаться с носовыми *m* и *n*, образуя такие сочетания, как *km, khm, cm, chm, tm, thm, dm, pm, phm, sm, mn, kn, khn, sn* и др. [Mason 1854 : 281]. Неизвестно, в какой степени эти наблюдения относятся к разговорному языку, а в какой — к письменному. Как бы то ни было, в современном разговорном монском эти сочетания претерпели существенные изменения за счёт падения начальных элементов кластеров или вставки между ними эпентезы -ә-, перехода /s/, /c/ → /h/ перед сонантами и т. д. Таким образом, весьма вероятно, что некоторые фонологические изменения монского языка относятся даже к концу XIX в.

В заключение приведём сопоставительную табл. 4 периодизации монского языка, в которой обобщено всё вышесказанное.

Таблица 4. **Периодизация монского языка**

Х. Л. Шорто (Shorto 1971)	М. Ферлю (Ferlus 1984)	Наша версия
Древнемонский (Old Mon) VI — начало XII в.	***Древнемонский*** (Le vieux môn) VI–XIII вв.	***Древнемонский (эпиграфический)*** VI — начало XII в.
Ранний древнемонский период VI–XI вв.	*Le vieux môn de Dvāravatī* VI–X вв.	*Раннедревнемонский период* VI–XI вв.
Классический период конец XI — начало XII в.	*Le vieux môn au sens classique* XI–XIII вв.	
		Столетний *перерыв* в эпиграфической традиции (XII в.).

Продолжение табл. 4

Х. Л. Шорто (Shorto 1971)	М. Ферлю (Ferlus 1984)	Наша версия
Среднемонский (Middle Mon) начало XIII — первая половина XVI в.		*Позднедревнемонский период* начало XIII — первая половина XVI в.
Ранний среднемонский период начало XIII в.		
Классический среднемонский период вторая половина XV в.	***Среднемонский*** (Le moyen môn) XV — начало XVI в.	
Поздний среднемонский период первая половина XVI в.		
Письменный монский язык (literary Mon) вторая половина XVI в.	***«Недавний» монский*** (Môn récent) вторая половина XVI в.	***Среднемонский (пост-эпиграфический)*** конец XVI — конец XIX в.
		Современный монский с XX в.

1.1. СТРУКТУРА СЛОГА И СЛОВА

В протомонском языке (V в.) не существовало слов, представленных открытыми слогами типа CV и CCV [Ferlus 1984 : 67]. Для древнемонского языка типичными слоговыми структурами также были CVC и CCVC. Открытые слоги и слоги с более сложной структурой инициали — CCCV и CCCVC — представлены главным образом в позднедревнемонском, в немалой степени благодаря заимствованиям из бирманского языка[3]. Слоги, как правило, могли функционировать в качестве односложных слов.

Кроме односложных, в древнемонском были и полуторасложные слова структуры $C_1V_1(C_2)$-$C_3V_2(C)$, состоящие из пресиллаба

[3] Исходя из того, что начальнослоговая гортанная смычка в монском языке — структурный элемент слога, слоги типа V и VC здесь невозможны. Теоретическое обоснование этой точки зрения см. в разделе 2.3.1.1.

$C_1V_1(C_2)$- и основного слога $C_3V_2(C)$. Терминаль пресиллаба C_2 могла быть только нулём или сонантом m, n, r, l. Эти терминали обычно представляли собой конечные элементы инфиксов. Носовые терминали пресиллабов подвергались регрессивной ассимиляции по месту образования под воздействием инициали основного слога.

Гласный пресиллаба V_1 мог быть только нейтральным независимо от графического изображения; перед n и r преобладает написание <i>, а перед m — <u>[4] [Shorto 1971 : XIX]. Качественный состав основного слога $C_3V_2(C)$ практически не отличался от состава ОС аналогичной структуры.

1.2. ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ИНИЦИАЛЕЙ

В соответствии с вышесказанным, в древнемонском инициали могли быть одноместными (простыми) и многоместными, представленными кластерами. В раннедревнемонском было 29 простых инициалей, в позднедревнемонском — 22, в современном их число сократилось до 18 (при том, что одна из них — /ʃ/ — весьма недавняя инновация). Количество кластеров в раннедревнемонском языке было значительно бóльшим, чем в позднедревнемонском и современном разговорном языке (21), хотя точно не может быть определено. Во всяком случае их было больше сотни. Однако очевидно, что не все графические кластеры обозначали составные фонологические единицы и не все слова с такими кластерами сохранились в каком-либо виде в современном языке — в этом и состоит главная сложность в определении их числа (см. раздел 1.2.2).

1.2.1. Простые инициали (Консонантизм I)

Инициали, представленные глухими смычными (p, t, c, k, ʔ), носовыми и неносовыми сонантами (m, n, ɲ, ŋ, j, r, l, w), а также спирантами (s, h), сохранялись на протяжении всей истории мон-

[4] М.Ферлю рассматривает /u/ пресиллаба как позиционный вариант /w/ [Ferlus 1984 : 78]. Такая трактовка едва ли имеет основания, поскольку тембр гласного пресиллаба был во всех случаях одинаков. К тому же тогда напрашивалась бы трактовка /i/ как позиционного варианта /j/.

ского языка. Этот набор согласных составляет костяк монского консонантизма.

Существование прочих согласных, когда-либо отмечавшихся в инициальной позиции, ограничено определёнными временными рамками. Часть из них постулируется гипотетически. Так, инициали *^{ŋ}k и *^{n}d раннедревнемонского языка реально, согласно имеющимся данным, в раннедревнемонском языке рассматриваемого периода не отмечены. Что касается инициали *^{n}t, Х. Л. Шорто «не вполне уверен» в том, что она когда-либо существовала [Shorto 1971 : XIV].

Система инициалей в раннедревнемонском языке, согласно Х. Л. Шорто [Ibid. : XIII], выглядела следующим образом:

Таблица 5. **Система инициалей в раннедревнемонском языке**

Модальные классы	Локальные классы				
	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	«Глоттальные»*
Глухие смычные	p	t	c	k	ʔ
Звонкие смычные	b ɓ	d ɗ	ɟ	g	-
Преназализованные	^{m}p	*^{n}t	^{ɲ}c	(*^{ŋ}k)	-
	^{m}b	(*^{n}d)	^{ɲ}ɟ	^{ŋ}g	-
Спиранты	-	s	-	-	h
Носовые сонанты	m	n	ɲ	ŋ	-
Неносовые сонанты	w	l r	j	-	-

Примечание: * В строгом смысле слова глоточный (фарингальный) h и гортанный (ларингальный) ʔ не гоморганны. Объединяют их в один класс «глоттальных» скорее по традиции, а также из соображений компактности описания: в большинстве языков каждый из них — единственный представитель своего локального класса. Ср.: «Ларингалы ʔ и h обычно включаются в общую таблицу шумных согласных (как, кстати, они включены в таблицу МФА на с. 315 цитируемого издания. — *Ю.К.*), однако это условность» [Кодзасов, Кривнова 2001 : 438]. Именно поэтому термин *глоттальный* в нашей работе употребляется в кавычках. «Глоттальность» ʔ и h в монском языке опровергается их сочетаемостью в пределах ПС вопреки закону диссимиляции (см. подробнее в разделе 3.4.2.1).

Другая часть, возможно, представляет собой сложные единицы. Так, преназализованные типа ^{m}b или преглотализованные ɓ и

ɗ, возможно, в действительности представляли собой двусоставные единицы — mb, ˀb и ˀd. Во всяком случае, что касается ɓ и ɗ, их особое поведение — «ненормальная» способность образовывать кластеры с «гоморганными» смычными в раннедревнемонском языке (t ɗ), сохранившаяся неизменной звонкость, в то время как смычные b, d, ɟ, g оглушились, принадлежность в современном языке к первому регистру[5], подобно ˀ и в отличие от этимологических b и d, и некоторые другие особенности — позволяет сделать такое предположение[6].

В позднедревнемонском языке, согласно Х. Л. Шорто [Ibid. : XV], система инициалей несколько изменилась (табл. 6).

Таблица 6. **Система инициалей в позднедревнемонском языке**

Модальные классы	Локальные классы				
	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	«Глоттальные»
Глухие смычные	p	t	c	k	ˀ
Звонкие смычные	b ɓ	d ɗ	ɟ	g	-
Преназализованные	ᵐb	-	-	-	-
Спиранты	-	s	-	-	h
Носовые сонанты	m	n	ɲ	ŋ	-
Неносовые сонанты	w	l r	j	-	-

По сравнению с раннедревнемонским в позднедревнемонском сохранился только один преназализованный согласный (ᵐb), и в этом состоит главное отличие позднедревнемонского консонантизма от раннедревнемонского (прочие касаются лишь дистрибуции).

Рефлексы прочих преназализованных обнаруживаются в той или иной мере лишь в виде простых согласных (ᵐp <'amp> → PM

[5] Современная инициаль b, отмечаемая во втором регистре, восходит к древнемонскому ᵐb.

[6] Фонологический статус преглоттализованных смычных, как считают некоторые ученые, нуждается в дальнейшем исследовании [Кодзасов, Кривнова 2001 : 443].

(kə)p-, ᶮc <’c> → ДМ2 *c → РМ (ph)j, ᶮj <’j> → РМ j <y>, ᵑg <’g> → РМ ŋ).

Вероятно, в конце XVI в., как уже отмечалось, произошло оглушение звонких смычных, которое можно считать ареальной чертой языков Индокитая. Это стало причиной конвергенции инициалей p и b, t и d, c и ɟ, k и g, и, следовательно, коррелирующих с ними кластеров — kr и gr, pl и bl, tw и dw и т. д. Какова бы ни была причина оглушения звонких смычных, его следствием стало дальнейшее сокращение числа инициалей и возникновение компенсирующей оппозиции регистров.

1.2.2. Начальнослоговые кластеры

Для раннедревнемонского языка характерно наличие большого количества начальнослоговых кластеров. Комбинаторные возможности согласных в раннедревнемонском языке были, очевидно, несопоставимо шире, чем в современном языке.

Вместе с тем ряд начальнослоговых кластеров представлен в словаре [Shorto 1971] едва ли не единичными примерами, притом не оставившими следа в современном языке (bt, bd, ts, tˀ, dj, kd, gɟ, gd, gm, gj; mɗ, mk, mˀ, mj, mw; lj, lr; sb, sɓ; phl, phw). В связи с этим как об их реальном фонетическом содержании в древности, так и об их возможной эволюции можно только догадываться. Исчерпывающий список кластеров раннедревнемонского языка, по-видимому, не может быть составлен — или же он будет иметь лишь гипотетический характер.

Достоверными, т. е. подтверждаемыми реально имеющимися данными, мы считаем следующие сведения о раннедревнемонских кластерах.

Первыми элементами кластеров могли быть смычные /p, b, t, d, c, ɟ, k, g, ˀ/; сонанты /m, r, l/, спирант /s/; вторыми — смычные /b, t, d, c, ɟ, k, g, ˀ/; преглоттализованные /ɓ, ɗ/; сонанты /m, n, ɲ, ŋ, r, l, j, w/[7]; спиранты /s, h/. Транскрипционно трехместные кластеры представлены графическими последовательностями <ph +

[7] Вопрос о структурной принадлежности сонантов j, w в составе инициали будет рассмотрен в разделе 2.3.2.

y, l, v>, <dh + y>, <kh + y, r, l, v>. Совместимость первых и вторых элементов кластеров в общих чертах показана в табл. 7.

Таблица 7. **Совместимость первых и вторых элементов кластеров**

Первые элементы кластеров	Вторые элементы кластеров			
	Смычные	/ɓ, ɗ/	Сонанты	Спиранты
Смычные	+	+	+	+
Сонанты /m, r, l/	+	(+)*	(+)	+
Спирант /s/	+	+	+	-
Кластеры /ph, dh, kh/	-	-	+	-

Примечание: * Знак (+) указывает на принципиальную возможность сочетаемости элементов, однако такая возможность реализуется лишь отдельными членами этого класса.

Примечательно, что среди первых элементов кластеров не обнаруживается преглоттализованных /ɓ, ɗ/; носовых, за исключением /m/, а также /h/ и /w/, а среди вторых — /p/ (единственный пример, приводимый в словаре [Shorto 1971] — <spa ~ spa'an> 'сводить до минимума', не сопровождается фонологической транскрипцией).

Очевиден запрет на гоморганные кластеры /pb, bb, td, dt, kg, gk/ и т. п., а также /c, ɟ/ + /s/ (хотя /sc/, /sɟ/ были возможны). Однако кластеры типа «смычный + гоморганный преглоттализованный», очевидно, не рассматривались как гоморганные, поэтому среди раннедревнемонских начальнослоговых кластеров обнаруживается инициаль /tɗ/.

Наконец, отдельные начальнослоговые стечения согласных представляли собой не что иное, как чисто графические кластеры (<nr, yr, pv, mv, nv, yv, vv, hv> и т. п.), не находившие отражения в фонетической форме: ДМ2 poj <pvay> → PM poa <poy> 'праздник'; ДМ1 moj <moy> → ДМ2 <mvoy, mvay> → PM mòa <mvay> 'один'; ДМ1 nom <nvam> → PM nùm <nvaṁ> 'быть, существовать'; ДМ1 hom <hvam ~ hom> (→ письм. мон. <hoṁ> 'прекращаться') и т. п.

В дальнейшем, отчасти уже в позднедревнемонский период, происходило постепенное упрощение системы начальнослоговых кластеров. Отдельные группы кластеров сохранились в прежнем

виде, другие претерпели изменения разной степени сложности, в связи с чем можно выделить четыре основных типа эволюции:

1. Сохранение кластера в прежнем виде. Кластеры, состоявшие из глухих смычных (p, t, c, k) и «глоттального» h, а также из глухих велярного и лабиального смычных или их придыхательных коррелятов и неносовых сонантов, сохранились без изменений: ДМ1 chuˀ <chu ~ chu'> → РМ chuˀ <chu> 'дерево'; ДМ1 preŋ <preṅ> → РМ preaŋ <preṅ> 'буйвол'; ДМ1 kruŋ <kruṅ ~ krūṅ> → РМ krɜŋ <kruṅ> 'река'; klɔm <klam ~ klaṁ> → РМ klɔm <klaṁ> 'сто'; ДМ2 khlaŋ <khlaṅ> → РМ khlɛŋ <khlaṅ> 'пронзать'.

2. Преобразование кластера в иную последовательность согласных. Кластеры, состоявшие из звонких смычных (ɓ, d, ɟ, g) и «глоттального» h, а также из звонких велярного и лабиального смычных и неносовых сонантов, превратились в комбинации соответствующих глухих смычных при сохранении вторых компонентов кластеров без изменений: ДМ1 dhɔr <dhar> → РМ thò <dhav> 'дхарма'; ДМ1 ɓlaj <ɓlāy> → РМ plài <ɓlāy> 'молодой мужчина'; ДМ1 gwuˀ <gvu> → РМ kwùˀ <gvu> 'белый'. Эта группа инициалей возникла в результате конвергенции глухих и звонких смычных. Она фонетически тождественна группе 1, но отличается от неё тем, что переводит гласный во второй регистр.

Кластеры, состоявшие из глухих и звонких палатальных и дентальных смычных (t, d, c, ɟ) и неносовых сонантов, стали кластерами с первым глухим велярным смычным и соответствующим сонантом: ДМ1 clik <clik ~ clīk> → РМ kloik <klik> 'свинья'; ДМ1 dluŋ <dluṅ> → РМ klɜ̱ŋ <gluṅ> 'лодка'; ДМ1 dwan <dvān> → РМ kwàn <dvān ~ gvān> 'брать приступом'. Эта группа инициалей возникла в результате конвергенции дентальных (перед r, l, w) и палатальных (перед l) с велярными в тех же позициях, начавшейся в конце позднедревнемонского периода.

Сочетания дентального спиранта s, а также палатальных смычных, как глухого, так и звонкого, с носовыми и неносовыми сонантами, превратились в последовательности «h + сонант»: ДМ1 ɟmɔˀ <jmo'> → РМ hmòˀ <jma'> 'твердый'; ДМ1 cnam <cnām> → РМ hnam <cnāṁ ~ snāṁ> 'год'; ДМ1 slaˀ <slar> → РМ hlaˀ <sla ~ lha> 'лист'; ДМ1 ɟwa <jvār> → РМ hwɛ̱a <jvā> 'друг'.

Сочетания велярного и лабиального глухих смычных с s и глухим и звонким палатальными смычными стали: первые — глухим придыхательным палатальным ch, вторые — последовательностями p(h)+j: ДМ1 ksɔs <ksas> → РМ chɔh <khyah> 'плевать'; ДМ1 pcun <pcun> → РМ phjun <phyun> 'мясо'; pɟuˀ <pju ~ pju'> → РМ pjùˀ <ƀyu> 'старый, зрелый'; ДМ2 psa <pṣā> → РМ phja <phyā> 'рынок'. Общая характеристика этого типа изменений такова: на месте одного кластера, вследствие фонетических изменений, образуется другой. Эти изменения имеют различное происхождение и совершались, вероятно, не одновременно, а на протяжении длительного времени.

3. Упрощение кластера до одного из составляющих его элементов. Смычные, звонкие и глухие, включая гортанный смычный, перед смычными, включая ГС, преглоттализованными и носовыми сонантами пали: ДМ1 tkɔˀ <tko'> → ДМ2 <tka' ~ tkå'> → РМ kɔˀ <tka'> 'остров'; ДМ1 ƀnɔs <ƀnas> → РМ nùh <ƀnah ~ ƀnoh ~ ƀnuh> 'копьё'; ДМ1 cˀah < c'aḥ> → РМ ˀah <c'aḥ ~ s'aḥ> 'чистый'; ДМ1 kɗøp <kḍip> → РМ dɔp <kḍuip> 'голова'; ДМ1 tmɔˀ <tmo'> → ДМ2 <tma' ~ tmå'> → РМ mɔˀ <tma' ~ kma'> 'камень'; ДМ1 ɡnaw <gnāv> → ДМ2 <gnau> → РМ nɛ̱a <gnau> 'живот'; ДМ1 dŋaiŋ <dṅeṅ ~ dṅāṅ> → РМ ŋàiŋ <ṅāṅ> 'клешня'.

Спирант s перед смычными, включая гортанную смычку, пал: ДМ1 stik <stik> → РМ toik <stik> 'лежать, спать'; ДМ1 sˀar <s'ār> → РМ ˀa <'ā> 'идти'.

Сонанты r, l перед другими сонантами и преглоттализованными пали: ДМ1 rmøŋ <rmeṅ ~ rmiṅ> → ДМ2 rmiŋ <rmiṅ> → РМ mòiŋ <miṅ> 'слышать'; ДМ1 lŋim <lṅiṁ ~ lṅom> → РМ ŋim<(l)ṅiṁ > 'тысяча'; ДМ1 lɓir <lbir ~ lbīr> 'море' → РМ ƀi <ƀī> 'река, море'.

Последовательности sɟ и sr упростились до дентального спиранта s, утратив второй элемент: ДМ1 sɟøŋ <sjiṅ ~ sjīṅ> → РМ sàŋ <sjuiṅ ~ jruiṅ> 'тяжелый'; ДМ1 srɔɲ <sreñ ~ srañ> → ДМ2 srɔn <sran> → РМ sɔn <s(r)an> 'серебро'.

Сонант m перед сонантами n, r, l и спирантом s превратился в глухой лабиальный смычный и отделился от второго компонента кластера эпентезой: ДМ2 mrɔik <mrek> (→ РМ pərɔ̀ik

<m(a)rek> ‘красный перец’); ДМ1 msun <mṣun ~ mṣūn> → (ДМ2 məsun <masun> → РМ pəsɔn <masun> ‘пятерка’).

4. Упрощение кластера до одного согласного, отличного от любого из его элементов. Глухие и звонкие смычные, а также s и r, перед звонкими смычными пали, вторые же компоненты кластеров сохранились в виде соответствующих глухих: ДМ1 tbaik <tbek> → РМ pàik <bāk> ‘рубить’; ДМ1 tɟuʔ <tju> → РМ cùʔ <ju> ‘дух-покровитель деревни’; ДМ1 tget <tget> → ДМ2 dget <dget> → РМ kèt <get> ‘вращаться’; ДМ1 rbøn <rbin> → ДМ2 bøn <buin> → РМ pɜ̱n <buin> ‘прочный’; ДМ1 rjɯh <rjaḥ ~ rjūḥ> → ДМ2 sɟɯh <sjoh> → РМ sɜ̱h <sjuih ~ jruih ~ jroh> ‘глубокий’.

Последовательности c, ɟ + r, превратились в дентальный спирант s: ДМ1 crøs <cris> → ДМ2 crøh <cruih> → РМ sɒh <sruih> ‘грудь’; ДМ1 ɟrum <jrum> → РМ sùm <jruṁ> ‘змея’.

Глухие t, k перед j палатализовались, превратившись в c: ДМ1 tjaiŋ <tyeṅ ~ tyāṅ> → РМ caiŋ <cāṅ> ‘домашняя птица’; ДМ1 kjaik <kyek ~ kyāk> → РМ caik <kyāk> ‘изображение Будды’.

Последовательность sŋ дала h: ДМ1 sŋiʔ <sṅi ~ sṅi’> → РМ hɔeʔ <sṅi> ‘дом’. Очевидно, промежуточным был этап *hŋ, за которым последовало падение ŋ (ср. *кхм.* sŋuət <sṅwt> ‘высохший’ и huət <hwt> ‘сухой’).

Общая характеристика этого типа изменений — фонологическая компрессия за счёт падения одного из согласных, осложнённая другими фонетическими изменениями — оглушением смычных, палатализацией, назализацией и т. д.

Таким образом, в пост-эпиграфический период произошло значительное упрощение системы кластерных инициалей, что стало возможным вследствие существенного расширения системы финалей.

1.3. СИСТЕМА ФИНАЛЕЙ

Как и другие фонологические единицы СЯ (силлабема, инициаль), финаль представляет собой парадигматическую единицу. Она состоит из элементов, которые, в свою очередь, также имеют свои

парадигмы, т. е. замкнутые упорядоченные системы. Поэтому есть смысл сначала рассмотреть эти элементы в отдельности.

1.3.1. Эволюция системы терминалей (Консонантизм II)

Парадигма терминалей мон-кхмерских языков, как правило, бывает более обширной, чем в других СЯ. Тем не менее она всегда включает меньшее число элементов, чем парадигма инициалей.

Общая тенденциия для всех СЯ — постепенное сокращение количества терминалей, вплоть до полного их исчезновения. Несмотря на гораздо менее радикальный характер, в мон-кхмерских языках эта тенденция в историческом плане прослеживается достаточно отчетливо.

Система терминалей монского языка также обнаруживает устойчивую тенденцию к упрощению. В раннедревнемонском были возможны 15 терминалей. В позднедревнемонский период их число сократилось до 13 (включая нулевую терминаль). В современном монском их осталось только 9 (включая #).

Основные изменения, касающиеся терминалей, происходят в позднедревнемонский период. Из 15 раннедревнемонских терминалей в неизменном виде сохранилось восемь: -p, -m, -t, -n, -k, -ŋ, -ˀ и -h, остальные семь (-s, -c, -ɲ, -j, -r, -l, -w) претерпели те или иные изменения.

Превращение конечного -s в -h и, таким образом, конвергенция его с изначальным -h считается исторически первым фонологическим отличием позднедревнемонского языка от раннедревнемонского. Это превращение произошло в начале XIII в. [Shorto 1971 : X]. Ср.: ДМ1 cɔs <cas> → ДМ2 cɔh <cah> → PM cɔh <cah> ‘десять’, ДМ1 khøs <khis ~ khas> → ДМ2 khøh <khuih> → PM khɒh <khuih> ‘хороший’, ДМ1 ŋus <ṅus> → ДМ2 ŋuh <ṅuh> → PM ŋùh <ṅuh> ‘цена’ и т. п. Такого типа фонетическое изменение типично для мон-кхмерских языков: в кхмерском терминаль /h/ — также «архифонема, объединяющая *s* и *h* по признаку их щелинности с нейтрализацией признака «место образования»» [Горгониев 1966 : 32].

Следующим существенным изменением, относящимся уже к классическому позднедревнемонскому периоду (XV в.), стало ис-

чезновение палатальных терминалей, причем их эволюция носила несколько более сложный характер. Финали -øc и -øɲ стали произноситься как -ɔik и -ɔiŋ соответственно: ДМ1 thøc <thic ~ thīc ~ thec> → ДМ2 и РМ thɔik <thek> 'правильный'; ДМ1 phøc <phic> → ДМ2 и РМ phɔik <phic> 'бояться', ДМ1 pdøc <pdic> → ДМ2 pdɔik <pdek> → РМ tòik <dek> 'быть меньше, чем'; ДМ1 pøɲ <piñ> → ДМ2 и РМ pɔiŋ <peṅ> 'полный'; ДМ1 pløɲ <pliñ> → ДМ2 и РМ plɔiŋ <pleṅ> 'разрушать'; ДМ1 wøɲ <viñ ~ veñ> → ДМ2 wɔiŋ <veṅ> → РМ wòiŋ <veṅ> 'играть'.

Прочие финали с палатальными терминалями сохранили гласные в неизменном виде, но терминали стали дентальными: ДМ1 ɗoc <ḍot> → ДМ2 ɗot <ḍvot> → РМ dot <ḍot> 'маленький'; ДМ1 sɔc <sac> → ДМ2 и РМ sɔt <sat> 'плод'; ДМ1 puc <puc ~ pūc> → ДМ2 put <put> → РМ pɔt <put> 'вырезать'; ДМ1 kloɲ <kloñ> → ДМ2 и РМ klon <klon> 'работать'; ДМ1 pɔɲ <pañ> → ДМ2 и РМ pɔn <pan> 'стрелять'; ДМ1 raɲ <rāñ> → ДМ2 ran <rān> → РМ ràn <rān> 'покупать'.

Падение терминалей -r, -l, -w, -j кардинальным образом изменило представление о структуре монского слога.

Если ранее открытый слог выглядел чем-то экзотическим, а нулевая терминаль была признаком иноязычного происхождения (ср. [Shorto 1956 : 350-351]), то начиная с позднедревнемонского периода открытый слог становится обычным явлением. Вероятно, падение неносовых сонантных терминалей произошло не сразу, а через этап превращения -r и -l в терминаль -w <v>, падение которой произошло позже. Об этом свидетельствует несколько бóльшая устойчивость графической терминали <v> по сравнению с другими.

Уже в позднедревнемонский период и на месте этимологических -r и -l появляется графическая терминаль <v>, о чем свидетельствует хотя бы материал индийских заимствований: *инд.* dharma → ДМ1 dhɔr <dhar> → ДМ2 dhɔw <dhar ~ dhav> → РМ thò <dhav> 'дхарма'; *инд.* garƀha → ДМ1 gɔr <gar> → ДМ2 gɔw <gav> → РМ kò <gav> 'беременность'; *инд.* vara → ДМ1 wør<var> → ДМ2 wøw <vuiv> → РМ wɜ̱ <vuiv> 'благослове-

ние'; *инд.* bala → ДМ1 bøl <bal>→ ДМ2 bøw <buiv> → РМ pɜ <buiv ~ buil> 'армия'; *инд.* kalpa → ДМ2 kɔw <kav> → РМ kɔ <kav> 'эпоха'; *инд.* phala → ДМ1 phøl <phal> → ДМ2 phøw <phuiv> → РМ phɒ <phuiv> 'результат'.

Аналогичные процессы наблюдаются и в собственно монских словах: ДМ1 gør <gir> → ДМ2 gøw <guir ~ guiv> → РМ kɜ <guiv> 'сверкать', ДМ1 gor <gor> → ДМ2 gow <gor ~ gov> → РМ kò <gov> 'соответствовать', ДМ1 dɔl <dal> → ДМ2 dɔw <dar ~ dav> → РМ tò <dav ~ dov> 'преграждать путь', ДМ1 køl <kil ~ kul ~ kel> → ДМ2 køw <kuir ~ kuil ~ kuiv> → РМ kɒ <kuiv> 'давать' и т. п.

Безразличие, с которым в позднедревнемонском языке знаки неносовых сонантов употреблялись для графического изображения терминали -w, постулируемой Х. Л. Шорто [Shorto 1971 : XVI], позволяет предположить, что в действительности уже и тогда она была утрачена или, по крайней мере, находилась в процессе исчезновения, так как при наличии специальной графемы <v> нет причин пользоваться альтернативными написаниями. Возможно, что знаки неносовых сонантов употреблялись лишь в качестве пограничных сигналов для отделения фонетически открытых слогов от последующих или что правила раннедревнемонской орфографии требовали, чтобы любой слог был графически закрытым.

В современной графике из неносовых сонантных терминалей сохранились только <v> и <y>, служащие, впрочем, своего рода диакритическими знаками. С помощью графической терминали <v> обозначается открытый слог с централями /e ɒ ɜ ɔ o/, графически соответственно <ev uiv uiv aw ov>. При этом централи /e/ и /o/ иногда изображаются без <v> или же написание с <v> считается факультативным: ke <kev ~ ke> 'прозрачный', che <chev ~ che> 'препятствовать', co <cov> 'ручей', lò <lo> 'глухой'.

Централи /ɒ/ и /ɜ/, изображаемые лигатурой <ui>, в фонологически открытом слоге, напротив, регулярно употребляются с графической терминалью <v>, в чем просматривается дань не столько этимологии, сколько традиции. Согласно правилам монской орфографии (и в отличие от бирманской) знак <ui> не может

использоваться в графически открытых слогах. Ср.: kɒ <kuiv> 'давать', tɒ <tuiv> 'сеять', klɜ <kluiv> 'собака', cɜ <cuiv> 'обносить стеной', cɜ̱ <juiv> 'нападать', tɜ̱ <duiv> 'холм'.

Централь /ɔ/ в открытом слоге также регулярно изображается с графической терминалью <v>: kɔ <kav> 'нести наперевес', cɔ <cav> 'лить', tɔ <tav> 'рукоять' (в R2 — /o/: klò <glav> 'лежать на спине'). В противном случае слог был бы фонологически закрытым, так как графическая последовательность «<a> краткое + #» соответствует фонологической последовательности /aʔ/ ~ /ɛ̱ʔ/.

Графическая терминаль <(a)y/ai>)[8] используется для обозначения некоторых дифтонгов: /ai/ и /ài/ <āy>, /ɔe/, /ui/ и /ùi/ <uy>, /oa/ и /òa/ <(v)ay> и <(v)oy>, /oi/ и /ùi/ <uiy>; последовательность «гласный + <v>» позднедревнемонского языка впоследствии также дала несколько простых гласных и дифтонгов: ДМ1/ɔw/<av> → РМ /ɔ/ и /ò/ <av>; ДМ1/aw/ <āv> → ДМ2 /aw/ <au> → РМ /ao/ и /ɛ̱a/. В связи с этим эволюцию собственно терминалей -j и -w имеет смысл рассматривать подробнее в контексте эволюции монского вокализма.

Итак, к концу позднедревнемонского периода количество терминалей сократилось почти наполовину. Важным следствием этого, как уже отмечалось, стало возникновение открытых слогов. Дальнейшая эволюция монской фонологической системы происходила главным образом в сфере вокализма.

1.3.2. Эволюция системы централей (Вокализм)

Если монский консонантизм эволюционировал по пути упрощения, то вокалическая система, напротив, развивалась по пути усложнения.

В позднедревнемонский период наблюдается необычное варьирование в обозначении гласных — свидетельство того, что система вокализма находится в процессе преобразования.

Происходит развитие дифтонгов на месте простых гласных и сочетаний гласных с полугласными терминалями. Тембр гласного попадает в двойную зависимость от регистра, определявшегося

---

[8] Об этом знаке см. подробнее в разделе 0.4.

начальным согласным, и от конечного согласного. В связи с этим по мере увеличения количества гласных их дистрибуция становится все более и более ограниченной вполне определёнными позициями. В то же время мы практически не наблюдаем случаев дополнительного распределения гласных. Таким образом, если в какой-то период времени здесь и могла идти речь об аллофонических чередованиях, то впоследствии, в результате заполнения некоторых «пустых клеток» такие позиционные аллофоны фонологизировались, а позиционные условия, вызвавшие их появление, стали постепенно затемняться. В связи с этим факторы, определившие развитие отдельных гласных, далеко не всегда очевидны.

1.3.2.1. Простые гласные

Система централей раннедревнемонского языка была значительно проще современной и включала только восемь простых гласных (i, e, ø, a, ɯ, ɔ, o, u)[9] и один дифтонг (ai) [Shorto 1971 : XVII].

Графическое обозначение гласных в раннедревнемонском языке, как правило, было многовариантным ввиду отсутствия устоявшейся нормы, а также вследствие наличия отдельных звуков, отсутствовавших в индийских языках и, следовательно, не имеющих соответствующих знаков для их обозначения на письме.

Для раннедревнемонского языка характерно было свободное варьирование написаний гласных /i/ и /u/ с помощью знаков, исторически восходивших к графемам кратких и соответствующих долгих гласных: <i ~ ī>, <u ~ ū>: ДМ1 tim <tim ~ tīm> → РМ tɛm <tiṁ> ‘знать’; ДМ1 srit <srit ~ srīt> → РМ sɛt <srit> ‘носорог’; ДМ1 sluj <sluy ~ slūy> → РМ hlɔe <lhuy> ‘медь’; ДМ1 duɲ <duñ ~ dūñ> → РМ tùn <dun> ‘бамбук’. Такое варьирование объясняется тем, что долгота гласного в монском фонологически иррелевантна.

Согласно данным словаря Х. Л. Шорто [Ibid.], в позднедревнемонский период, с началом падения неносовых сонантных тер-

---

[9] М. Ферлю полагает, что «монские заимствования в тайском и лаосском языках обязывают нас заменить ø на з, что мало что меняет, но, в первую очередь, ɯ на ʌ» [Ferlus 1984 : 17].

миналей и массового образования открытых слогов, использование графем долгих <ī> и <ū> закрепилось за фонологически открытыми слогами, в то время как графемы соответствующих кратких стали использоваться исключительно для обозначения гласных в фонологически закрытых слогах: ДМ1 siw <siv ~ sīv> → ДМ2 si <sī> → РМ sɔe <sī> ‘прислуживать’; ДМ2 ksu <kṣū> → РМ chu <khyū ~ chū> ‘писать’; ДМ1 sŋiˀ <sṅi ~ sṅi’> → ДМ2 sŋiˀ <sṅi> → РМ hɔeˀ <sṅi> ‘дом’; ДМ1 chuˀ <chu ~ chu’> → ДМ2 и РМ chuˀ <chu> ‘дерево’.

Это правило не распространялось на пару <a> — <ā>, поскольку эти два знака, очевидно, изначально использовались для обозначения гласных *различного* тембра: графема <a> обозначала гласный [ɔ] во всех случаях, кроме позиции перед велярными и «глоттальными» терминалями, где её фонетическим значением было [a]. Графема <ā> обычно обозначала гласный [a], но перед велярными терминалями она использовалась для обозначения дифтонга [ai]. Перед «глоттальными» она не использовалась, и только в результате конвергенции терминалей /s/ и /h/ последовательность <ās> стала произноситься как [ah], в дальнейшем развившись в /ah/ и /ɛ̱h/: ДМ1 kas <kās> → РМ kah <kaḥ> ‘бриться’; ДМ1 jas <yās> → РМ jɛ̱h <yaḥ> ‘заря’. Таким образом, варьирование между <a> и <ā>, подобное тому, которое имело место в случае с узкими гласными, здесь было исключено.

Наибольшей вариативностью отличалось графическое изображение гласного /ø/. В раннедревнемонском этот звук мог обозначаться практически любым знаком гласного — <i>, <e>, <a>, <u>. В позднедревнемонский период за ним закрепилось написание с помощью диграфа <ui>.

М. Ферлю приводит таблицу соответствий между гласными раннедревнемонского и современного языка. «Для удобства» он ограничивается гласными открытого слога — заметим, самой нетипичной позицией для монского языка: /i/ → /ɔe, ì/; /e/ → /e, è/; /ɯ/ → /ao, ɜ̱/; /ø/ → /ɒ, ɜ̱/; /a/ → /a, ɛ̱a/; /u/ → /ao, ù/; /o/ → /o, ò/; /ɔ/ → /ɔ, ɔ̀/ [Ferlus 1979 : 16] (транскрипция приведена в соответствие с [Shorto 1962]).

Такая схема, естественно, представляет эволюцию гласных в

весьма упрощённом виде и не учитывает фактора постепенности этой эволюции. В частности, наличие некоторых гласных современного языка лишь в одном из регистров (например, /ɒ, ea, ɔe, ao/ только в R1 и /ɛa/ только в R2) даёт основания полагать, что появление оппозиции регистров предшествовало появлению этих гласных в монском языке. Следовательно, оппозиции /ɔe/ — /ì/, /ao/ — /ù/ и т. п. — явление более позднее, чем оппозиции /i/ — /ì/, /u/ — /ù/, которые, кстати, в ряде случаев сохранились и в современном языке. Выражением противоположной тенденции стало исчезновение отдельных гласных в одном из регистров (/ɔ/ и /ɔi/ в R2).

Исходя из вышесказанного, следует допустить, что в эволюции монского вокализма имелся некий промежуточный этап, когда гласные были противопоставлены исключительно по регистру. Затем в результате дальнейшего развития релевантным для тембра гласного оказывается правое окружение (терминаль), вследствие чего происходит дивергенция гласных (вероятно, сначала на уровне аллофонического чередования).

Иначе говоря, эволюцию раннедревнемонской централи /ɯ/, например, логично представить следующим образом: ДМ1 и ДМ2 /ɯ/ → СМ /u, ù/; СМ /u/ → РМ /ao (+ #, h, ˀ), u/; СМ /ù/ → РМ /ù/. В действительности дело обстоит еще сложнее. Например, велярные терминали /k ŋ/ часто требуют кардинального изменения тембра предшествующего гласного, в частности, централь /ɯ/ должна была приобрести тембр /з, з̱/, т. е. тембр, присущий гласным, развившимся из /ø/ и /ɯ/, которые, однако, в этой позиции реализуются как /a, à/. Эту цепь «неправильных» соответствий можно было бы продолжить и дальше, однако удобнее эволюцию каждого гласного рассмотреть отдельно, чтобы излишне не усложнять картину.

Однако прежде нам придётся ввести понятие *позиции*. В общем плане мы различаем начальнослоговую (позицию инициали), конечнослоговую (позицию терминали) и т. д. Но применительно к проблеме гласных следует различать и специальные позиции, указывающие на локальные классы терминалей: *преглоттальную* (позицию перед ˀ и h), *предвелярную* (позицию перед k и ŋ), *предентальную* (позицию перед t и n), *предлабиальную* (позицию перед p и m), а также *позицию открытого слога*. Как видно, поведение гласного перед гоморганными терминалями идентично. Предентальная и предлабиальная позиции, как правило, оказывают одина-

ковое (минимальное) воздействие на гласный, поэтому эти две позиции можно считать одной основной позицией, различая их только там, где возникает такая необходимость. Преглоттальная и особенно предвелярная позиции оказывают на гласный наиболее сильное и порой, можно сказать, неожиданное воздействие, приводя к чередованиям гласных.

/i/. Как уже отмечалось, в раннедревнемонском языке гласный /i/ обозначался знаками <i> и <ī>, которые находились в отношении свободного варьирования. В дальнейшем первое написание закрепилось за гласными фонологически закрытого слога, второе — за гласными фонологически открытого слога. Фонологически открытый слог, чуждый для раннедревнемонского состояния, развился из последовательностей /ir il iw/ (графически <īr īl īv>): wir <vir> → wì <vī> 'выращивать (скот)'; ɓir <lbir ~ lbīr> → ɓi <ɓī> 'река, море'; siw <siv ~ sīv> → si <sī> → sɔe <so> 'прислуживать'. В предвелярной позиции централь /i/ дифтонгизировалась: glik <glik ~ glīk> → klòik <glik ~ dlik> 'мужская набедренная повязка'; clik <clik ~ clīk> → kloik <klik> 'свинья'. В открытом слоге и преглоттальной позиции в R1 произошла дивергенция этой централи, выразившаяся в том, что в этих позициях нормально стал употребляться дифтонг /ɔe/: sŋiʔ <sṅi ~ sṅi'> → hɔeʔ <sṅi> 'дом'. В прочих случаях сохранилась этимологическая централь /i/: chim <chim> → chim <chiṁ> 'кровь'; lŋim <lṅiṁ ~ lṅīm> → ŋìm <(l)ṅiṁ > 'тысяча'.

/e/, как правило, графически изображался знаком <e>: ɓeh <ɓeḥ>→ pèh <ɓeh> 'ты'; kseh <kşeḥ> → cheh <khyeh> 'лошадь' (однако знак <e> мог использоваться и для обозначения некоторых других гласных). В открытом слоге, нередко обозначаемом как <ev>, мы находим тот же гласный: lew <ler ~ lev> → lè <le(v)> 'тоже'; kew <kev> → ke <ke(v)> 'ясный'. В предвелярной позиции часть слов на /e/ приобрела дифтонг /ɔi ~ ɔ̀i/: mrɔik <mrek> → pərɔ̀ik <m(a)rek> 'красный перец'; klɔiŋ <kleṅ> → klɔiŋ <kleṅ> 'жир'. Другая, без видимой закономерности, стала произноситься с дифтонгом /ea ~ ɛa/: preŋ <preṅ> → preaŋ <preṅ> 'буйвол'; ŋek <ṅek> → ŋɛ̱ak <ṅek> 'зуб'.

/a/. В преддентальной позиции мы не наблюдаем дивергенции звукотипа /a/: raɲ <rañ> → ràn <rān> ‘покупать’; chan <chān> → chan <chān> ‘любить’. Здесь сохранилась лишь оппозиция регистров. Однако в остальных позициях, напротив, налицо дивергенция гласных при отсутствии пар, контрастирующих только благодаря регистру. В открытом слоге централь /a/ дала /ɛ̱a/ и /a/: wa <vā> → wɛ̱a <vā> ‘раз’; swa <svā> → hwa<svā> ‘легкий’. В преглоттальной позиции централь /a/ дала /ɛ̱/ и /a/: gah <gaḥ> → kɛ̱h <gaḥ> ‘сказать’; pnah <pnaḥ> → nah <pnaḥ> ‘плечо’. В предвелярной позиции — /ɛ̱a/ и /ɛ/: bak <bak> → pɛ̱ak <bak> ‘сопровождать’; kwak <kvak> → kwɛk <kvak> ‘висеть’. В предлабиальной позиции — /è/ и /a/: jam <jām> → jèm <jāṁ> ‘плакать’; cnam <cnām> → hnam <cnāṁ> ‘год’. Последовательность /aw/ развилась в дифтонги /ɛ̱a/ (R2) и /ao/ (R1): gnaw <gnāv ~ gnau> → nɛ̱a <gnau> ‘живот’; phjaw <phyau> → phjao <phyau> ‘приносить домой’ (оба дифтонга обозначаются как <au>).

/ɔ/. В большинстве позиций произошла дивергенция раннедревнемонской централи /ɔ/, которая сохранилась в R1, но в R2 слилась с централью /o/, вероятно, пройдя этап /ɔ/ → /ɔ/, /ɔ̱/; /ɔ̱/ → /ò/: thɔr <thar> → thɔw <thar, thor, thav> → thɔ <thav> ‘золото’, но ɟɔw <jar> → cò <jav> ‘цвет’; tkɔʔ <tka> → kɔʔ <tka’> ‘остров’, но ɟrɔh <jrah> → sòh <jrah> ‘овраг’; pɔn <pan> → pɔn <pan> ‘четыре’, но mɔt <mat> → mòt <mat> ‘глаз’; ɓɔk <ɓåk> → bɔk <ɓåk> ‘рубить’, но mɔk <mok> → mòk <måk> ‘появляться’. В позднедревнемонский период централь /ɔ/ часто обозначается знаком <å>, причем не только в предвелярной позиции, как в современном языке, но практически и во всех других позициях. Последовательности «/ɔ/ + глайд» в современном языке развились в дифтонги: brɔj <brey> → brɔj <bray> → pròa <bray> ‘дождь’; tɔj <tey> → tɔj <tay> → toa <tay> ‘рука’; ɟlɔw <jlov> → klɛ̱a <dlau ~ glau> ‘бык’; krɔw <krov> → krɔw <krau> → krao <krau, trau> ‘позади, после’. Примечательно, что эволюция раннедревнемонских /aw/ <āv> и /ɔw/ <ov> привела к одинаковому результату.

/o/, как правило, графически изображался знаком <o>: crok <crok> → sòk <srok> ‘улица’; sok <sok> → sok <sok> ‘волосы’ (однако знак <o> мог использоваться и для обозначения некоторых других гласных). Сочетание /o/ <o> + j дало в современном языке дифтонг /oa/ <(v)oy ~ vay>: moj <moy> → mòa <mvay> ‘один’; poj <pvay> → poa <poy> ‘праздник’.

/ʉ/. Как уже отмечалось, в раннедревнемонском языке гласный /ʉ/ обозначался знаками <u> и <ū>, которые находились в отношении свободного варьирования. В дальнейшем первое написание закрепилось за гласными фонологически закрытого слога, второе — за гласными фонологически открытого слога. Фонологически открытый слог, чуждый для раннедревнемонского состояния, развился из последовательностей /ur ul/ (графически <ūr ūl>): ɡur <gūr ~ gur> → kù <gu> ‘идти *(о дожде)*’; ɟul <jūl> → cù <jū ~ jov> ‘отдыхать’. В предвелярной позиции централь /ʉ/ превратилась в /з, з̲/ <u>: dluŋ <dluṅ> → klз̲ŋ <gluṅ> ‘лодка’; kluŋ <tluṅ> → klзŋ <kluṅ> ‘приходить’. В открытом слоге и преглоттальной позиции в R1 произошла дивергенция этой централи, выразившаяся в том, что в этих позициях нормально стал употребляться дифтонг /ao/: pus <pus> → paoh <puh> ‘10-й лунный месяц’; pur <pur> → pao <pū> ‘голубь’. В прочих случаях сохранилась этимологическая централь /ʉ/: duɲ <duñ ~ dūñ> → tùn <dun> ‘бамбук’; ɓun <b̲un> → bun <bun> ‘нож’. Последовательность /uj/ также претерпела дивергенцию: ruj <ruy> → rùi <ruy> ‘муха’; ʔuj <s’uy> → ʔuj <s’uy> ‘гнилой’, но sluj <slūj ~ sluy> → hlɔe <sluy ~ lhuy> ‘медь’.

/ø/ — гласный, который для раннедревнемонского со времен Ч. О. Блэгдена определяется как «некое ö» [Blagden 1910 : 489] (у Х. Л. Шорто — /ø/), т. е. как «некая разновидность среднерядного, заднерядного неогубленного или переднерядного огубленного гласного» [Shorto 1965 : 95]. Его транскрипция с помощью символа /ø/, таким образом, довольно произвольна. Однако, будучи противопоставленным в ранне- и позднедревнемонском другому среднерядному гласному /ɯ/, от которого он отличался не степенью

подъёма, а скорее продвинутостью, «это был все-таки гласный переднего ряда, а не среднего в узком смысле слова» [Ibid. : 97].

В словах с носовыми инициалями в предвелярной позиции гласный /ø/ развился в дифтонг: rmøŋ <rmiṅ> → mòiŋ <m(h)iṅ> ‘слышать; smøŋ <smiṅ> → ħmoiŋ <smiṅ> ‘король. С другими инициалями в той же позиции он перешел в /a/: ƀøk <ƀuik> → pàk <ƀuik> ‘носить, надевать’; thøk <thuik> → thak <thuik> ‘подходить, годиться’. В остальных случаях, пройдя среднемонскую стадию /з, з̲/ <ui>, он развивается в /з̲/ (ƀjøw <ƀyuiv> → pjз̲ <ƀyuiv> ‘натравливать’), /з/ (kløw <cluiv> → klз <kluiv> ‘собака’) и /ɒ/ (kcøt <kcit> → chɒt <kħyuit> ‘умирать’). Последовательность øj (графически <oy>) в современном монском превращается в дифтонг /oi ~ ùi/: pøj <poy> → poi <puiy> ‘мы’; mbøj <’ƀoy> → bùi <mbuy ~ mbuiy> *(грубое обращение к женщине)*.

/ɯ/. Второй среднерядный гласный — /ɯ/, обычно обозначавшийся как <o> или <u>, если верить Х. Л. Шорто, отличался от /ø/ не степенью подъёма, а скорее продвинутостью. В таком случае он представлял собой более открытый звук, т. е. [ɤ]. Употребление этого гласного было ограничено преглоттальной и предвелярной позициями. В позднедревнемонский период после носовых инициалей /ɯ/ переходит в /u, ù/ и далее в /ao, u, ù/ (mɯh <moh> → mùh <muh> ‘нос’, sŋɯˀ <sṅo’> → sŋuˀ <sṅu> → ħaoˀ <sṅu> ‘очищенный рис’), в остальных случаях перед «глоттальными» конвергирует с /ø/ и развивается в /з, з̲/ и в конце концов в /ɒ, з̲/: gɯh <guh ~ goh> → kз̲h <goh ~ guih> ‘пещера’; srɯˀ <sro’> → sɒˀ <sro’> ‘неочищенный рис’. Перед велярными /ɯ/, как и /ø/, переходит в /a, à/, заполняя пустые клетки в дистрибуции централи /a/: glɯŋ <gluṅ ~ gloṅ> → klàŋ <gluiṅ> ‘много’; srɯŋ <sruṅ ~ srūṅ> → saŋ <s(r)uiṅ> ‘отверстие’.

1.3.2.2. Дифтонги

/ai/. В системе монского вокализма один дифтонг — /ai/ — по-видимому, существовал изначально, однако исключительно перед велярными терминалями, иначе говоря, был невозможен в открытом слоге: dŋaiŋ <dṅeṅ ~ dṅāṅ> → ŋàiŋ <ṅāṅ> ‘клешня’; kjaik

<kyek ~ kyāk> → caik <kyāk> ‘изображение Будды’. Появление /ai/ в открытом слоге относится к среднемонскому периоду, когда завершилось падение полугласных терминалей: ɓlaj <ɓlāy> → plài <ɓlāy> ‘молодой мужчина’; təmˀaj <tuṁ’āy> → həmai <tamhāy> ‘яйцо’. Расширение дистрибуции дифтонга /ai/ произошло в результате фонологической реинтерпретации конечного глайда на фоне массового образования дифтонгов в конце позднедревнемонского периода.

/ɔi/. Как уже было отмечено, на месте централи /ø/ перед палатальными терминалями в позднедревнемонский период появляется новый дифтонг — /ɔi/, возникновение которого вызвало конвергенцию палатальных /c ɲ/ в конце слога с соответствующими велярными /k ŋ/: pdøc <pdic> → tòik <dek> ‘быть меньше, чем’; phøc <phic> → phɔik <phek> ‘подходить, годиться’.

Вышеописанная картина эволюции гласных несколько упрощена: в реальности дело обстоит значительно сложнее. Однако с точки зрения синхронии ряд фактов современной фонологии не поддаётся удовлетворительному объяснению, поскольку фонологические условия, вызвавшие некоторые звуковые изменения, для современного языка не актуальны. Их действие относится к совершенно не изученному и нигде не описанному периоду конца XVI–XIX вв.

Как видим, в процессе эволюции монского вокализма произошла дивергенция большинства гласных, приведшая к образованию новых для монского языка централей — как простых гласных, так и дифтонгов. В то же время материальное совпадение некоторых дивергентов привело к прямо противоположному результату — частичной конвергенции отдельных централей. В результате подавляющее большинство гласных древне- и позднедревнемонского языка не имеет однозначных соответствий в современном языке, а современные гласные могут восходить к нескольким различным гласным других исторических стадий монского языка.

Как мы могли убедиться, в монском языке существует теснейшая зависимость тембра гласного от последующего согласного — терминали. В заключение диахронической части описания рассмотрим эволюцию системы финалей в целом.

1.3.3. Эволюция системы финалей: Общий обзор

Система финалей раннедревнемонского языка содержала 106 единиц (табл. 8).

Таблица 8. **Система финалей раннедревнемонского языка**

Центра-ли	Терминали														
	j	r	l	w	ʔ	h	s	k	ŋ	c	ɲ	t	n	p	m
i	–	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	+	+	+	+
e	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ø	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ɔ	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
o	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
u	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ɯ	–	–	–	–	+	+	–	+	+	–	–	–	–	–	–
ai	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–

Как видно из табл. 8, в раннедревнемонском представлены 9 централей и 15 терминалей. Нулевая терминаль отсутствовала. Как уже было показано, в позднедревнемонском произошло частичное падение терминалей -r и -l (после i, a, u) и частичная конвергенция их с -w, полная конвергенция терминалей -s и -h, а также -c и -ɲ с соответствующими велярными после ø (в результате чего появляется дифтонг ɔi) и с соответствующими дентальными в остальных случаях.

Таким образом, позднедревнемонская система финалей изменилась — сократилась до 77 (табл. 9).

Таблица 9. **Система финалей позднедревнемонского языка**

Центра-ли	Терминали										
	#	j	w	ʔ	h	k	ŋ	t	n	p	m
i	+	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+
e	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ø	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ɔ	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
o	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
u	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+	+
ɯ	–	–	–	+	+	+	+	–	–	–	–
ai	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–
ɔi	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–

Вследствие упомянутых изменений количество централей в позднедревнемонском увеличилось до 10, количество терминалей уменьшилось до 11, а общее количество финалей сократилось до 77.

Сравнение систем позднедревнемонских и современных монских финалей показывает, что в дальнейшем произошло полное устранение полугласных терминалей (-j, -w), в результате чего появились открытые слоги с централями e, ɔ, o, ai, которых не было в позднедревнемонском языке.

Тенденция к увеличению количества централей (возникновение новых гласных — ɛ, ɜ, ɒ, ɔe̦, ea, ɛ̱a, oa, oi, ui и ao) и уменьшению количества терминалей постепенно усиливается, при этом происходит резкое увеличение количества финалей.

Обращает на себя внимание постепенное увеличение количества «пустых клеток»: 21% в раннедревнемонском, 30% в позднедревнемонском (и 47% в современном языке, что объясняется более ограниченными дистрибутивными возможностями «новых» гласных). Увеличение числа финалей располагает к уменьшению числа инициалей, в особенности кластерных, что и наблюдается в процессе эволюции слога от раннедревнемонского к современному состоянию.

Общее количество слогов в древне- и позднедревнемонском языке было, разумеется, конечным, однако назвать точную цифру, пожалуй, невозможно, так как фонологическое значение отдельных кластеров, как уже отмечалось, остаётся неясным. К тому же, по понятным причинам, словарь монской эпиграфики [Shorto 1971] отражает словарный состав языка не в полном объёме.

Несомненно, при переходе от позднедревнемонской к современной системе финалей, существовало несколько промежуточных состояний, которые, однако, весьма трудно, если вообще возможно, хронологизировать, а иногда — хотя бы определить их последовательность.

Глава 2
СИНХРОНИЯ: ФОНОЛОГИЯ СЛОГА

2.0. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Фонологическая система монского языка может рассматриваться как совокупность нескольких подсистем. Объективно имеющиеся в языке подсистемы можно выделять на разных основаниях, при этом их количество и состав может быть разнообразным. Поэтому весьма важно, чтобы в основе такого расчленения (чтобы оно было наименее искусственным) лежали наиболее существенные для данного языка признаки. Применительно к монскому языку к таковым мы относим регистр и фонологическую структуру слова.

Описание фонологической системы в виде относительно автономных подсистем иногда — не только вполне оправданный, но и наиболее рациональный метод, кстати, уже применявшийся по отношению к монскому языку [Shorto 1966]. В статье использован многосистемный (polysystematic) подход к «описанию систем монских гласных — проблемы оппозиций, которые встречаются в крайне ограниченном числе контекстов, между элементами, дистрибуция которых в других отношениях комплементарна» [Ibid. : 398]. Многосистемный подход Х. Л. Шорто состоит в разделении фонологической системы монского языка на 1) первичную и вторичную системы — системы ОС и ПС; 2) системы R1 и R2; 3) отдельные системы гласных и согласных для каждого регистра. Однако подсистемы, рассматриваемые Х. Л. Шорто, по сути дела тождественны классам дистрибуции монских гласных. Такие подсистемы все же недостаточно автономны и во многих случаях пересекаются, а описание фонологических закономерностей, иногда довольно громоздкое, все равно не исчерпывает всех возможностей.

Практика раздельного описания гласных разных регистров (серий) использовалась и при описании кхмерского языка (см., в частности, [Karnchana 1978]). Неразграниченное по сериям описание вокализма, например, в «Грамматике кхмерского языка» [Горгониев 1966], значительно уступает как в теоретическом, так и в практическом отношении. Так, гласные обеих серий рассматриваются в общем ряду, с упором на их артикуляционно-акустические свойства, и лишь затем отмечается наличие двух серий гласных. Между тем состав гласных обеих серий существенно различается в первую очередь по тембру (звуковой окраске), а не только по относительной открытости или закрытости. Таким образом, вполне правомерно было бы говорить о двух автономных подсистемах кхмерских гласных двух серий, возникших в результате дефонологизации собственно регистрового противопоставления между ними.

Фонологическую систему монского языка удобнее представить как своеобразное пересечение двух плоскостей, образующее, таким образом, четыре фонологические подсистемы, каждая из которых имеет свои особенности.

Первая плоскость представляет собой плоскость регистра (см. 2.2). В этом случае речь идёт не о просодических характеристиках регистров, а о том, что монские слова в разных регистрах часто имеют и структурные особенности.

Вторая плоскость — это плоскость, разделяющая односложные слова (ОС) и так называемые «полуторасложные» (ПС). Помимо наличия пресиллаба, последние также обладают некоторой спецификой по сравнению с моносиллабами.

Чем оправдывается подобное расчленение? В двух регистрах различно, прежде всего, количество и набор (инвентарь) слогов, так же как и количество и набор слогов, образующих ОС и входящих в состав ПС. Различно количество инициалей и финалей, конституирующих слоги этих групп, различна их дистрибуция и правила функционирования. При этом дело отнюдь не сводится к проблеме так называемых пустых клеток, поскольку прослеживаются определённые систематические закономерности, определяющие наличие или отсутствие ряда слогов (типов слогов) в той или иной группе. Поэтому вполне резонно говорить именно о четырех основных подсистемах в фонологии монского языка. Такой взгляд на

фонологическую систему этого языка оправдывается также отсутствием симметрии этих подсистем и однозначных соответствий между их элементами.

По типологической классификации В. Б. Касевича монский язык, как и другие мон-кхмерские языки, отнесен к «несобственно слоговым» языкам [Касевич 1974; 1983 и др.]. Это означает, что, имея некоторые особенности, свойственные неслоговым языкам (одноконсонантные морфемы), в фонологическом плане монский язык все же относится, скорее, к слоговым языкам. Исходя из этого, именно характеристика слога для него — одна из важнейших.

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОГА И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ

Минимальная структура слога в монском языке — это схема CV, максимальная — CCCVC, т. е. слог может содержать до трех согласных в инициальной позиции[1]. Для системы ПС — соответственно CəCV и CəCCCVC.

В R1 представлены 1249 слогов, в R2 — 663 слога. Из них в системе ОС имеется соответственно 946 и 581 слог, в системе ПС — 631 и 308 слогов[2].

Слоги четырёх систем различаются не только количественно, но и качественно: состав возможных инициалей и финалей в них различен.

Среди ОС в системе R1 представлены все 18 простых инициалей (p, t, c, k, ˀ, b, d, s, ʃ, h, m, n, ɲ, ŋ, w, l, r, j); в системе R2 — 15, т. е. все, кроме ˀ, d и ʃ. Среди ОС в системе R1 представлены 20 кластерных инициалей (все, кроме phr и mj); в системе R2 — все, кроме hɲ, hl, phj, phr, khr, khl и khw.

[1] Здесь мы лишь констатируем фонетический состав слога, пока не касаясь вопросов фонологической самостоятельности тех или иных элементов. Эти вопросы будут рассмотрены в соответствующих разделах.

[2] Приводя здесь и далее конкретные цифры, мы основываемся на материале словаря [Shorto 1962], который можно считать достаточно полным. Однако важны не абсолютные величины как таковые, а их соотношение, которое позволяет оценить место и масштаб конкретного явления в системе, делает наглядными тенденции развития языка.

В системе R1 имеется 82 финали, в системе R2 — 56 (общее количество — 138, из них 50 — только в одном из регистров, а 44 — в обоих).

Система терминалей монского языка, не считая нулевой терминали, состоит из 8 согласных (p, m, t, n, k, ŋ, ˀ и h) и одинакова для всех подсистем.

Как было сказано, слогами минимального состава в монском языке следует признать структуры типа CV или CVC. На наш взгляд (разделяемый не всеми), слоги типа V и VC, т. е. состоящие из одних финалей, здесь функционировать не могут[3]. Слог — это минимальный необходимый контекст инициалей и финалей. Максимальная структура слога в монском языке — CCCV или CCCVC. Всего же здесь возможны 6 типов слогов: CV, CCV, CCCV, CVC, CCVC и CCCVC[4].

Как отмечалось выше, любой согласный может быть простой инициалью. Однако с кластерными инициалями дело обстоит несколько сложнее; в разных типах слогов состав согласных, образующих инициали, неодинаков.

Согласные ˀ ɓ ɗ ŋ s ʃ могут образовывать лишь слоги типа CV(C). Прочие согласные могут входить в состав слогов более сложной структуры, причем в слоге каждого типа они могут занимать определённую позицию, которая, как правило, не может быть задана a priori, в особенности когда речь идёт о слогах типа CCV(C) (об этом см. подробнее в разделе 2.3.2).

Количественное соотношение слогов разных структурных типов представлено в табл. 10.

Таблица 10. **Количественное соотношение типов слогов**

Тип инициали	Тип финали		Количество слогов	
	-V	-VC	Всего	%
C-	258	1021	1279	66,9
CC-	131	462	593	31,0
CCC-	10	30	40	2,1
Всего	399	1513	1912	100,0
%	20,9	79,1	100,0	-

[3] По-видимому, такая структура минимального слога присуща всем СЯ.

[4] Х. Л. Шорто выделяет 8 типов слогов, обозначая слоги с дифтонгами как CVV(C)[R] и не учитывая слогов с трехсогласными инициалями [Shorto 1966 : 400].

По сравнению с некоторыми другими СЯ в монском заметно явное преобладание закрытых слогов, что, впрочем, характерно для монского языка во все периоды его развития. Примечательно, что процент слогов с простой инициалью выше в R2, а процент слогов с двухместной инициалью выше в R1, при этом слоги со «сверхсложными» — трехместными — инициалями в R2 вообще отсутствуют.

2.2. ОППОЗИЦИЯ РЕГИСТРОВ: РЕГИСТР ИЛИ ТОН?

Фонологическое противопоставление по регистру — характернейшая особенность многих мон-кхмерских языков. Считается, что оно возникло как следствие оглушения этимологически звонких инициалей <g, gh, j, jh, d, dh, b, bh> [Pinnow 1958 : 178–179]. Для различения слов, шумные смычные инициали которых ранее контрастировали по признаку глухости / звонкости, а теперь стали произноситься одинаково, потребовались супрасегментные средства — регистры.

С фонетической точки зрения регистр — это «квазитональное различие <...> присущее всем словам монского языка» [Shorto 1962 : X]. Головной регистр (head register; ср. *франц.* voix de tête «фальцет»), обозначаемый нами как R1, характеризуется чистым голосом (clear voice) «нормального» или «скрипучего» (creaky) [Smith 1979] качества, обычно — относительно более высокого тона. Грудной регистр — R2 (chest register; ср. *франц.* voix de poitrine «грудной голос»), «характеризующийся придыханием (breathy voice quality) в сочетании с общей расслабленностью органов речи и несколько сдвинутой к центру артикуляцией гласных» [Shorto 1962 : X], отличается, кроме того, более низким уровнем голосового тона. Такой голос иногда характеризуется как «замогильный» (sepulchral) или «гортанный» (gutturale) [Blagden 1910 : 479].

Таким образом, в целом гласные в R1 — более напряжённые, относительно высокие по тону и произносятся с обычной или «скрипучей» фонацией. Гласные R2 менее напряжённые, относительно низкие по тону и произносятся с грудной фонацией [Zandt D. — электронная версия].

С точки зрения фонологии существенна оппозиция двух регистров как таковая, какова бы ни была их фонетическая природа. Для монского языка регистр, вследствие его влияния на тембр и просодические характеристики гласных, — один из основных параметров фонологической характеристики слога.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что состав гласных в обоих регистрах частично совпадает, поэтому подобные во всех прочих отношениях гласные иногда могут различаются только по признаку регистра: pak <puik> 'дуть' — pàk <buik> 'надевать, носить'; to <tov> 'хлóпок' — tò <dov> 'середина'; coiŋ <ciṅ> 'слон' — còiŋ <jiṅ> 'шить'; ket <ket> 'брать' — kèt <get> 'вращаться'; sok <sok> 'волосы' — sòk <srok> 'улица'; hoa <hay> 'прекращаться' — hòa <sṅay> 'далекий'; mai <kmāy> 'вдова' — mài <māy> 'индиго'; loiŋ <liṅ> 'пол, род' — lòiŋ <liṅ> 'нанимать' и т. п. В монском имеется 284 пары (568 слогов), которые, будучи идентичными по структуре и звуковому составу, контрастируют благодаря регистру. Таким образом, регистр — единственное средство смыслоразличения для 30% монских ОС.

Этимологические гласные в мон-кхмерских языках в зависимости от регистра часто приобретают различный тембр, а сам регистр определяется серией начального согласного, т. е. принадлежностью к этимологически глухим или этимологически звонким. Применительно к современному монскому материалу, как правило, нельзя утверждать, что начальный согласный определяет произношение (тембр и регистр) последующего гласного. Поэтому, когда говорят, что инициаль слога определяет регистр последующего гласного, в действительности имеют в виду главным образом *не звуки, а знаки* согласных.

Таким образом, если монские инициали R1 и коррелирующие с ними инициали R2 фонологически тождественны, то выходит, что действительное влияние на регистр могут оказывать лишь те немногие инициали, которые не имеют соответствий в другом регистре (в отличие от кхмерского, в монском для некоторых согласных отсутствуют средства искусственного изменения серии). К ним относятся инициали ˀ <'>, d <ḍ>, ʃ <rh>, hɲ <ñh>, hl <lh, sl>, представленные лишь в R1.

Таблица 11. **Способы графического изображения инициалей в слогах с разными регистрами в современном монском языке**

Инициаль	R1	R2	Инициаль	R1	R2
p	<p>	<b>	m	<m ~ mh>	<m>
t	<ṭ>	<ḍ>	n	<ṅ>	<n>
c	<c ~ ky>	<j ~ gy>	ɲ	<ñ ~ kñ ~ pñ>	<ñ>
k	<k>	<g>	ŋ	<ṅ ~ cṅ ~ jṅ ~ tṅ>	<ṅ ~ dṅ ~ bṅ ~ lṅ ~ tṅ>
ph	<ph>	<bh>	w	<v>	<v>
th	<th ~ ṭh>	<dh ~ ḍh>	r	<r>	<r>
ch	<ch ~ khy>	<jy>	l	<ḷ>	<l>
kh	<kh>	<gh>	j	<yy>	<y>
b	<ḅ>	<mb>	hm	<mh ~ sm>	<jm>
s	<s ~ sr ~ cr>	<jr ~ dr>	hn	<nh ~ ṇh ~ sn>	<nh ~ jn ~ sn>
h	<h ~ sṅ>	<jṅ ~ sṅ>	hw	<vh ~ cv ~ sv>	<jv ~ sv>

С графической точки зрения начальные согласные двух серий в большинстве случаев образуют пары (12 пар, табл. 11). Знаки <ṭ> — <ḍ> образуют пару лишь номинально, так как, во-первых, знак <ṭ> в современном языке не используется, во-вторых, как и в кхмерском, знак <ḍ> обозначает *звонкий* согласный d (прочие этимологические звонкие оглушились), но, в отличие от кхмерского, принадлежит к R1. Иначе говоря, знак <ḍ> функционально вытеснил знак <ṭ>.

Еще девять инициалей (h, s, m, ɲ, ŋ, j, hm, hn, hw) образуют пары благодаря использованию лигатур. Предполагается, что инициали r и w принадлежат системе R2, но в тех немногочисленных случаях, когда они обозначают инициали системы R1, они не имеют специальных обозначений.

Однако в ряде случаев такой способ различения инициалей R1 и R2 не лишен двусмысленности. Простые знаки сонантов, как и некоторые лигатуры, используются амбивалентно, отличаясь лишь большей частотой употребления в одном из регистров.

Отвлекаясь от письменности, приходится констатировать, что деление согласных на серии с синхронной фонологической точки зрения нецелесообразно, так как ведёт практически к удвоению числа согласных.

Различие в высоте тона гласных двух регистровых систем позволяет как будто говорить о тонах в монском и ему подобных языках, обладающих оппозицией регистров. В то же время никто из современных исследователей, говоря о монском языке, к понятию тона не прибегает.

По-видимому, дело в том, что для регистра, в отличие от тона, высота голоса (pitch) не имеет первостепенного значения, таким образом, его диапазоны в двух регистрах могут накладываться друг на друга [Henderson 1952 : 151]. Именно поэтому регистр рассматривают как «квазитональное различие» [Shorto 1962 : X].

Вместе с тем следует иметь в виду, что понятия регистра в общей тонологии и в мон-кхмерском языкознании не тождественны. Если в общелингвистическом смысле под регистром понимают высотный уровень тона и в связи с этим говорят о регистровых (ровных) и контурных (скользящих) тонах, то применительно к языкам типа монского регистр — это не только и не в первую очередь высота тона, а совокупность тесно взаимосвязанных фонетических явлений, в сумме дающих фонологический контраст. Регистровый язык определяется как «язык, располагающий словоразличительным (lexically contrastive) регистровым комплексом (сочетанием тембра гласного, высоты тона, типа фонации и т. д.)», в то время как в тональных языках для словоразличения существенна прежде всего высота голосового тона [Theraphan 1991 : 144] [5].

Среди ученых существуют значительные разногласия по вопросу о том, которая из характеристик монского регистра основная — напряжённость, высота тона или тип фонации.

Ли считает, что именно высота тона, а не тип фонации, с фонетической точки зрения — наиболее надежное различие между регистрами [Lee 1983]. Ж. Диффлот полагает, что этот вывод был сделан на основании неадекватного метода фонетического анализа

---

[5] С таким определением регистровых и тональных языков в принципе можно согласиться, однако надо иметь в виду, что в некоторых языках тон широко используется не только для лексико-семантической, но и для грамматической дифференциации слов.

[Diffloth 1985]. Тхерапхан Тхонгкум пришла к заключению, что «существенными различиями между гласными первого (напряжённого) и второго (ненапряжённого) регистров являются: 1) спектры интенсивности, 2) основная частота и 3) длительность гласного (только в закрытых слогах) [гласные R2 имеют бóльшую долготу]. Таким образом, долгота гласных в закрытых слогах и тип фонации так же существенны, как и разница в высоте тона» [Theraphan 1987]; цит. по: [Zandt D. — электронная версия].

Существует и такая точка зрения (А. Ю. Ефимов), что высота регистра — одна из «дополнительных фонетических характеристик» определённых типов фонации [ЛЭС, с. 308].

Споры о том, чтó наиболее существенно для регистра, продолжаются, поэтому, как и сорок лет назад, можно считать, что «последнее слово о регистрах в монском языке еще не сказано» [Pinnow 1963 : 676]. На данный момент наиболее конструктивен подход к регистру как к комплексному явлению. Это «общее обозначение (cover term) не только гортанной артикуляции, но и всей совокупности процессов, происходящих в голосовом тракте», в связи с чем «регистровые явления описываются в терминах многомерных характеристик или в виде набора фонетических параметров» [Theraphan 1989 : 2]. Такой подход наиболее оправдан еще и потому, что набор характеристик, входящих в регистровый комплекс, степень их выраженности и соотношение отличаются от языка к языку.

Некоторые мон-кхмерские языки или их диалекты перешли или находятся в процессе перехода от оппозиции регистров к оппозиции тонов. Любопытно, как описывается этот процесс для диалектов языка чонг: «Некоторые диалекты <...> уже стали тональными: пресиллабы пали; типы фонации не так ярко выражены, а в некоторых случаях исчезают вовсе; различия в высоте голосового тона слышатся отчетливо, в особенности в медленной речи» [Theraphan 1991 : 141].

По-видимому, существенное отличие регистровых и тональных языков — это разница в коэффициенте модуляции (перепада тонов) в речевой цепи: для настоящих тональных языков характерен высокий коэффициент модуляции[6]. Для сравнения приведем

---

[6] Под коэффициентом модуляции мы понимаем отношение количества пере-

данные по нескольким тональным языкам, полученные нами на основе анализа произвольных выборок из реальных текстов объёмом в 100 слогов: вьетнамский (89%), китайский (85%), чжуан (81%), лы (80%), кхму (74%), сэк (72%), бирманский (70%), йоруба (62%), эве (61%).

Данные по мон-кхмерским языкам, где учитывался перепад регистра[7], отличаются от вышеприведённых довольно существенно: для обоих языков — монского и кхмерского — коэффициент модуляции составил 41%. В среднем такой коэффициент примерно на 20% ниже, чем перепад тонов в африканских языках йоруба и эве или перепад ударных и безударных слогов в английском. Даже по сравнению с ними мон-кхмерские языки выглядят довольно монотонными: слоги в R1 более многочисленны и обычно встречаются значительно чаще, чем слоги в R2.

Безусловно, выборки объёмом в 100 слогов можно считать недостаточно репрезентативными и поэтому цифры могут отклоняться от приводимых здесь в ту или иную сторону, однако, по-видимому, они все-таки дают некоторое представление о различии мелодической картины речи в тональных и регистровых языках.

Однако *наиболее существенным различием между тональными и регистровыми языками следует признать наличие в последних особых для каждого регистра вокалических систем* (и, следовательно, особых систем финалей и слогов).

Действительно, в тональных языках также «не каждый слог имеет полную «тональную парадигму»», поскольку «существуют собственно фонологические ограничения на сочетаемость слога данного типа с тем или иным тоном», как, например, в тайских языках [Касевич, Шабельникова, Рыбин 1990 : 9]. Во вьетнамском далеко не каждая финаль — и соответственно слог — возможны в любом тоне, однако любой гласный, включая ă и â, представленные только в закрытых слогах, — возможен. В бирманском ограничения на употребление гласных в том или ином тоне также связаны главным образом со структурой финали, а не с тембром глас-

---

падов тонов (регистров) к общему количеству слогов в речевом тексте данного объема.

[7] В кхмерском тексте вместо регистра принималась во внимание серийная принадлежность начальных согласных, а в монском безударный слог учитывался как произносящийся в том же регистре, что и последующий.

ного. В китайском лишь 43% линейных слогов могут реализовываться во всех четырех тонах [Задоенко, Хуан 1978 : 134]. Тем не менее любая финаль и соответственно любой гласный представлен здесь в каждом из тонов.

В мон-кхмерских языках ситуация, как правило, в корне иная, хотя в каждом из них имеется и собственная специфика: «мон-кхмерские языки (кроме языков группы вьет-мыонг), не имея тонов, располагают широчайшим выбором регистровых характеристик» [Ferlus 1979 : 69] и особым набором гласных для систем каждого регистра.

В кхмерском собственно регистровое (просодическое) различие не стало фонологически релевантным. За возникновением оппозиции регистров здесь последовала дивергенция гласных, рассматриваемая как результат «преодоления тональности» [Горгониев 1967]. Гласные двух серий существенно отличаются по тембру (звуковой окраске). Таким образом, дивергенция гласных в кхмерском, за исключением некоторых диалектов, привела к перенесению «центра тяжести» оппозиции из суперсегментной плоскости в сегментную и в конечном счете — к дефонологизации регистров как таковых.

В монском дивергенция гласных происходила не только между регистровыми системами, но и достаточно автономно внутри каждой регистровой системы, поскольку комбинаторика звуков в разных регистрах оказалась различной.

Например, централь /a/ в R1 возможна перед любыми терминалями, в R2 же её дистрибуция ограничивается велярными и дентальными терминалями. Аналогичным образом централь /з/ в R2 не имеет дистрибутивных ограничений, в то время как в R1 она встречается исключительно перед велярными. Жесткая зависимость дистрибуции гласных от правого окружения как раз и привела к их дивергенции, причем, как видно, процессы дивергенции гласных внутри регистровых систем не были последовательными и параллельными.

Отсутствие параллелизма в количественном и качественном составе слогов (прежде всего, в наборе гласных и начальных согласных), как и отсутствие однозначной корреляции между слогами, финалями и гласными двух регистров, позволяют рассматривать слоги R1 и R2 как две автономные системы. В связи с этим

здесь можно говорить и о двух системах фонологических единиц любого уровня анализа.

В отличие от многих тональных языков (например, вьетнамского, тайских) в мон-кхмерских языках для регистра не существенны ни структура слога (открытость или закрытость), ни качество терминали (носовой или шумный смычный), при этом каждый регистр, как было сказано, располагает собственным набором гласных.

Таким образом, имеются достаточно веские основания сохранить понятие регистра — однако не в значении высотного уровня голосового тона, как в тональных языках, а для обозначения комплекса сегментных и супрасегментных явлений, а также и для обозначения автономных фонологических систем — R1 и R2 — в мон-кхмерских языках.

2.3. СИСТЕМА ИНИЦИАЛЕЙ (КОНСОНАНТИЗМ I)

2.3.1. Простые инициали

В системе R1 представлены все 18 простых инициалей; в системе R2 — 15, т. е. все, кроме ʔ, ɗ и ʃ. Согласные монского языка образуют 5 локальных (по месту образования) и 5 модальных (по способу образования) классов (табл. 12).

Таблица 12. **Система простых инициалей**

Согласные		Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	«Глоттальные»
Шумные смычные	Глухие	p	t	c	k	ʔ
	Звонкие	b [ɓ]	d [ɗ]	–	–	–
Спиранты	Глухие	–	s	ʃ [ç]	–	h
Сонанты	Носовые	m	n	ɲ	ŋ	–
	Неносовые	w	l r	j	–	–

Таблица 12 требует следующих пояснений:

1. Все дентальные точнее характеризуются как дентально-альвеолярные [Zandt D. — электронная версия] или супрадентальные, «почти как в английском» [Blagden 1910 : 479]. Супрадентальность (альвеолярность) в нашем случае избыточна для фоноло-

гической характеристики этого класса согласных, поскольку не образует оппозиции с какими-либо другими разновидностями переднеязычных.

2. Все палатальные точнее характеризуются как альвеопалатальные. Спирант ʃ встречается только в заимствованиях из бирманского и английского языков.

3. Фонетически глоттализованные [ɓ] и [ɗ] в монском не противопоставлены соответствующим неглоттализованным, поэтому мы считаем возможным интерпретировать их как b и d соответственно.

4. «Глоттальный» спирант h перед носовыми сонантами реализуется как фарингальный [ħ].

5. По наблюдениям Х. Л. Шорто p, t, c, k и s в системе R2 полузвонкие (partly voiced) в анлауте и звонкие (fully voiced) в середине [полуторасложного] слова [Shorto 1962 : XI].

6. Сонант r реализуется как «лингвальный раскатистый (roll), за исключением интервокальной позиции, где он может быть одноударным (flapped)» [Ibid.]; по другим сведениям это «дентально-альвеолярный серединный одноударный (flap)» [Zandt D. — электронная версия].

По количеству образуемых слогов эти классы инициалей располагаются в следующем порядке. В R1 на первом месте находятся смычные глухие (47,9%), далее следуют фрикативные (17,9%), смычные звонкие (15,8%), носовые сонанты (12,1%), неносовые сонанты (6,4%). В R2 также первенствуют смычные глухие (36,3%), за ними с небольшим отрывом идут неносовые сонанты (33,8%), далее — носовые сонанты (22,9%), фрикативные (5,8%) и совсем незначительный процент смычных звонких (1,2%). Таким образом, между слогами R1 и R2 имеется существенное качественное различие: значительное преобладание сонантных (носовых и неносовых) инициалей в R2.

По локальной классификации в R1 резко преобладают дентальные инициали (39,8%), далее идут лабиальные (19,6%), «глоттальные» (14,8%), палатальные (14,4%) и велярные (11,4%). В R2 также первенствуют дентальные (41,1%), лабиальные (25,8%), палатальные (19,0%), но далее следуют велярные (12,9%), с незначительным количеством «глоттальных» (1,2%).

Однако внутри указанных модальных и локальных классов согласные распределены по частотности весьма неравномерно. Так, в R1 на первые 8 наиболее употребительных согласных (c, s, k, d, t, p, ʔ, h) приходится 75% всех слогов, в то время как инициали ɲ, ŋ, r, ʃ, w в общей сложности не набирают и 5%. В R2 наиболее употребительные инициали l, t, c, p, k, m, r, n, j образуют более 80% слогов с простой инициалью, а в числе наименее употребительных оказываются s, ŋ, ɲ, b, h, две из которых — s и h — были одними из высокочастотных в R1.

Последовательности kh, ch, th, ph (Х. Л. Шорто: aspirated plosives) и hn, hɲ, hm, hl, hw (Х. Л. Шорто: breathed continuants) до специального рассмотрения мы будем считать сочетаниями двух элементов (подробнее см. 2.3.2.1).

Особого рассмотрения заслуживает фонологический статус начальнослоговой гортанной смычки (ГС).

ГС — один из наиболее обычных согласных в СЯ. В современном монском языке она может употребляться в качестве инициали и терминали (см. раздел 2.4.2), в кхмерском — в качестве простой инициали, элемента кластерной инициали и аллофона терминали /k/. Между тем вопрос о фонологическом статусе ГС в начальнослоговой позиции — один из самых спорных для фонологий СЯ, включая, разумеется, и монскую.

Этот вопрос имеет принципиально важный характер, поскольку от того или иного его решения зависит набор структурных типов слогов, выделяемых в языке, что, в свою очередь, весьма существенно для СЯ с точки зрения фонологической типологии.

Однако прежде чем перейти к собственно фонологическому аспекту вопроса, следует сказать несколько слов о графеме <'(a)> / <a>, её транслитерации и транскрипции. Обычно считается, что основная функция этой графемы состоит лишь в том, чтобы служить опорой несамостоятельных знаков гласных (vowel support, der Vokalträger, *fulcrum* aux voyelles initiales), «если в составе слога нет согласного» [Горгониев 1984 : 910] и что она «в связи с этим не имеет значения с точки зрения произношения или этимологии» [EB 1.1 : 10].

Действительно, в собственно индийских системах письма графема <a> — это символ *гласного* [a] и используется только в начале слова для обозначения этого и других гласных (с использова-

нием несамостоятельных знаков). Там она никогда не обозначала согласного, поскольку ГС не представлена в фонологических системах индоарийских (как, впрочем, и дравидийских) языков.

В современных СЯ ЮВА, пользующихся письмом индийского происхождения, эта графема, по-видимому, должна быть реинтерпретирована как символ ГС — <'> (в отдельных языках, где ГС способна занимать не только инициальную позицию, для её обозначения используется именно этот знак)[8]. Поэтому Х. Л. Шорто прав, транслитерируя и графему <'(a)>, и её производные с подстрочными и надстрочными знаками гласных, и самостоятельные знаки гласных как <' + гласный> [Shorto 1971].

Что касается *транскрипции* ГС в СЯ, то здесь не всё так просто. В середине или в конце слов она, как правило, так или иначе отражается. Обычно для исследователей и лексикографов делимитативная роль ГС *внутри* сложных слов и словосочетаний также не остаётся незамеченной. Однако, если *те же* непервые слогоморфемы с «гласным началом» в других сочетаниях помещены на первом месте или представляют собой заглавное слово словарной статьи, в транскрипции ГС не отмечается (ср. [phe:əp ˀu: ˀɒ:] 'оживление', но [u:] и [ɒ:] в «Кхмерско-немецком словаре»)[9]. Примечательно, что даже ученые, безоговорочно признающие ГС как полноценную инициаль, в транскрипции нередко «для простоты» опускают ее.

Опущение «для простоты» символа ˀ или его аналога[10] в начале слов, если таковое имеет место, в работах западных ученых, как правило, специально оговаривается (ср.: «ˀ пишется только в конце слова, таким образом, aˀ, həaˀ передают фонетические [ˀɐˀ], [həˀɐˀ]» [Shorto 1962 : XI]). Итак, изображение ОС типа *мон.* ɛŋ <'aṅ> 'пруд', on <'on> 'мало', ui <s'uy> 'гнилой' как непри-

[8] О других способах обозначения ГС в монском языке см. в разделе 0.4.1.

[9] Заметим, что в таблице согласных Р. Гаудес транскрибирует знак <'(a)> как [ˀɒ:] [Gaudes 1985 : 1314].

[10] В западной мон-кхмеристике для обозначения начальнослоговой ГС в практической транскрипции часто используют знак [q]. Этот же способ применяют некоторые зарубежные бирманисты, в том числе и в заимствованных словах, где употребление ГС не имеет никакого этимологического обоснования и потому, казалось бы, не обязательно: *qein-di.ya.pyei* 'Индия' [Cornyn, Roop 1968].

крытых слогов — не более чем техническая условность в обозначении слов ʔɛŋ, ʔon, ʔui.

Как и в случае с «Кхмерско-немецким словарем», такая экономия не только едва ли оправдывается (в монском языке слов на [ʔ] не так уж много), но иногда может и ввести в заблуждение, так как обозначения некоторых звуковых последовательностей (əi, əai, əu и т. п.) не сразу воспринимаются, как обозначения *аллосиллабических* гласных в составе ПС (недаром Смолли назвал пропуск [ʔ] «ложной экономией» — false economy [Smalley 1964 : 299]).

И в самом деле, непоследовательность в отображении ГС как элемента слога едва ли оправдывается соображениями экономии: положительные результаты такой экономии, если о них вообще можно говорить, сводятся на нет вследствие неадекватного отражения структуры слога, а для СЯ это фактор гораздо более существенный, чем технические преимущества отказа от обозначения ГС в начале слога.

Функция ГС в различных языках, а нередко — разными учеными в одном и том же языке оценивается по-разному. Первое — вполне естественно, второе же заставляет предположить, что не все подходы к этому вопросу адекватны.

По наблюдениям одного из исследователей в области фонологической типологии, гортанный смычный «является одной из самых слабо включённых фонем (там, где он присутствует на фонемном уровне). Сегментная сила его мала, что выражается как в <...> дистрибутивных ограничениях, так и в частой элиминации из системы фонем[11]. Маргинальность ʔ проявляется в том, что он находится на грани между сегментными и суперсегментными единицами, а во многих языках выступает и в качестве служебной фонемы» [Чирикба 1991 : 65]. Одной из основных служебных функций ГС считается «прикрытие гласного анлаута», «зашумление гласного начала» для устранения «зияния» в языках, которые его не терпят [там же : 63]. Таков подход к ГС с точки зрения *общей лингвистики.*

Фонологическую релевантность ГС в начальнослоговой позиции *слоговых языков* в отечественном и западном языкознании обычно оценивают совершенно противоположным образом.

---

[11] Тем не менее, например, в тайских языках ГС в анлауте «относится к числу наименее подверженных изменениям звуков» [Гохман 1992 : 95].

Для большинства современных европейских и американских исследователей СЯ континентальной части ЮВА вопроса о наличии ГС в инициальной позиции при отсутствии какого-либо иного согласного, по-видимому, не существует (ср. [Haas 1955; Anthony 1968; Comyn, Roop 1968; Heimbach 1969; Roop 1972; Thompson 1985; Delouche 1988] и др.). Они, как правило, считают само собой разумеющимся, что в СЯ слог никогда не начинается непосредственно с гласного. В случае отсутствия какой-либо другой инициали её место всегда занимает ГС, признаваемая реальной (сегментной), а не «нулевой» инициалью. В частности, отмечается, что монкхмерские языки «лишены слогов, начинающихся с гласного: там *всегда* имеется начальная /ʔ/, что *обычно для языков Юго-Восточной Азии* (курсив мой.— *Ю.К.*)» [Rischel 1989 : 99].

Напротив, в отечественной литературе, в которой рассматриваются фонологии СЯ, чрезвычайно распространена обратная точка зрения. Даже в тех редких случаях, когда все же отмечается наличие ГС перед «гласным началом» слога, её считают либо факультативным, либо сугубо фонетическим, фонологически иррелевантным элементом, подобным твердому приступу в немецком языке. Ср. [Мхитарян 1959 : 29; Морев, Плам, Фомичёва 1961 : 15].

В. Б. Касевич, отрицая статус ГС как инициали в бирманском языке (и, очевидно, в других СЯ) [Касевич 1968 и др.], скорее, склонен выбирать из следующих альтернатив: «является ли гортанная смычка признаком согласного (гласного), слога или слова в целом <...> В зависимости от ответа на этот вопрос гортанная смычка будет отнесена либо к сфере различительных признаков согласных (гласных), либо к сфере просодики соответственно» [Касевич 1983 : 163]. Таким образом, роль ГС как структурного элемента слога даже не рассматривается.

Однако ученые, которые допускают, что в СЯ слог может начинаться непосредственно с гласного, тем самым признают наличие в СЯ слогов типа V и VC наряду с типичными (и, на наш взгляд, единственно возможными) для них CV и CVC[12].

---

[12] Количество согласных в анлауте в этом случае не имеет принципиального значения: здесь важно подчеркнуть, что слог не начинается непосредственно с гласного.

В нашей работе [Krylov 1998] мы попытались показать, что *отсутствие неприкрытых слогов*, т. е. слогов с «нулевой» инициалью — одна из типологически важнейших характеристик СЯ. На месте «нулевой» инициали в этих языках фактически всегда присутствует ГС.

Можно возразить, что, если «появление» ГС в начале слога «с вокалическим началом» позиционно обусловлено, то её можно считать аналогом твердого приступа. Твердый приступ — это «особый вид начальной фазы артикуляции гласного звука» — особое средство, указывающее на «отсутствие у данной морфемы консонантного анлаута» [Раевский 1997 : 38–39]. Однако, «если <...> какой-то звуковой элемент всегда встречается перед каким-то другим элементом или после какого-то другого элемента, то он, естественно, может рассматриваться как признак этого другого элемента» [Либерман 1971 : 64] или, добавим, как характеристика данной позиции (ср. «признак, присущий гласным в определённой позиции» [Морев 1978 : 19]).

В чем погрешность такого утверждения применительно к СЯ? Почему нельзя экстраполировать утверждение, в принципе верное, например, для немецкого, на СЯ?

Во-первых, из вышеприведённого утверждения следовало бы, что ГС возможна только в контексте {#__V}, но это не так: во многих СЯ она может занимать и другие позиции: CˀV, CVˀ, где она репрезентирует согласный /ˀ/ или же позиционный аллофон другого согласного[13].

Во-вторых, из этого утверждения следует, что межслоговая пауза («полный перерыв») [Кузьменко 1991 : 67] равносильна отсутствию инициали и присутствию ГС, но это тоже не так. По наблюдению некоторых ученых как раз *после* паузы ГС употребляется факультативно [Еловков 2006 : 31].

Таким образом, ГС в анлауте не равносильна паузе и не представляет собой характеристику стыка. В СЯ — это структурный элемент слога.

---

[13] Значительно реже ГС в ауслауте — просодический признак, характеризующий, например, краткий гласный в фонологически открытом слоге (в тайских языках) или тон (в бирманском).

Имеется также точка зрения, что «факультативно употребляемая» ГС — аллофон «нулевой инициали» или «функционального нуля» [Касевич 1968; 1970]; ср. также [Нгуен 1974; Ли 1975; Динь 1984; Соколовский 1992]. Это традиция, восходящая, вероятно, к Дун Шаовэню [Софронов 1955]. Ср.: «Отсутствие одной из <...> теоретически обязательных частей структуры [инициали либо финали.- *Ю.К.*] воспринимается как нулевой элемент. Реальность китайского нулевого согласного проявляется, в частности, в том, что в некоторых диалектах он перешел в ненулевой» [Яхонтов 1991 : 103].

Заметим, что в китаистической литературе аллофонами «нуля» называют не только ГС, но и ряд других звуков (напр., [m], [n], [ŋ], [ɣ], [j], [w]), возникающих при так называемом гласном начале [Софронов 1955; Dow 1972]: *кит.* hen ai ‘очень любить’→ hen nai; faŋ an ‘проект’ → faŋ ŋan.

Как нам кажется, реалистичнее полагать, что эти неэтимологические n, ŋ и т. д. представляет собой результат прогрессивной ассимиляции ГС под влиянием терминали предыдущего слога. Если бы на месте ГС действительно находился ноль звука, то ассимиляция, очевидно, была бы невозможна: для этого *необходимо, чтобы ассимилируемый элемент был материален.*

Прежде чем обратиться к монскому материалу, есть смысл рассмотреть подробнее статус ГС в *кхмерском* языке, который лучше описан, чем монский, и в котором особенности функционирования ГС проявляются несколько ярче. В собственно кхмерских словах ГС встречается практически во всех допустимых для согласного позициях: 1) в начале слога; 2) как «второй согласный консонантной группы»; 3) как позиционный аллофон терминали /k/ [Горгониев 1966 : 31–32, 35]. Отмечаются даже кластеры, в которых ГС находится на первом месте: ˀvɤj ‘что’ (в транскрипции Ф. Хаффмана — /qwəy/).

В фонологичности ГС как второго элемента кластерной инициали, вроде бы, никто не сомневается. Возможность инфиксации (в ОС типа CCV(C) инфикс {am̊} вставляется между первым и вторым элементами начальнослоговых кластеров, независимо от их качественного состава, при этом второй согласный становится инициалью основного слога: ср. sˀa:t <s’āt> ‘чистый’ → s-ɒm-ˀa:t <s{am̊}’āt> ‘чистить’ и sra:t <srāt> ‘голый’ → s-ɒm-ra:t

<s{aṁ}rāt> 'раздевать') доказывает, что ГС в кхмерском языке полноценный согласный. Вместе с тем Ю.А. Горгониев считает, что в качестве начального элемента слога ГС «не имеет фонологической значимости». В сильном (основном) слоге, по его мнению, может отсутствовать начальнослоговой согласный [Горгониев 1966 : 31, 34].

Д. И. Еловков, рассматривая структуры слога в языках ЮВА, в том числе в кхмерском, отмечает наличие в них слогов типа V, VC, косвенным образом отрицая фонологичность ГС. Однако, по его же словам, «в образованиях, состоящих из полного и неполного слогов любой структуры, *полный слог обязательно имеет начальный согласный* (курсив мой.— *Ю.К.*)». Этим самым признаётся наличие ГС в словах типа rɔ-ˀaət rɔ-ˀaəm <{ra}'œt {ra}'œm> 'вытянув шею', bɒŋ-ˀak <{baṅ}'āk'> 'мешать', bɒŋ-ˀɒh <{baṅ}'as'> 'завершать'. Но если мы признаём наличие инициали в основных слогах перечисленных ПС, то, очевидно, должны будем признать её наличие и в соответствующих исходных ОС: ˀaət <'œt> 'смотреть высунувшись', ˀak <'āk'> 'испытывать затруднения', ˀɒh <'as'> 'всё'.

Д. И. Еловков рассматривает ГС в инициали основного слога ПС как эпентетический («дополнительный») согласный, необходимый «для сохранения силлабации» [Еловков 1977 : 32,34].

Напротив, Ф. Хаффман, который минимальным кхмерским слогом считает не V, а CV, включает ГС (/q/) в число начальных согласных [Huffman 1967 : 17]. Эта точка зрения не аргументируется, поскольку в зарубежной лингвистике практически общепринята.

В анлауте ГС действительно выполняет делимитативную функцию, прикрывая гласный основного слога слева и, таким образом, наряду с прочими факторами, препятствуя ресиллабации[14]. Однако в СЯ это функция *любого* начального согласного.

---

[14] Фактически речь здесь может идти не только о двух- или полуторасложных словах, где случаи «зияния» не так уж часты. Аналогичная ситуация имеет место всякий раз, когда в потоке речи происходит стечение слогов (=ОС) структуры CVC -*V(C) или CV-CV(C). Однако, например, *кхм.* ɓa:n ˀa:n <ɓān 'ān> 'прочитал' никогда не превращается в *банан*, какова бы ни была скорость речи (межслоговое взаимодействие отсутствует — отчасти и потому, что звуковая последовательность nˀ в пределах кхмерского слога невозможна).

Именно на кхмерском материале легко показать, что ГС — это не только объективный разграничитель слогов. Если допустить, что кхмерские ОС ˀa:c <'āc> 'мочь', ˀaoj <'oy> 'давать', ˀuət <'wt> 'хвастать' и т. п. не имеют инициалей, то тогда в них по определению невозможна была бы инфиксация (в производных словах, образованных от ОС с простой инициалью, инфикс занимает позицию между инициалью и финалью исходного слова). Таким образом, само существование производных слов типа ˀ-ɒmn-a:c <'{aṁṇ}āc> 'власть', ˀ-ɒmn-aoj <'{aṁṇ}oy> 'подарок', ˀ-ɒmn-uət <'{aṁṇ}wt> 'хвастовство' свидетельствует о наличии у них *ненулевой* инициали[15].

Попытаемся доказать фонологичность ГС в анлауте монских слов. Применительно к монскому, как, очевидно, и к другим мон-кхмерским языкам, утверждение о слабой сегментной силе и дистрибутивной ограниченности ГС было бы по крайней мере сильным преувеличением. В монском мы обнаруживаем ГС практически во всех допустимых для согласного позициях: ˀoa <'ay> 'я', ˀuh <'oh> 'дрова', ˀaˀ <'a> 'глухой', hɔeˀ <sṅi> 'дом', taoˀ <tu> 'улитка' (ср. tao <tū> 'гореть', taoh <tuh> 'тереть'), hə-ˀah <ja'aḥ> 'чистить', hə-ˀaˀ <kha'a> 'оглушать', hə-jaˀ <khayya> 'угадывать', pə-reˀ <pare'> 'плохой' (ср. pə-re <pare> 'гладкий', pə-ret <kamret> 'скрип').

Существенное дистрибутивное ограничение для ГС — это невозможность быть инициалью в слогах R2 (для кхмерского оно также постулируется [Горгониев 1966 : 31], но не подтверждается фактами языка). Тем не менее для монского именно это ограничение оказывается весьма важным свидетельством в пользу ГС как инициали.

Известно, что регистр слога в монском языке определен этимологической глухостью (R1) или звонкостью (R2) его инициали.

---

[15] В строгом смысле слова инфикс в этих примерах — -ɒm- {aṁ}, а n — эпентеза, заменяющая собой инициаль исходного слова (в нашем случае — ГС), которая, в свою очередь, становится инициалью пресиллаба. Гласный инфиксов {aṁ} и {aN} определяется серией начального (и отчасти — местом образования конечного) согласного корня. Конечный носовой инфикса может быть подвержен регрессивной ассимиляции по месту образования со стороны последующего согласного.

ГС, в отличие от других глухих смычных, не располагает этимологически звонким коррелятом (такого коррелята не существует и теоретически). Именно поэтому в R2 не существует *ни одного* слога с ГС, как и *ни одного* слога, о котором можно было бы сказать, что он начинается непосредственно с гласного. ГС проявляет, таким образом, черты доминанты, однозначно определяющей регистр и выбор централи из арсенала гласных R1. Здесь мы видим недвусмысленную аналогию с положением в тайских языках, где, подобно всем прочим инициалям, ГС влияет на выбор тона, в котором произносится слог[16].

«Нулевая», отсутствующая инициаль не могла бы определять регистр (или влиять на тон) слога. Но ни один полногласный слог в монском языке не находится вне влияния регистра, следовательно, в монском ни один такой слог не начинается непосредственно с гласного.

В современном монском мы не находим ГС в составе кластерных инициалей, хотя в древнемонском языке кластеры с ГС на *втором* месте существовали, о чем свидетельствуют данные эпиграфики и орфографии. В качестве второго элемента кластерных инициалей ГС сохранилась в написании примерно десятка слов с первыми элементами <p>, <c> и <s>, которые в этих словах не произносятся, уступая функцию инициали гортанной смычке: ʔɯ̤i <s'uy> 'гнилой' (ср. *кхм.* sʔoj <s'uy> с тем же значением), h̤əʔet <s'et> 'скупой' и т. п.

Как мы видели из раздела 1.2.2, для эволюции начальнослоговых кластеров была характерна тенденция к упрощению, *в особенности если второй элемент — смычный.* Упрощение это происходило двумя путями. В первом случае кластеры упростились за счёт падения первого элемента (сохранилась только ГС): ДМ cʔah <c'aḥ> → РМ ʔah <c'aḥ> 'чистый'; ДМ pʔɔp <p'ap> → РМ ʔɔp <p'ap> 'передавать' и т. п. Поскольку в монском, как будто, неизвестны случаи падения кластеров целиком, эволюцию кластеров типа «C + ʔ» вполне естественно рассматривать как упрощение до ГС.

[16] Принадлежность ГС к *среднему классу* согласных вынуждает слоги типов ʔV и ʔVC в тайских языках подчиняться тем же правилам тонообразования, что и слоги с прочими инициалями *этого же класса*, а не «модулироваться как слоги с *любой другой согласной* в этой позиции (курсив мой — *Ю.К.*)» [Морев 1978 : 19]

При другом варианте эволюции между элементами кластера возникает эпентеза ə, как правило, с нейтрализацией первого и сохранением второго согласного: ДМ cˀaiŋ <c'ăñ> → РМ həˀaiŋ <s'ăñ> 'другой'; ДМ kˀɔc <k'ac> → РМ həˀɔt <kha'at> 'рычать' и т. п. В обоих случаях механизмы трансформации кластеров с ГС совершенно аналогичны механизмам упрощения кластеров с другими смычными. Ср.: ДМ sˀør <s'ir> 'плохой, злой' → РМ ˀɜ <'uiv ~ s'uiv> 'грубый, дикий'; ДМ skek <skek> → РМ keak <(sa)kek> 'острый'; ДМ pˀɔŋ <p'åñ> → РМ həˀɔŋ <p'åñ> 'сдерживать (дыхание)'; ДМ pdɔw <pdov> → РМ hətɛa <bdau> 'угонять'.

Что касается отсутствия ГС в числе согласных, образующих *первые* элементы кластеров, чем она существенно отличается от других глухих смычных, то следует отметить, что в действительности комбинаторные возможности смычных p, t, c и k в современном языке также весьма различны. Все они сочетаются с h, но этим их сходство и исчерпывается. Согласные t и c в современном языке не способны сочетаться ни с каким другим согласным, комбинаторика p и k, как будет видно из дальнейшего изложения, хотя и несколько более свободна, но также неодинакова[17].

Следует отметить также, что ПС с инициалью /ˀ/ в основном слоге, подобно всем прочим ПС, находятся в сфере действия закона диссимиляции, что означает запрет на сочетаемость пресиллаба ˀə- с ГС в основном слоге (см. подробнее в разделе 3.4.2.1).

Итак, делимитативная функция ГС как в кхмерском, так и в монском языке явно второстепенна. ГС здесь — прежде всего инициаль ОС и основных слогов в составе ПС. Таким образом, статус ГС как элемента фонологической системы монского языка не подлежит сомнению.

Следует особо подчеркнуть, что ситуация в монском и кхмерском отнюдь не уникальна: аналогичным образом обстоит дело и в других мон-кхмерских языках. Общая особенность мон-кхмерских языков, отмечаемая большинством европейских и американских исследователей, — набор слоговых типов CV, CVC, CCV и CCVC.

---

[17] Напомним, что в кхмерском кластеры с ГС на первом месте не исключаются: ˀvɤy ~ ˀɤy (в транскрипции Дж. Джейкоб; ср. у Ф. Хаффмана qwəy, у Ю. А. Горгониева avɛy) 'что'.

Слог мон-кхмерских языков состоит из 3 основных элементов — инициали, централи и терминали, из которых «по крайней мере первый и второй *обязательны*» [Rischel 1989 : 83; курсив мой.- *Ю.К.*]. Таким образом, в качестве формулы минимальной структуры слога в этих языках признаётся CV. *Отмечаемое большинством авторов отсутствие слогов типа V и VC свидетельствует о признании ими ГС как полноправной инициали* (см., например, [Thomas 1971; Smith 1979; Svantesson 1983; Egerod, Rischel 1987; Язык ксингмул 1990]).

Итак, в мон-кхмерских языках начальнослоговая ГС *структурный элемент слога* и, обладая статусом инициали, полноправно входит в фонологические системы этих языков. Эта особенность важна с точки зрения типологии СЯ.

Стоит сказать о роли ГС в повторах и стихотворных рифмах.

В большинстве языков Индокитая имеется довольно много инициальных повторов, в которых оба слога представляют собой, якобы, финали в чистом виде. Однако, если под инициальным повтором понимать повтор, в редупликаторе которого «повторяется инициаль корневой морфемы» [Панфилов 1993 : 48], то можно ли считать повторами образования из двух слогов с «нулевыми» (= отсутствующими) инициалями (напр., *вьет.* ì ach ‘с трудом’, *кхм.* *aət *aəm <’œt ’œm> ‘озираться’)?

Вместе с тем, если в финальных (рифмующихся) повторах происходит чередование инициалей при сохранении финали, то правомерно ли считать повторами образования, в одном из слогов которых инициаль отсутствует (чередование с «нулём», напр., *вьет.* áy náy ‘беспокоиться’, *кхм.* *aəp laəp <’œp lœp>’тащиться в хвосте’, *мон.* *ɔp tòp <’ap dap> ‘подходящий’)?

Очевидный выход из этой ситуации в том, чтобы признать ГС структурным элементом слога, а CV — минимальной структурой слога. Тогда можно утверждать, что в слогах типа CV(C) ГС противопоставлена всем остальным инициалям (то же можно сказать обо всех других согласных этого языка). В слогах типа CCV(C) ГС на второй позиции противопоставлена всем другим согласным этого позиционного класса.

Таким образом, о ГС нельзя сказать, что, подобно немецкому твердому приступу, она «не выполняет дистинктивной функции» и потому нефонологична [Берков 1996 : 39].

2.3.2. Кластерные инициали

Большинство согласных современного монского языка — все, кроме ˀ, b, d, ŋ, s и ʃ, — могут входить в состав кластеров, однако в слоге каждого структурного типа они могут занимать лишь вполне определённые позиции. Для того чтобы определить классы дистрибуции согласных, следует предварительно дать необходимую качественную спецификацию их фонологического окружения. Основание для классификации — сочетаемость согласных с h и неносовыми сонантами R. В результате получим следующие 7 дистрибуционных классов согласных (табл. 13).

Таблица 13. **Классы дистрибуции элементов кластеров**

Классы	Структура	$C_1C_2V(C)$				$C_1C_2C_3V(C)$		
	Позиция	C_1		C_2		C_1	C_2	C_3
	при	C_2=R	C_2=h	C_1=S*	C_1=h	–	–	–
1	t c	–	+	–	–	–	–	–
2	p k	+	+	–	–	+	–	–
3	h	+	–	+	–	–	+	–
4	j r	–	–	+	–	–	–	+
5	w l	–	–	+	+	–	–	+
6	m n ɲ	–	–	–	+	–	–	–
7	ˀ b d ŋ s ʃ	–	–	–	–	–	–	–

Примечание: * S — глухой смычный.

В табл. 13 показано, что качественный состав двухместных инициалей значительно разнообразнее, чем состав трехместных.

В слогах структуры $C_1C_2V(C)$ позицию C_1 могут занимать согласные класса 1 (t, c), если C_2 = h; класса 2 (p, k), если C_2 — сонант или h; класса 3 (h), если C_2 — сонант. Позицию C_2 в слогах этого типа могут, соответственно, занимать согласные класса 3 (h), если C_1 — смычный; класса 4 (j, r), если C_1 — смычный класса 2; класса 5 (w, l), если C_1 — смычный класса 1 или h;. класса 6 (m, n, ɲ), если C_1 = h.

Кластер mj, известный только по заимствованиям, здесь не учтен.

В слогах структуры $C_1C_2C_3V(C)$ позицию C_1 могут занимать только согласные класса 2 (p, k); позицию C_2 может занимать только h; позицию C_3 — только сонанты классов 4 и 5 (w, l, j, r).

При этом как в двухместных, так и в трехместных кластерах дистрибуция смычных и сонантов относительно друг друга не идентична: p сочетается только с j, r и l, в то время как k — с r, l и w. Кроме того, при наличии кластера pl в рассматриваемом диалекте отсутствует кластер phl[18]. Нарушающее симметрию отсутствие в ряду трехместных кластеров инициали phl (наряду с наличием pl, pr, kl, phr, khr и khl) может удивлять. Однако следует отметить, что и phr имеется только в одном примере. Напротив, отсутствие кластеров *khj и *phw, наряду с отсутствием *kj и *pw, имеет систематический, следовательно, закономерный характер. Это объясняется, с одной стороны, запретом на сочетание гоморганных согласных (в нашем случае — p / ph и w), с другой — тем, что древнемонские палатализованные велярные *kj, *gj и *khj превратились соответственно в палатальные c и ch, о чем свидетельствуют данные орфографии: ca <kyā> 'ветер', cɜ̱ŋ <gyuṅ> 'пшеница', choa <khyoy> 'трава'.

В общей сложности в современном языке имеется 21 кластер[19]. По структурным характеристикам их можно разделить на 4 типа: «C + сонант» (pj, pr, pl, kr, kl, kw; mj), «C + h + сонант» (phr, phj, khr, khl, khw), «C + h» (ph, th, ch, kh), «h + C» (hm, hn, hɲ, hl, hw). Различные структурные типы кластеров заслуживают специального рассмотрения, поэтому им отведены разделы 2.3.2.1 — 2.3.2.2.

Имеющиеся в языке кластерные инициали не представлены полностью ни в одном из регистров. В ОС R1 встречаются 19 кластерных инициалей (все, кроме phr[20] и mj); в R2 — только 14 (отсутствуют двухместные инициали hɲ и hl, а также все трехместные — phj, phr, khr, khl и khw).

---

[18] В паккретском диалекте кластер phl встречается: phlaŋ 'вдруг проясниться', phlut 'выйти целиком' [Sakamoto 1974 : 75].

[19] В паккретском диалекте отмечаются также кластеры lw (lwi 'усилие') и cj (cju 'лаять') [Ibid.]. Комбинации шумных смычных с h (ph, th, ch, kh) с точки зрения фонологии здесь рассматриваются как спиранты /ф, θ, ц, χ/, однако в фонетической транскрипции они изображаются как [p', t', c', k'] соответственно. Отмечаемые Сакамото спорадически появляющиеся кластеры [pj], [p'j], [c'j] трактуются им как гиперкорректные варианты нормальных [cj], [c'] и [c'].

[20] Нам известен только один пример с инициалью phr и только в ПС: ʔəphrao <'aphrau> *вид мяты*. Однако он свидетельствует о потенциальной возможности для phr выступать в качестве инициали односложного слова.

Из сказанного следует, что в пределах слога допустимы далеко не любые сочетания согласных. Так, дентальный и палатальный смычные t и c сочетаются только с «глоттальным» спирантом h[21]. Как уже отмечалось, велярный k не сочетается с палатальным j, лабиальный p не сочетается с лабиальным w. Спирант h в качестве первого элемента кластера не сочетается с сонантами j, r, ŋ. Кластер mj — маргинальное явление для монского языка, представленное заимствованиями из бирманского языка: mjàt <myāt>: ~ lè 'жасмин'.

Подавляющее большинство слогов с кластерными инициалями в обоих регистрах представлены только среди ОС. В системе ПС их появление в той или иной степени аномально и обнаруживается главным образом среди заимствованных слов. Двухместные инициали значительно преобладают над трехместными, которые, как было сказано, встречаются исключительно в R1.

Преобладает по числу образуемых слогов тип «C + сонант» (47,6%), за ним следуют типы «C + h» (28,6%), «h + C» (17,4%) и «C + h + сонант» (6,4%).

Среди первых элементов статистически преобладают: в R1 k- (31,9%), p- (20,0%), h- (19,8%), c- (10,8%), t- (8,6%), в R2 — с несколько бóльшим удельным весом — смычные k- и p- (соответственно 46,7 и 33,5%), а также h- (11,5%).

Среди вторых элементов в R1 «лидирует» спирант -h (32,8%), за которым следуют сонанты -l (22,2%), -r (17,8%), -w (9,2%), -j (7,7%), -n (5,5%), -m (4,4%), -ɲ (0,4%). В R2 сонанты -l и -r (соответственно 28 и 26,4%) «обгоняют» спирант -h (18,1%), частотность остальных сопоставима с частотностью в R1. Таким образом, статистически по числу образуемых слогов с кластерными инициа-

---

[21] В современном языке кластеры с дентальными и палатальными центрами, за исключением th и ch, отсутствуют. Об их существовании в прошлом свидетельствует наличие диграфов, фонетическое и соответственно фонологическое значение которых изменилось вследствие действия *закона диссимиляции* (подробнее см. в разделе 3.4.2.1): <tr, dr> → /kr/ (kroa <tray> 'отличный', krò <drav> 'род скрипки'), <tl, dl> → /kl/ (klɔiŋ <tleṅ> 'жир', klòik <dlik> 'мужская набедренная повязка'), <tv, dv> → /kw/ (kwaik <tvāk> 'идти пешком', kwɛ̱a <dvā> 'отверстие'); <cr, jr> → /s/ (sɛŋ <craṅ> 'берег', sɛ̱ˀ <jra> 'вянуть'), <cl, jl> → /kl/ (klɔik <klik> 'свинья', ДМ clik; klɛ̱a <glau> 'бык', ДМ ɟlɔw), <cv, jv> → /hw/ (hwaˀ <cva> 'карри', hwòh <jvah> 'лихорадка').

лями в R1 должна бы первенствовать инициаль kh, однако фактически в системе слогов R1 она едва попадает в пятерку наиболее распространённых, уступая ch, kl, kr и th, в пользу которых перераспределилась частота составляющих компонентов k и ħ (в системе R2 инициаль kħ не входит и в десятку, значительно уступая инициалям kl, kr, pl, kw, pr, ph, ħw и некоторым другим). Напротив, «лидерство» инициали kl в системе R2 статистически закономерно.

То, что монские кластеры всех четырех типов не представляют собой монофонематических образований, становится вполне очевидным при морфонологическом анализе ОС с кластерными инициалями. Обнаруживается, что в ряде случаев либо их первый элемент оказывается префиксом, либо последний — инфиксом: pħi <pħī> ‘пустить по течению’ от ħi <ħī> ‘плыть по течению’ + префикс p-; kwɔt <kvat> ‘отрасль знаний’ от kɔt <kat> ‘изучать’ + инфикс -w-; ħnao <snū> ‘мерная корзина’ от sao <sū> ‘мерить’ + инфикс -n̤-. Кроме того, компоненты кластеров могут отделяться друг от друга вокалическим инфиксом -ə-: prap <prāp> ‘приближаться’ → pərap <parāp> ‘подводить поближе’. Анализ производных слов нередко бывает затруднен комбинаторными изменениями, происходящими при аффиксации: cħao <kħyau> ‘проклинать’ + инфикс -w- → ħwao <s{v}au> ‘проклятие’.

Разумеется, с точки зрения синхронии далеко не все слова с кластерными инициалями разложимы на корни и аффиксы, однако и в этих случаях существующие аналогии дают достаточные основания, чтобы считать кластерные инициали двух- или трехсоставными единицами.

2.3.2.1. Кластеры типа «С + сонант»

Кластеры этого типа — pj, pr, pl, kr, kl, kw — представлены в системах инициалей обоих регистров: pjah <pyāḥ> ‘указывать’, pjù <byū> ‘отдыхать’, praʔ <pra> ‘башня’, prɛ̱a <brau> ‘женщина’, pla <plā> ‘слепень’, plɛ̱a <blau>: pħao ~ ‘жаровня’, kra <trā> ‘печать’; krɛ̱a <grau> ‘издавать звуки’, kla <klā> ‘прошлое’, klɛ̱a <glau> ‘бык’, kwa <kwā> ‘отделяться’, kwɛ̱a <dvā> ‘отверстие’.

Это достаточно широко распространённый тип инициалей, представленный, как правило, во всех мон-кхмерских, многих тайских и некоторых других СЯ. С точки зрения фонологического сегментирования этот тип кластерных инициалей наименее проблематичен, так как, с одной стороны, они состоят из наиболее обычных звуков, способных функционировать и в качестве простых инициалей, так что их фонологическая реальность не подвергается сомнению, с другой — в мон-кхмерских языках вообще и в монском в частности — элементы таких кластеров легко отделяются при вокалической инфиксации: pjah <pyaḥ> ‘сиять’ → pəjah <p{a}yaḥ> ‘яркий свет’; prɛŋ <praṅ> ‘посылать’ → pərɛŋ <p{a}raṅ> ‘посылка’; plɒt <pluit> ‘садиться (о светилах)’ → pəlɒt <p{a}luit> ‘запад’; kren <kren> ‘тонкий’ → kəren <k{a}ren> ‘стачивать’; klɜŋ <kluṅ> ‘приходить’ → kəlɜŋ <t{a}luṅ> ‘принимать (гостей)’; kwɔh <tvah> ‘молиться’ → kəwɔh <t{a}vah> ‘молитва’. В кластерах типа «C + w» полугласный элемент может быть инфиксом: kwɒn <t{v}uin> ‘рост’ ← tɒn <tuin> ‘расти’; ср. также ɦwɜŋ <s{v}uṅ> ‘напиток’ ← sɜŋ <suṅ> ‘пить’. Вместе с тем многие ОС на p + сонант — это префиксальные образования: pjoa <pyay> ‘вредить’ ← jòa <yay> ‘болезнь’; prɒm <pruiṁ> ‘помогать’ ← rɜ̱m <ruiṁ> *(то же)*; plot <plot> ‘опрокидывать’ ← lòt <lot> ‘падать ничком’. Таким образом, вполне очевидно, что кластеры типа «C + сонант» представляют собой двухкомпонентные образования.

Тем не менее следует отдельно сказать о кластерных инициалях, содержащих полугласные элементы. Статус глайдов j и w в структуре слога, их принадлежность инициали или финали — не всегда бывают очевидны. В работах по СЯ этот вопрос часто становится предметом дискуссий (ср. [Касевич 1980; Гордина, Быстров 1984; Янсон 1993] и др.). Критерии определения статуса глайдов обычно индивидуальны для каждого языка.

Мон-кхмерские сонанты j и w в позиции между согласным и гласным естественнее считать элементами кластерных инициалей. Как было показано, инфикс -w- явно неорганичен для финали. В пользу консонантного характера глайдов говорит и наличие аналогичных простых инициалей (считается, что в китайском их нет). Эту же точку зрения подтверждает анализ стихотворных рифм и

повторов. Финаль слога не случайно иногда называют рифмой — она содержит только рифмующиеся элементы. Кхмерские j и v[22] никогда не входят в рифму. Ср.: *кхм.* s/ɒl — d/ɒl — kv/ɒl — pɔŋj/ɒl. При образовании повторов предвокальные глайды (и, естественно, v) также остаются в составе инициали: *мон.* pj/oa-pj/am 'преследовать', kw/aŋ-kw/ui 'чувствовать усталость'; *кхм.* j/ɯ:t-j/a:w 'очень медленный', kv/ɒl-kv/a:j 'прилагать все силы', kv/ah-kv/a:n 'недоставать'.

2.3.2.2. Проблемы аспирации

Если по поводу фонологического статуса сочетаний типа «смычный + сонант» среди мон-кхмеристов нет особых разногласий, то статус кластеров с «глоттальным» спирантом h не всеми оценивается одинаково. Поэтому им мы уделим особое внимание.

В европейских языках аспирация представляет собой явление скорее фонетическое, чем фонологическое. В восточных ситуация может оказаться сложнее, и тогда для фонологического описания недостаточно констатировать наличие аспирации, она должна быть квалифицирована тем или иным образом именно с точки зрения фонологии.

Здесь имеется несколько возможностей, например: а) рассматривать придыхание как элемент кластера — «глоттальный» спирант h; б) расценивать его как дополнительную артикуляцию соответствующего класса согласных; в) интерпретировать аспирацию как просодический элемент.

Таким образом, последовательности типа «C + h» и «h + C» в первом случае будут рассматриваться как сочетания согласных; во втором — как монофонемы, в которых аспирация является различительным признаком (РП); в третьем аспирация — фонологически иррелевантная характеристика (как, например, в английских словах *pill*, *till*, *kill*).

Отметим, что под РП мы подразумеваем лишь фонологически релевантные характеристики. Поэтому следует установить, не находится ли придыхательный согласный в отношении аллофониче-

---

[22] В кхмерском <v> обозначает скорее не билабиальный сонант, а лабиодентальный спирант.

ского варьирования с соответствующим непридыхательным, другими словами — не будет ли аспирация позиционно обусловленной? Если это так, то она должна расцениваться лишь как фонетическая характеристика, нерелевантная с фонологической точки зрения, но не как РП согласного (слово *pill* с неаспирированным *p* все-таки отличается от *bill*, хотя и звучит «не по-английски»).

На первый взгляд, монские инициали типов «C + h» и «h + C» структурно подобны бирманским постаспирированным (ph, th, ch, kh) и преаспирированным (hm, hn, hɲ, hl, hw) инициалям (трехместные сочетания типа phr, khr, khl в современном бирманском языке сохраняются только в графике; phj, khw и т. п. — и в произношении). В кхмерском также широко распространены кластеры типов «C + h» и «C + h + C». Однако несмотря на внешнее, фонетическое подобие аналогичным звуковым последовательностям в бирманском и — отчасти — кхмерском языках, фонологическая трактовка соответствующих кластеров в этих трех языках в конкретных случаях может существенным образом отличаться и для монского может быть, очевидно, иной, чем это принято в бирманистике и кхмеристике.

Итак, в общем плане вопрос фонологической интерпретации начальнослоговых стечений согласных типа «C + h» и «h + C» стоит так: следует ли рассматривать подобные звуковые последовательности как сочетания согласных или как монофонемы?

По мнению известного ученого М. Ферлю, в мон-кхмерских языках, в отличие, например, от шанского, «придыхательные» согласные существовали не всегда и должны интерпретироваться как консонантные группы. «Настоящие придыхательные смычные являются устойчивыми фонемами, мало подверженными изменениям» [Ferlus 1979 : 43]. В мон-кхмерских же языках, как мы увидим, определённой устойчивостью обладают лишь элементы таких групп, но не сами группы.

По мнению некоторых ученых периферийность, маргинальность «глоттального» или фарингального h, его положение «на границе между сегментными и суперсегментными единицами» [Чирикба 1991 : 51] позволяют «весьма просто проделывать всякие хитроумные манипуляции» [Либерман 1971 : 63] с этим согласным.

Утверждения о «периферийности», «маргинальности», дистрибутивной ограниченности h, его «слабой включённости в систему» [Чирикба 1991 : 51] и т. п., подобные тем, которые мы уже встречали при обсуждении фонологического статуса ГС, возможно, справедливые в плане общего языкознания, не оправдываются применительно к монскому языку. Здесь мы находим h практически во всех возможных для согласного позициях: hài <jhāy> 'жевать', kah <kaḥ> 'брить', hah <sṅaḥ> 'изобиловать', khɒh <khuih> 'хороший', khrah <khraḥ> 'рыться в пыли', hloa <lhay> 'широкий', kəhom <saṅoṁ> 'сожалеть', kəpah <lapaḥ>, 'наковальня', həneh <ganeh> 'пятка', khənaʔ <khaṇa> 'момент' и т. п. Единственным существенным ограничением для дистрибуции h в том, что касается *позиции* в слоге[23], будут позиции первого и третьего согласного в слогах типа CCCV(C), которые могут занимать в первом случае — только глухой смычный (p, k), во втором — только неносовой сонант (j, r, l, w).

Следует подчеркнуть, что монский h никак нельзя считать маргинальным уже в силу его максимальной дистрибутивной независимости. h может сочетаться с наибольшим количеством согласных — с одиннадцатью из 18: p t c k m n ɲ w l, а также более ограниченно с r (в сочетаниях phr, khr) и j (в сочетании phj). Для сравнения: следующий по распространённости согласный — k — сочетается только с 4 согласными (h w l r). Таким образом, среди всех согласных монского языка h — наиболее часто встречающийся звук. Достаточно отметить, что h — это инициаль или компонент инициали 390 монских слогов (из 1912). Кроме того, «в разговорном монском имеется большое число двусложных слов (т. е. ПС. — *Ю.К.*) с начальным h, в то время как в письменном языке в двуслогах обычного типа h[24] не встречается совсем» [Shorto 1962 : XV].

Аналогичная свобода дистрибуции h наблюдается и в кхмерском языке, с той разницей, что h не встречается в качестве первого элемента в слогах типа CCV(C) и в качестве инициали пресиллаба.

[23] Имеются ограничения на *сочетаемость* h как терминали с определенными централями, но то же самое можно сказать о любой другой терминали.

[24] Здесь имеется в виду графема <h>.

Как решать вопросы фонологического статуса аспирации? По-видимому, прежде всего следует установить, h в сочетаниях типов «C + h» и «h + C» — просодическая или сегментная единица. По замечанию А. С. Либермана, «понятие *просодема* <...> вместило в себя так много, что стало почти бессодержательным» [Либерман 1971 : 6]. Как специалист по просодике скандинавских языков, он отмечает, что «между фонемами и признаками фонем, с одной стороны, и просодемами — с другой, нет принципиальных различий по функции, а те различия, которые есть, по-видимому, не так определены, чтобы стать необходимой и достаточной базой для их разграничения» [там же : 9]. Таким образом, «невозможно предложить системы фонологических средств, которые бы служили для безошибочного априорного вычленения просодем. Все обнаруживаемые критерии не более чем симптомы того, что перед нами просодема, а не фонема или различительный признак фонемы» [там же : 11].

Исходя из вышесказанного, мы вынуждены определять просодему от обратного: если не сегментная единица, то просодема (т. е. суперсегментная единица). Иначе говоря, следует рассмотреть функционирование [h] в монском языке, и если в каких-то случаях оно не впишется в наши представления о сегментной единице, тогда можно будет говорить о [h] как о просодеме.

Нет оснований подвергать сомнению фонологический статус h в качестве простой инициали и терминали. Не говоря о наличии минимальных пар, функционирование h ничем не отличается от функционирования других единиц соответствующего класса. Так, в качестве простой инициали h-, подобно другим согласным I серии, определяет произношение последующего гласного в R1 (хотя имеются исключения). В то же время терминаль -h оказывает такое же влияние на тембр предшествующего гласного, как и терминаль -ˀ, часто отличное от влияния терминалей других категорий — велярных, дентальных, лабиальных или нулевой. Подчеркнём, что речь идёт именно о различии в тембре гласного, а не о суперсегментных характеристиках.

Таким образом, сложность может представлять лишь «главный вопрос синтагматической фонологии: одна фонема или две?» [там же : 73], иными словами, h в последовательностях «C + h» и «h + C» — это составная часть кластеров или дополнительная артику-

ляция базового согласного, его фонетическая, позиционно обусловленная, характеристика?

Вследствие морфологической нечленимости слога для большинства СЯ вопрос о моно / би-фонематичности последовательностей типа «C + h» был бы неразрешим: с достоверностью можно лишь утверждать, что оба эти элемента принадлежат инициали.

В мон-кхмерских языках, и в частности в монском, имеются достаточно надежные способы доказательства двусоставного характера этих сочетаний. Прохождение морфемного шва внутри последовательности звуков убедительно свидетельствует об их самостоятельности. При этом «для фонологического членения достаточно, чтобы сочетание разделялось на две морфемы хотя бы в одном случае; не требуется вовсе, чтобы морфологическое членение имело место каждый раз» [Зиндер, Строева 1965 : 57]. Доказательства этой точки зрения приводятся далее.

Кластеры типа «C + h». Кластеры этого типа — ph, th, ch, kh — представлены в системах инициалей обоих регистров: pha <phā> 'сторона', phɛ̱a <ɓhā> 'монастырь', tha <thā>: cɜ̱k ɓɔ lèm ~ 'ротанг', thò <dhav> 'прямой; точный', cha <chā> 'жидкий', chɛ̱a <jhā> 'запоздалый', kha <khā> 'шпинат', khòk <ghåk> 'крюк'.

«Придыхательные» согласные (ph, th, ch, kh) широко представлены в фонологических системах СЯ различных языковых семей, однако статус придыхания в них может быть принципиально разным, в том числе и в одном и том же языке. Для бирманского постулируется монофонематический («односоставной») характер аспирированных инициалей [Касевич 1968; Янсон 1990]. В более поздних работах Р. А. Янсона h интерпретируется как просодическая характеристика слога в целом [Янсон 1998].

В мон-кхмеристике (и особенно в кхмеристике), — надо полагать, не без влияния письменности, традиционно сохраняющей особые графемы для обозначения «постаспирированных» согласных и не имеющей других средств обозначения сочетаний типа «C + h» — вопрос об их фонологическом статусе был предметом дискуссий.

Большинство наиболее авторитетных исследователей мон-кхмерских языков [Smalley 1961; Huffman 1967; Shorto 1971; Thomas 1971; Karnchana 1978; Smith 1979; Еловков 2006 и др.]

склоняются к тому, чтобы признать оба элемента таких сочетаний фонологически самостоятельными единицами, главным аргументом чему служит возможность вставки инфикса между ними. Так, в кхмерском языке инфикс {aṁ} при образовании производных слов от ОС с двухместными инициалями помещается между первым и вторым элементами: thɔm <dhaṁ> 'большой' + -um- → t-um-hum <d{aṁ}haṁ> 'величина', chɔ: <jhar> 'стоять' + -ɔm- → c-ɔm-hɔ: <j{aṁ}har> 'позиция', khoh <khus> 'ошибочный' + -ɒm- → k-ɒm-hoh <k{aṁ}hus> 'ошибка'. Механизм инфиксации абсолютно одинаков для всех ОС структуры $C_1C_2V(C)$ независимо от того, представлен ли C_2 сонантом или «глоттальным» спирантом. Однако отсутствие полного параллелизма в поведении различных инициалей (инициаль ph, в отличие от th, ch и kh, при инфиксации якобы не распадается на составные части) заставляет некоторых ученых усомниться даже в самом существовании инфиксации и утверждать, что последовательности типа «C + h» — это монофонемы; ср. [Плам 1971 : 120].

Утверждение о неучастии ОС с инициалями ph- в процессе инфиксации довольно неосторожно. Действительно, невозможно обнаружить случаев перехода ph → *p + инфикс + h, однако имеются примеры ph → b + инфикс + h: *кхм.* phoj <phuy> '(дымясь) клубами' → b-ɒŋ-hoj <p{aṅ}huy> 'дымить', phot <phut> 'истекать' → b-ɒŋ-hot <p{aṅ}hut> 'проходить'. Таким образом, инфиксация в словах на ph- все-таки возможна, однако она сопровождается определёнными морфонологическими и фонетическими изменениями — дезаспирацией и / или озвончением[25] исходной инициали. Заметим, что и в этом отношении ОС с «придыхательными» инициалями ничем не отличаются от слов, начинающихся другими кластерами (ср.: *кхм.* khɜt <khit> 'двигаться' → k-ɒm-hɜt <k{aṁ}hit> 'принуждение'; krɜt <krit> 'делать зарубку' → k-ɒm-rɜt <k{aṁ}rit> 'знак, метка'; thae <thē> 'присматривать' → d-ɒŋ-hae <ṭ{aṅ}hē> 'идти друг за другом (= глядя друг другу

---

[25] Озвончение инициали исходного ОС — регулярное явление при вокалической инфиксации, если инициаль принадлежит первой серии (R1) и имеет звонкий коррелят. В кхмерском, как и в монском, имеется только две пары согласных, различающихся по глухости / звонкости — p / b и t / d.

в затылок)’, truət <trwt> ‘инспектировать’ → d-ɒm-ruət <ṭ{aṁ}rwt> ‘полиция’).

Как мы могли удостовериться, наиболее существенный аргумент в пользу монофонематичности ph (*и*, следовательно, остальных «придыхательных» согласных) в кхмерском языке — невозможность инфиксации — отпадает, прочие еще менее убедительны [Плам 1971 : 121].

В монском языке разделение комбинации «C + h» вокалическим инфиксом отмечено в одном единственном примере: phɔik <phek> ‘бояться’ → p-ə-hɔ̀ik <b{a}hek> ‘страх’, что, как будто, выглядит не слишком убедительным аргументом в пользу двусоставного характера придыхательных согласных. Однако имеются примеры, когда p в составе начальнослоговых кластеров является префиксом, а h — инициалью исходной морфемы: phi <{p}hī> ‘пустить по течению’ ← p- + hi <hī> ‘плыть по течению’; phap <{p}hāp> ‘кормить’ ← p- + hap <hāp> ‘есть’; phut <{p}hut> ‘разрушать’ ← p- + hut <hut> ‘приходить в упадок’; phum <{p}hum ~ {p}huṁ> ‘совершать ритуальное омовение’ ← p- + hum (daik) <{p}huṁ> ‘купаться’.

Отсутствие примеров разделения инфиксом других придыхательных кластеров (th, ch, kh) компенсируется примерами иного рода, а именно — падением начальных элементов кластеров при консонантной инфиксации: phɛk <phak> ‘быть тесно связанным’ + -w- → hə-w-ɛk <pha{v}ak> ‘товарищ, компаньон’; thui <thuy> ‘спутанный, смешанный’ + -r- → hə-r-ui <dha{r}uy> *то же*; thoŋ <thoṅ> ‘полый’ + -m- → hə-m-oŋ <tha{m}oṅ> ‘отверстие (в стене)’; chai <chāy> ‘выдающийся’ + -r- → hə-r-ai <sa{r}āy> ‘слава’; chao <khyau, cho> ‘клясться, проклинать’ +-w- → h-w-ao <s{v}au> ‘клятва, проклятие’; khok <khok> ‘чаша’ + -r- → hə-r-ok <kha{r}ok> ‘чашка’. Теоретически здесь возможна и иная трактовка фонологических изменений (например, как нейтрализации пресиллабов с аспирированными кластерами: phə-, thə-, chə-, khə- → hə-), однако и ранее приведённых примеров вполне достаточно, чтобы показать составной характер придыхательных инициалей.

Кластеры типа «h + C». Кластеры hm, hn, hw представлены в системах инициалей обоих регистров: hma <mhā> ‘блуждать’,

hmò <jmū> 'могучий', hna <snā> 'циновка', hnò <jnov> 'флаг', hwa <svā> 'водяная лилия', hwò <jvov> 'течь' (гл.). Кластеры hɲ, hl — только с системе R1: hɲa <ñhā> 'умеренный', hla <lhā> 'пруд, озеро'.

Последовательности типа «h + сонант» (hm, hn, hɲ, hl, hw) также представлены в языках Индокитая, принадлежащих разным языковым семьям (но не в кхмерском!). В отечественной бирманистике они интерпретируются как монофонематические единицы, входящие вместе с инициалями типа «C + h» в «общий класс аспирированных простых инициалей» [Касевич 1968 : 12; Янсон 1990 : 45]. В мон-кхмерском языке седанг они рассматриваются как кластеры с сонантным центром, модифицируемые фарингальным спирантом [Smith 1979 : 26].

Применительно к монскому языку оба эти подхода, вероятно, были бы неверными. Кластеры типов «h + C» и «C + сонант» можно считать вполне аналогичными по их внутреннему устройству: начальный h в кластерах рассматриваемого типа — это, как правило, деградировавшие смычные c, ɟ или спирант s. Следовательно, разница между кластерами этих двух типов состоит лишь в том, что смычные p, k в современном монском могут сочетаться только с неносовыми сонантами, в то время как h сочетается и с носовыми.

Явление, когда начальному согласному предшествует фарингальный спирант, в отечественной литературе по языкам ЮВА получило название *преаспирации* [Касевич 1968]. Термин сам по себе, по-видимому, весьма удачен: он позволяет противопоставить последовательности типа «h + C» последовательностям типа «C + h», в то же время устанавливая корреляцию между ними.

Однако следует помнить, что в германистике под ним понимают совсем другие явления. Германисты *не* употребляют термина «преаспирация» по отношению к последовательностям «фарингальный / велярный спирант + сонант». Кроме того, о преаспирации говорят, когда речь идёт *не о предвокальных, а о поствокальных* согласных. Термин «преаспирация» в германистике не применяется по отношению к последовательностям типа *hl*, *hn*, *hv* и т. п. в начале слова. Обычно они интерпретируются как *глухие сонанты* [Стеблин-Каменский 1953; Берков 1996] или как *сонанты с глухим приступом* [Либерман 1971 : 51].

Попытки трактовать последовательности «h + сонант» как глухие сонанты известны и в бирманистике. Однако «в мон-кхмерских языках Юго-Восточной Азии мы, очевидно, имеем дело с аспирированными носовыми, даже если по традиции они обозначаются как глухие носовые» [Ferlus 1979 : 66].

Как было сказано выше, в монском языке последовательности «h + C» различны по происхождению. Обычно h представляет собой деградировавший палатальный смычный или дентальный спирант: так, раннедревнемонские кластеры sl, sw дали соответственно hl, hw; кластеры cm, ɟm, sm; cn, ɟn, sn в современном языке предстают соответственно как hm и hn. Современные hl и hm в отдельных случаях восходят к древним hl <lh> и hm <mh>, возникшим, вероятно, под бирманским влиянием.

В бирманском языке постаспирация и преаспирация функционально аналогичны в грамматическом плане, поскольку та и другая служат для образования каузативных глаголов от некаузативных [Касевич 1968 : 11–12]. Это предполагает, что слова с аспирированными и соответствующие им слова с неаспирированными инициалями семантически связаны, ср.: pi <pi> 'быть придавленным' — phi <phi> 'сдавливать', mi <mañ> 'называться' — hmɛ <mhañ.> 'называть'.

В монском никакой семантической связи между словами с простыми сонантными и «преаспирированными» инициалями не существует. Обнаруживается только два примера (из 129, имеющихся в [Shorto 1962]!), когда слова с «преаспирацией» и соответствующие без таковой представляют собой тождественные по значению диалектные варианты произношения: nì ~ hnì (оба — <dnī>) 'подушка', neaŋ ~ hneaŋ (оба — <kneṅ ~ dneṅ>) 'лоб, бровь'[26].

В монском слова с инициалями типа «h + C» действительно довольно часто оказываются производными, однако не путем преаспирации. Обычно это инфиксальные образования: h-w-ɜŋ <s{v}uṅ> 'напиток' (ср. sɜŋ <suṅ> 'пить'); h-w-ao <s{v}au> 'проклятие' (ср. chao <khyau> 'проклинать'); h-n-ɔŋ <c{n}åṅ>

---

[26] Графические сочетания <dn>, <kn>, <gn>, как правило, не используются для обозначения hn, поскольку дентальные и велярные смычные перед сонантами пали или сохранились в виде пресиллаба hə-/kə-.

‘звезда’ (ср. cɔŋ <cân> ‘гореть’); h-n-a <s{n}ā ~ nhā> ‘циновка’ (ср. sa <sā> ‘расстилать’) и т. п. Из приведенных примеров совершенно очевидно, что монское h — продукт комбинаторных изменений ([sw] → [hw]; [cn, chn, sn] → [hn]) и, в отличие от бирманского, не выполняет никакой грамматической функции.

Тот же самый процесс наблюдается и в непроизводных словах: hnam <cnām ~ snām> ‘год’, hlaʔ <sla ~ lha> ‘лист’ (ср. *кхм.* cnam <chnām>, slək <slük> с теми же значениями). Как видно, в орфографии монских слов имеются колебания. Из написаний <snā ~ nhā>, <sla ~ lha> предпочтение отдаётся первым вариантам, которые, без сомнения, более правильны с точки зрения этимологии.

Среди слов с инициалями h + C имеется 10, помеченных Х. Л. Шорто как заимствования из бирманского. Колебания в написании имеются и здесь: hleʔ <lhe’ ~ sle’> ‘уговаривать’ (ср. *бирм.* hlɛbja <lhañ phrā:> ‘заманивать’); hlai <lhāy ~ slāy> ‘менять’ (ср. *бирм.* hlɛphɛ <lhay phay> *то же*); hma <mhā ~ smā> ‘блуждать’ (ср. *бирм.* hma <mhā:> ‘ошибаться, путать’). В этих случаях предпочтение отдаётся правописаниям, более близким к бирманским. Сочетания графем типа <mh> в словах бирманского происхождения обозначают соответствующий преаспирированный сонант, поэтому такого рода диграфы, по-видимому, не вызывают у монов сопротивления: фонетически они обозначают [hm] — кластер, уже известный монам.

Индийские заимствования с привычными для монов (графическими) последовательностями также претерпевают лишь закономерные с точки зрения монской фонологии изменения: *sw <sv> → hw (*инд.* svapna → hwɔp <svap> ‘видеть сон’, *инд.* svarga → hwɔ <svav> ‘рай’), *sl → hl (*инд.* śleṣman → hleh <sleh ~ lheh> ‘мокрота’) и т. п.

Графические последовательности типа «сонант + <h>» встречаются и в позиции инициали основного слога ПС, однако на сегментном уровне аспирации в таких словах, как правило, не обнаруживается. Исключение составляют 6 слов (из 60 с лишним) — все с пресиллабом ʔə-: ʔəhmo <’amhav ~ ’asmav> ‘низ’, ʔəhnɛn <’anhin> ‘рыночная цена’ и т. п. Назначение графической аспирации в ПС остаётся непонятным: её нельзя воспринимать даже

как способ обозначения R1, поскольку графические инициали пресиллабов в большинстве случаев обозначены графемами этимологически глухих согласных, требующими R1.

Кластеры типа «C + h + сонант». Кластеры этого типа — phj, phr, khr, khl, khw — представлены только в системе инициалей R1: phja <phyā> ‘рынок’, khlak <khluik> ‘падать’, khwɛk <khwak> ‘поднос’.

Тип «C + h + сонант» по существу является производным от типов «C + h» и «C + сонант» и объединяет в себе свойства, присущие двум этим типам.

Вопрос о том, является ли h в кластерах типа «C + h + сонант» структурным элементом инициали, различительным признаком одного из крайних элементов кластера или эпентезой — не праздный.

Например, в кхмерском языке в позиции после согласного встречаются «два разных по своей фонологической значимости *h* — 1) согласная фонема и 2) анаптиксический соединительный звук» [Горгониев 1966 : 35]. Кроме сочетаний ph, th, ch, kh, здесь имеются комбинации *фонетически* тех же последовательностей с другими согласными (не обязательно сонантами) — phl, thk, chŋ, kht, и т. д., где h — эпентеза, функционально отличная от простой инициали h и от h в двухместных кластерах.

Появление эпентезы h в кхмерском языке часто, хотя и не непосредственно, связано с морфонологическими процессами: консонантные аффиксы при контакте с инициалью исходной морфемы вызывают появление эпентетической аспирации: *кхм.* kiəp <gāp> ‘сжимать’ → kh-n-iəp <gh{n}āp> ‘пресс’.

Правила аффиксации (и соответственно аспирации) зависят от структуры инициалей ОС. Для образования производных от ОС с двух- и трехместными инициалями используются только вокалические инфиксы. Если C_2 в ОС структуры $C_1C_2V(C)$ представлен «глоттальным» спирантом h, правила образования производных этого типа в точности те же, что и при C_1C_2 = «C + сонант».

В некоторых непроизводных словах эпентеза h на фонетическом уровне присутствует изначально. В этом случае при вокалической инфиксации изначальная аспирация в производных словах исчезает: *кхм.* [k^{h}laŋ] <khlāṁṅ> ‘сильный’ → k-ɒm-laŋ <k{aṁ}lāṁṅ> ‘сила’. Этимологическое же h, в отличие от эпен-

тезы, при инфиксации сохраняется, становясь инициалью основного слога: *кхм.* thɔɒt <dhāt'> 'толстый' → t-um-hɔɒt <d{aṁ}hāt'> 'тучность'. Эта разновидность h имеет явно сегментный характер.

Структура производных слов от исходных $C_1C_2V(C)$ и $C_1hC_2V(C)$ полностью идентична, что доказывает фонологическую иррелевантность межконсонантной аспирации.

Итак, появление и исчезновение межконсонантной аспирации в кхмерском языке обусловлено исключительно фонетическими причинами. Обусловленность появления [h] стечением согласных позволяет рассматривать его в качестве фонетического признака предыдущего согласного (ср. [Jacob 1963 : 63], где такого рода *h* называется «*просодической аспирацией*»)[27].

Как можно убедиться, в кхмерском сочетания «C + C» и «C + h + C», например, графические <kl> и <khl>, тождественны и фонетически (в обоих случаях [kʰl]) и фонологически (в обоих случаях /kl/)[28]. Аспирация [h] служит характеристикой начального согласного, а не структурным элементом слога, поэтому трехконсонантные кластеры в кхмерском языке имеются лишь на фонетическом уровне. Фонологически они должны трактоваться как *двухместные* кластеры.

В монском языке имеются те же сочетания ph, th, ch, kh, а также комбинации phj, phr, khr, khl, khw, однако здесь трехместные сочетания — не результат комбинаторных изменений. Они фонологически противопоставлены соответственно pj, pr, kr, kl, kw: pjah <pyaḥ> 'показывать' — phjah <phyaḥ> 'кислый, острый'; pjon <pyon> 'кран' — phjon <phyon> 'красить'; prao <prau> *вид лекарственного растения* — (ˀə)phrao <'aphrau> вид мяты; kra <trā> 'печать' — khra <khrā> 'отделять', krɛk <krak> 'сердцевина' — khrɛk<khrak> 'жесткий'; klaˀ <kla>

---

[27] Существует иная трактовка первых двух элементов таких фонетически трехместных последовательностей как слабого слога с нулевой финалью, где [h] функционально эквивалентен [ə] и является «(отчасти факультативным) материальным экспонентом нулевой финали» [Касевич, Еловков 1983 : 162].

[28] В целях разграничения двух разных h в фонетической транскрипции целесообразно обозначать такие эпентетические [h] знаком аспирации: [kʰlaŋ, tʰlɛak] и т. п., в фонологической же такого рода аспирация не требует специального обозначения, независимо от способа графического изображения: /klaŋ, tlɛak/ и т. д. Фонетически необусловленное h обозначается соответственно как [h] или /h/.

‘тигр’ — (kaŋ) khlaˀ <khla> ‘быть изогнутым дугой’, klak <kluik> ‘тусклый, пыльный’ — khlak <khluik> ‘падать’.

Фонологическая членимость трехместных кластеров обнаруживается при анализе морфонологических процессов. Отделимость начальных согласных от остальной части трехместных кластеров подтверждается тем, что при вокалической инфиксации они исчезают. Конечные же, сонантные элементы кластеров, отделяются от остальной части кластера (реально от h) вокалическим инфиксом -ə- — в точности так же, как и вторые элементы двухкомпонентных кластеров отделяются от первых: khra <khrā> ‘быть разделённым’ + -ə- → h-ə-ra <kh{a}rā> ‘расстояние’; khlɛŋ <khlaṅ> ‘проникать’ + -ə- → h-ə-lɛŋ <kh{a}laṅ> ‘протыкать’.

Большинство монских слов на phj- образовано от ОС с инициалями c и s с помощью префикса p-: cao <cau> ‘возвращаться’ → phjao <{p}hyau> ‘приносить домой’; sɜŋ <suṅ> ‘пить’ → phjɜŋ <{p}hyuṅ> ‘поить’. Происхождение глайдов в рассматриваемой позиции говорит в пользу их принадлежности инициали.

Об этом же свидетельствует материал повторов: при образовании инициальных повторов предвокальные глайды остаются в составе инициали *мон.* phj/i-phj/a (разряд молнии).

Итак, с нашей точки зрения, достаточно очевидно, что монские кластеры, как двух-, так и трехкомпонентные, представляют собой последовательности согласных, а не монофонематические единицы. Если все же принять ту точку зрения, что транскрипционно двухместные сочетания согласных с h в любой последовательности (C + h и h + C) — монофонематические образования, то возникает следующий вопрос: как следует интерпретировать трехместные звуковые последовательности (типа khl) — как сочетания постаспирированных смычных с сонантами или как сочетания шумных смычных с «преаспирированными» сонантами? Иначе говоря, следует ли, например, рассматривать khl как kh + l или как k + hl?

В бирманском языке подобная ситуация неразрешима на сегментном уровне: аспирация реализуется как бы «внутри кластера» и «структурно находится между инициалью и финалью». В связи с этим невозможно «определить её принадлежность ни к одному из компонентов слога, логично считать её характеристикой слога в целом и рассматривать в составе просодики» [Янсон 1998 : 312].

Для монского этот вопрос решается проще. Как отмечалось выше, наряду с khl и khw, в монском имеются также инициали phj, phr и khr. Однако, если дистрибуция h по отношению к левому окружению (смычному) свободна, то по отношению к правому (сонанту) — более избирательна: при наличии двухместных последовательностей hl и hw последовательности hj и hr отсутствуют, следовательно, более реалистичной при сделанном выше допущении была бы сегментация kh + l, а не k + hl.

Вышеизложенное наглядно демонстрирует, что фонетически подобные явления разных, пусть типологически близких и даже родственных, языков могут иметь совершенно различную фонологическую интерпретацию и, во-вторых, что «постаспирированные» и «преаспирированные» инициали монского языка целесообразно рассматривать как двух- или трехкомпонентные, сегментируемые на единицы низшего порядка.

2.4. СИСТЕМА ФИНАЛЕЙ

Современная система финалей состоит из двух автономных регистровых подсистем, отличающихся от древнемонской как количественным, так и качественным составом.

Количество возможных терминалей в обеих подсистемах одинаково — 9, включая нулевую (введение понятия нулевой терминали (-#) необходимо для того чтобы охватить всю систему финалей; реально под слогами с нулевой терминалью понимаются фонологически открытые слоги). Однако количество и дистрибуция централей отличаются, в связи с чем различно и количество финалей — 82 в R1 и 56[29] в R2, всего 138 (без учета разницы регистра — 94).

Количество централей по сравнению с позднедревнемонским периодом увеличилось с 10 до 18 в результате появления оппозиции регистров и последовавшей за ней компенсаторной дивергенции гласных. Некоторые гласные (oa, ui) возможны лишь в открытом слоге, другие (з, ɛ̱, à, ɔe, ea, ɛ̱a, ai, ɔi, oi, ao) — только в крайне ограниченном количестве контекстов. Налицо значительное сни-

[29] Х. Л. Шорто называет цифру 55, не учитывая финали -à, которая, впрочем, представлена единственным примером: cà <jā> 'кружево'.

жение «мощности фонологической системы» [Морев 1991 : 50] за счёт образования финалей, элементы которых нередко обладают весьма ограниченными дистрибутивными возможностями.

2.4.1. Система централей (Вокализм)

Как уже отмечалось (2.0), фонологическую систему монского языка (и в особенности систему гласных) удобнее представить в виде нескольких подсистем. О том, что гласные обоих регистров едва ли следует объединять в единую систему и что целесообразнее описывать их как две отдельные системы, неоднократно писал еще Х. Л. Шорто [Shorto 1966; 1967]. Такой подход вполне оправдан ввиду асимметричности подсистем R1 и R2 и отсутствия однозначных соответствий между их элементами. Даже отвлекаясь от просодических (суперсегментных) характеристик конкретных слогов, мы не можем уйти от того факта, что каждая регистровая парадигма обладает не только собственным набором гласных, но и собственными правилами комбинаторики.

Как и другие мон-кхмерские языки, монский располагает довольно развитым вокализмом. Централи монского слога представлены 9 простыми гласными и 9 дифтонгами, бóльшая часть которых входит в подсистемы обоих регистров.

2.4.1.1. Простые централи

Подсистемы монского вокализма R1 и R2 включают соответственно 9 (т. е. все возможные) и 7 простых гласных (табл. 14).

Таблица 14. **Системы простых гласных в двух регистрах**

Подъём	R1								R2					
	Передние			Смешанные	Задние				Передние			Смешанные	Задние	
Верхний	i							u	ì					ù
		e		(ə)*			o			è		(ə)	ò	
Средний			ɛ	з		ɔ					ɛ̲	з̲		
Нижний				a	ɒ							à		

Примечание: * Вообще говоря, гласный ə нейтрален по отношению к регистру и уже поэтому не должен включаться в состав гласных регистровых подсистем; в собственно монских словах он встречается исключительно в качестве централи пресиллабов ПС, в связи с чем рассматривается отдельно в разделе 3.4.2.1.

Из имеющихся описаний можно составить следующее представление о монских централях и их основных аллофонах.

Централь /i/. Основные аллофоны: [i] — передний гласный верхнего подъёма: ki [ki] <kī> 'лаять' (R1), tì [tì] <dī> 'бедро' (R2); [ɪ] — перед h несколько сдвинут к центру и более открыт: cih [cɪh] <cih> 'опускаться', nìh [nɪh] <mnih> 'человек'. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: в фонологически открытом слоге как <ī>, в фонологически закрытом слоге — как <i>.

Централь /e/. Основные аллофоны: [e] — передний гласный выше среднего подъёма: ke [ke] <kev> 'взвешивать' (R1), lè [lè] <le(v)> 'тоже' (R2); [ȩ] — перед ˀ, h несколько сдвинут к центру и более открыт (за исключением частицы teˀ 'тот' и её производных): kreh [krȩh] <kreh> 'галька' (R1), klèˀ [klȩ] <gleṁ> 'короткий' (R2). На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: в фонологически открытом слоге —как <e> или <ev>, в фонологически закрытом слоге — как <e>. Однако в R2 в предлабиальной позиции преобладает написание <ā>: jèm <yāṁ> 'плакать'.

Централь /ɛ/. Основные аллофоны: [ɛ] — передний гласный среднего подъёма: mɛn [mɛn] <kmin> 'родственник' (R1); [æ] — перед k, ŋ в R1: kɛŋ [kæŋ] <kaṅ> 'медный гонг'; [E^a] — закрытая разновидность в R2, перед ˀ, h всегда слегка дифтонгизирован, за исключением быстрой речи: lɛ̱ˀ [lE^a] <la> 'дед' (R2). На письме обозначается как <a> в преглоттальной и предвелярной позициях R1 и в преглоттальной позиции R2, как <i> перед дентальными и лабиальными терминалями R1. В других позициях не встречается.

Централь /a/. Основные аллофоны: [a] — перед t, n, p, m — передний: hat [hat] <hāt> 'брод' (R1), jàt [jàt] <yāt> 'ткань' (R2); [ɐ] — перед ˀ, h — среднерядный: cah [cɐh] <caḥ> 'спина' (R1); [ɑ] — в открытых слогах и перед k, ŋ — задняя разновидность: ka [kɑ] <kā> 'чайник' (R1), cà [cɑ] <jā> 'кружево' (R2), klak [klɑk] <kluik> 'грязный' (R1), klàk [klɑk] <gluik> 'дымить' (R2). На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: как <ui> в предвелярной позиции, как <a> в преглоттальной (если h обозначено как <ḥ>) и как <ā> в остальных случаях.

Централь /ɜ/ [ɜ] — гласный смешанного ряда среднего подъёма: klɜ [klɜ] <kluiv> 'собака' (R1), kɜ̱ [kɜ̱] <guiv> 'сиять, свер-

кать' (R2). На письме обозначается как <u> в предвелярной позиции (R1 и R2), как <uiv> в открытом слоге (R1 и R2), как <ui> в остальных случаях (R2). В R2 в открытом слоге и перед [h] встречается также написание <o>: kɜh [kɜh] <goh ~ guih> 'пещера'.

Централь /o/. Основные аллофоны: [o] — задний гласный выше среднего подъёма: klo [klo] <klov> 'голодать' (R1); [ω] перед взрывными k, t, p в R1: sot [sωt] <s(r)ot> 'цинк'; [O] нечто среднее между [ɔ] и [o] в R2: kȍ [kO] <gov> 'красивый'. На письме обозначается как <o> или <ov> в фонологически открытом слоге (R1 и R2) и как <o> перед велярными, дентальными и лабиальными терминалями (R1 и R2). Однако в R2 перед велярными терминалями преобладает написание <å> (mȍk [mȍk] <måk> 'появляться'), перед дентальными и лабиальными часто используется знак <a>, который иногда варьирует с <o> без очевидных закономерностей: pȍp <ɓap ~ ɓop> 'замачивать'. Разное написание может использоваться для различения омонимов.

Централь /ɯ/. Основные аллофоны: [u] — задний гласный верхнего подъёма: cu [cu] <cū> 'протыкать' (R1), kȕ [kȕ] <gū> 'идти (*о дожде*)' (R2); [ω] — перед h несколько сдвинут к центру и более открыт. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: в фонологически открытом слоге как <ū>, в фонологически закрытом слоге — как <u>. Перед h иногда обозначается как <o> или <a>: nȕh <bnuh ~ bnah ~ bnoh> 'копье'.

Централь /ɒ/ [ɒ] — задний гласный нижнего подъёма (имеется только в системе R1). На письме обозначается как <uiv> в фонологически открытом слоге (kɒ [kɒ] <kuiv> 'давать') и как <ui> в остальных случаях. Перед ГС может обозначаться с помощью <o>: klɒˀ <klom̀> 'пересекать'.

Централь /ɔ/ [ɔ] — задний гласный среднего подъёма (имеется только в системе R1). На письме обозначается как <å> в предвелярной позиции, как <av> в фонологически открытом слоге и как <a> — в остальных случаях: pɔk <påk> 'открывать', kɔ [kɔ] <kav> 'сироп', sɔt <sat> 'плод' (<a> соответствует [ɔ], если h обозначено как <h ~ s>, и [a], если h обозначено как <ḥ>).

2.4.1.2. Сложные централи. Фонологическая интерпретация последовательностей гласных

В описываемом нами диалекте монского языка имеется 9 сложных централей, выраженных последовательностями гласных. Из них в R1 представлено 8 (ɔe, ea, ai, ɔi, oi, oa, ao, ui), в R2 — только 5 (ɛ̱a, ài, òi, òa, ùi)[30].

Вследствие взаимной соотнесенности слога и морфа в СЯ последовательность гласных, входящих в экспонент морфемы, никогда не распределяется по разным слогам. Поэтому для СЯ проблема фонологической интерпретации последовательностей гласных заключается главным образом в трактовке полугласных элементов, примыкающих к ядру слога. Так, начальный полугласный может быть элементом восходящего дифтонга, а может принадлежать инициали. Напротив, конечный полугласный может быть компонентом нисходящего дифтонга, но может представлять собой терминаль.

В кхмеристике критерием принадлежности двух гласных дифтонгу считается способность таких сложных централей сочетаться с терминалями, или иначе — выступать в качестве централей закрытых слогов, так как два согласных в конце слога невозможны. Поэтому, например, [ae] в слове daek <dēk> ‘железо’, [ɛa] в nɛak <’anak> ‘ты’, [ɔɒ] в kɔɒt <gāt’> ‘он’, [ɑo] в mɑok <mak> ‘при-

---

[30] В паккретском диалекте (Таиланд) имеется 8 дифтонгов: ia, aə, au, ao, əa, ɑi, ɔa, ua. Кроме того, на фонетическом уровне отмечен дифтонг [ɛ̱a], интерпретируемый как позиционный аллофон фонемы /ɛ/ во всех позициях, кроме позиции перед лабиальной терминалью [Sakamoto 1974 : 73-74]. Приводимые примеры свидетельствуют о следующем: 1) дифтонг ao описываемого нами диалекта в паккретском соответствует двум разным дифтонгам — au и ao (ср. cau <co> ‘ругать’ и cao <cau> ‘возвращаться’, kau <ko> ‘старший брат’ и kao <kau> ‘цветок’); 2) дифтонг oa соответствует двум разным дифтонгам ɔa и ua (ср. cɔa <cay> ‘сушить’ и chua <khyoy> ‘трава’), что, возможно, вызвано стремлением автора подчеркнуть различие в орфографии подобных слов; 3) дифтонги ia, aə, əa, ɑi паккретского диалекта коррелируют с ea, a, oi и ɔe соответственно (ср. hniaŋ ‘крыло’ — hneaŋ <sneṅ>, kaəŋ ‘изогнутый’ — kaŋ <kuiṅ>, pəa ‘мы’ — poi <puiy>, tɑiˀ ‘земля’ - tɔeˀ <ti>; aə, по наблюдениям Сакамото, встречается только перед велярными терминалями, əa отмечен только в двух примерах, из которых в статье приводится один; 4) дифтонги ai#, ɔi#, ui# в паккретском диалекте не отмечены или интерпретируются как сочетания гласных с терминалью j; 5) В R2 имеется только 3 дифтонга: ìa, àə и ùa.

ходить’ трактуются как дифтонги, а [ai] в daj <ṭai> ‘рука’, [ɛi] в srɛj <srī> ‘женщина’, [au] в haw <hau> ‘звать’, [ɤu] в tɤw <dau> ‘уходить’ рассматриваются как сочетания гласных с согласными.

В монском на тех же основаниях следует считать дифтонгами oi, ɔi, ea, ɛa, ai, ɔe, ao, которые допускают возможность терминали. И несмотря на отсутствие закрытых слогов с централями oa и ui, их также целесообразно считать дифтонгами ввиду явного фонетического и структурного параллелизма (ea — ɛa — oa, ɔi — oi — ui). Централи oa и ui, по всей вероятности, представляют собой промежуточный этап развития от сочетания гласного и согласного к дифтонгу и в конце концов должны прийти к сочетаемости с терминалями, подобно другим дифтонгам. Если же трактовать эту ситуацию как данность, то пришлось бы ради этих двух случаев постулировать новые терминали ǎ и j, что вряд ли было бы целесообразно.

В зарубежной лингвистике имеется тенденция к устранению дифтонгов из системы гласных, точнее, к их бифонемной интерпретации в одних случаях и отнесении их отдельных элементов на счёт фонетического окружения в других. Широко распространена бифонемная трактовка долгих гласных и дифтонгов «как последовательностей гласных или гласных и полугласных», поскольку, по мнению некоторых авторов, фонематически дифтонги «часто наилучшим образом интерпретируются как последовательности» [Gleason 1961 : 254–255].

Возможно, бифонемная интерпретация более экономична с точки зрения количества выделяемых гласных (например, Горгониев обнаруживает в кхмерском 29 гласных, а Ф. Хаффман — только 8, поскольку все долгие гласные и дифтонги рассматривает как последовательности двух одинаковых или двух разных гласных). Однако применительно к мон-кхмерским языкам бифонемная трактовка дифтонгов идёт вразрез с акцентным типом и особенностями примыкания.

Если представить слог, централь которого — дифтонг, в виде последовательности двух слогов (исходя из логики, что два гласных — следовательно, два слога), то обнаружится, что в большинстве случаев ударным (или воспринимаемым как ударный) окажется *первый* слог: большинство дифтонгов как в кхмерском, так и в монском — нисходящие. Однако это вступает в резкое противоречие с акцентным типом мон-кхмерского (более чем односложного)

слова, в котором ударным или производящим впечатление ударного всегда бывает *последний* слог.

Между тем, при бифонемной трактовке мон-кхмерских дифтонгов (как, по-видимому, и дифтонгов во всех СЯ) между смежными гласными обнаружится *зияние*, что исключено для последовательностей двух аллосиллабических гласных, например, в последовательностях слогов типа CV-*VC (если допустить, что ГС факультативна). Следовательно, мы имеем дело с дифтонгом, а не с последовательностью гласных.

Однако самое существенное возражение состоит, по-видимому, в том, что слог не может содержать более одного гласного как структурного элемента — централи. Таким образом, бифонемная интерпретация мон-кхмерских дифтонгов неприемлема как по фонетическим, так и по фонологическим соображениям.

Важно обратить внимание и на тенденцию интерпретировать глайды как фонетическое явление, обусловленное окружением гласных. Например, таким образом объясняется дифтонгоидность гласных перед постулируемыми Х. Л. Шорто палатальными терминалями (см. подробнее в разделе 2.4.2).

На наш взгляд, фонотактика в определенной степени послужила причиной возникновения дифтонгов, однако после того как они, не важно, в силу каких причин, вошли в фонологическую систему языка на правах самостоятельных централей, игнорировать их уже невозможно.

Итак, исходя из имеющихся описаний, можно представить следующие ***сложные централи***.

Централь /ai/ ~ /ài/ [ɑi] -— нисходящий дифтонг с переднерядным завершением. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково — как <āy> в открытом слоге и как <ā> — в закрытом (перед велярными терминалями): cai [cɑi] <cāy> 'ударить' (R1), plài [plɑi] <ɓlāy> 'холостяк' (R2), kwaik [kwɑik] <tvāk> 'идти' (R1), phàik [phɑik] <ɓhāk> 'часть' (R2).

Централь /oi/ ~ /òi/ [oi] — нисходящий дифтонг с переднерядным завершением. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково — как <uiy> в фонологически открытом слоге и как <i> — в закрытом (перед велярными терминалями): poi <puiy> 'мы' (R1), klòiŋ <gliṅ> 'длинный' (R2).

Централь /ui/ ~ /ùi/ [ui] — нисходящий дифтонг с переднерядным завершением. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: kui <kuy> ‘укачивать (ребенка)’ (R1); klùi <gluy> ‘брать в плен’ (R2).

Централь /oa/ ~/òa/ [oa] — нисходящий дифтонг со среднерядным завершением. На письме обозначается в обоих регистрах одинаково: proa <pray> ‘подруга’ (R1); pròa <ƀray> ‘дождь’ (R2). Возможно также написание <oy>, иногда свободно варьирующее с <ay>, иногда служащее для различения омонимов: ƀoa <ƀay ~ tƀay> ‘бобы, горох’, но ƀoa <tƀoy> ‘переплетённый’.

Централь /ea/ [ea] — нисходящий дифтонг со среднерядным завершением (имеется только в системе R1). На письме обозначается как <ey> в фонологически открытом слоге и как <e> — в закрытом (перед велярными терминалями): nea <ṇey> ‘ущипнуть’, meak <tmek> ‘шрам’.

Централь /ɔe/ [ɔe] — нисходящий дифтонг с переднерядным завершением (имеется только в системе R1). Дифтонг /ɔe/ дистрибуционно связан с /i/. На письме обозначается как <ī> или <uy> в фонологически открытом слоге и как <i> — в фонологически закрытом (перед «глоттальными» терминалями): krɔe <trī> ‘тонкий’, hlɔe <sluy> ‘медь’, sɔeʔ <si> ‘рисовая водка’.

Централь /ɔi/ [ɔi] — нисходящий дифтонг с переднерядным завершением (имеется только в системе R1). На письме обозначается как <e>: klɔiŋ <kleṅ> ‘жир’.

Централь /ao/ [ao] — нисходящий дифтонг с заднерядным завершением (имеется только в системе R1). Дифтонг /ao/ дистрибуционно связан с /u/. На письме обозначается как <au> в фонологически открытом слоге и как <u> — в фонологически закрытом (перед «глоттальными» терминалями): kao <kau> ‘цветок’, kraoh <truṁ> ‘мужчина’. В открытом слоге встречается также обозначение <o>: chao <cho> ‘пара’.

Централь /ɛ̱a/ [ɛa] — нисходящий дифтонг со среднерядным завершением (имеется только в системе R2). В некоторых диалектах представляет открытую разновидность ɛ без дифтонгизации. На письме обозначается как <ā> или <au> в открытом слоге и как <a> или <e> — в закрытом (перед велярными терминалями): jɛ̱a <yā> ‘парус’, lɛ̱a <lau> ‘стрела’, sɛ̱aŋ <sjaṅ> ‘меч’, ŋɛ̱ak

<ṅek> 'зуб'. В отдельных случаях наблюдается варьирование написания.

2.4.1.3. Проблемы фонологического отождествления гласных

Описание системы монских гласных, по справедливому замечанию практически всех авторов, кто когда-либо занимался изучением этой проблемы, наталкивается на ряд объективных трудностей вследствие того, что дистрибуции ряда гласных перекрещиваются. Гласные, в большинстве позиций распределённые дополнительно, оказывается невозможным интерпретировать как аллофоны, поскольку хотя бы в одной из позиций (обычно — в открытом слоге) встречаются оба «аллофона». Пересекающиеся дистрибуции (частично совпадающая эквивалентность) большинства гласных — одна из характернейших особенностей монской фонологии.

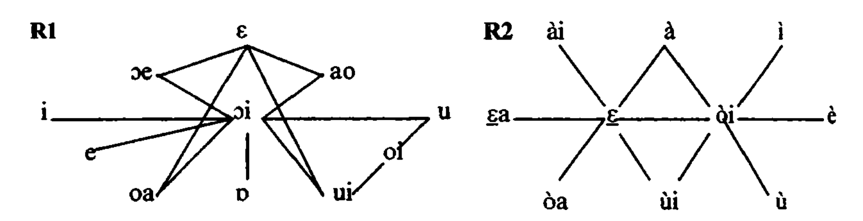
Но еще более примечательно, что многие гласные находятся в дополнительном распределении друг к другу. С точки зрения общей лингвистики «фонетические единицы, никогда не встречающиеся в одинаковом окружении (и поэтому неспособные различать разные слова)», распределены дополнительно и, следовательно, могут рассматриваться как аллофоны [Лайонз 1978 : 126].

Применительно к монскому вокализму общелингвистические критерии «не срабатывают». Обнаруживается, что здесь дополнительно распределены не пары или тройки, а целые группы гласных; таким образом, их дополнительная дистрибуция по отношению друг к другу не даёт оснований для их отождествления. Прежде всего неясно, какой гласный с каким именно другим надо попытаться отождествить.

Х. Л. Шорто отмечает, что дивергенция тембра гласных в различных окружениях, вызванная отчасти междиалектными заимствованиями, оказывает разрушительное воздействие на систему вокализма. Асимметричное распределение гласных не может быть полностью объяснено без привлечения сравнительно-исторических данных. «Обращение к таким понятиям, как "частично пересекающиеся" системы и "частично дополнительное" распределение, как бы оно ни было нежелательно во многих от-

ношениях, оправдывается той мерой, в которой оно позволяет нам интерпретировать факты языка во всем их порядке и беспорядке» [Shorto 1966 : 408].

Весьма сложные отношения комплементарности, существующие между большинством гласных, нагляднее всего можно показать в виде следующей схемы (см. рисунок).

Комплементарность гласных в монском языке

Линии обозначают отношения комплементарности

Интерпретировать эту схему можно так, что комплементарность отношений между гласными не предполагает возможности их отождествления, поскольку такие же отношения у них существуют и с другими элементами системы. Например, гласный [ɒ] распределён дополнительно с дифтонгом [ɔi], однако этот дифтонг находится в таких же отношениях дополнительного распределения ещё с 7 гласными.

Действительно распределёнными дополнительно и притом обладающими фонетическим сходством оказываются только гласные ε̱ и ε̱a (система R2). Гласный ε̱a встречается только в открытом слоге и в предвелярной позиции, в то время как ε̱ — только в преглоттальной позиции. Тем не менее, ввиду явного параллелизма между дистрибуцией ε̱ / ε̱a системы R2 и e / ea системы R1 (где, однако, ea контрастирует с e в открытом слоге: the <thev> 'ломтик' — thea <they> 'злой'; ce <cev> 'бочка, канистра' — cea <cey> 'зоб птицы'; se <sev> 'молоть' — sea <srey> 'губная гармошка') отождествление ε̱ и ε̱a нецелесообразно. Оппозиция e / ea в открытом слоге, по всей видимости, возникла недавно: ни для одного из слов современного языка с

финалью -ea# (графически <ey>) не удалось найти соответствий в древнемонском языке[31].

Примечательно, что в предвелярной позиции централь ea встречается в тех же окружениях, что и ɔi (в R2 аналогичным образом ведут себя ɛ̱a и ȍi), причем все они восходят к <e>. Поскольку дистрибуция этих гласных практически идентична, а в отдельных случаях они выполняют функцию смыслоразличения (peak 'убегать' — pɔik 'разрубать' — графически оба <pek>, wɛ̱aŋ 'избегать' — wȍiŋ 'играть' — графически оба <veṅ>), нет никакой возможности ни для их фонологического отождествления, ни для объяснения различия их тембра позиционной обусловленностью.

Вследствие ограниченной дистрибуции ряда гласных современная система финалей монского языка изобилует «пустыми клетками». Например, монские дифтонги могут занимать лишь от одной (oa, ui) до трех (ɔe, ea, ɛ̱a, ai, oi, ao) позиций[32]. Обилие «пустых клеток» стимулирует желание оптимизировать систему, избавившись одновременно от возможно большего числа «пустых клеток» и от дифтонгов.

Такая попытка была предпринята Х. Л. Шорто в одной из его статей [Shorto 1966]. Здесь предлагается интерпретировать сегменты -ai#, -oi#, -ui# как -aj, -oj, -uj, а сегменты -aik, -aiŋ, -oik, -oiŋ, «ввиду систематического параллелизма и степени фонетического подобия», — соответственно как ac, aɲ, uc, uɲ, что обосновывается тем, что «звуки, транскрибируемые как k, ŋ в сегментах типа -aik, представляют собой продвинутую разновидность, причем продвинутость более заметна в случае с шумными терминалями и достигает максимума в -aik». Предлагается также интерпретировать сегменты -ɔik, -ɔiŋ соответственно как oc, oɲ, рассматривая относительное фонетическое подобие между гласными в -ɔik, -ɔiŋ, с одной стороны, и -ɔe, -ɔeʔ, -ɔeh с другой — как случайное (coincidental) [Ibid. : 402]. Таким образом, финали -oj, -oc, -oɲ

[31] Древнемонскому <ey> (фонологически /ɔj/) в современном языке соответствует дифтонг oa.

[32] Под позициями мы понимаем в этом случае правое окружение централи, которое, как уже отмечалось, оказывает весьма жесткое воздействие на тембр гласного. Всего имеется 5 таких позиций, соответствующих четырем локальным классам терминалей и позиции открытого слога. Подробнее см. в разделе 1.3.2.1

включаются в парадигму ov (т. е. o#) — ok — oŋ — ot — on — op — om.

Дифтонги ea# и oa# Х. Л. Шорто предлагает трактовать как /iɥ/, /uɥ/, хотя неясно, какое фонетическое содержание вкладывается в подобное обозначение. Предлагается также рассматривать сегменты -o и -ao (когда последний контрастирует с -u) как /ov/ и /av/ соответственно. В случае подобной трактовки мы будем иметь дело с частичным совпадением не систем, а подсистем (patterns). В частности, сопоставление пар chao <khyau> 'проклинать' — kəsao <kasau> 'проклятие', chu <khyū> 'писать' — kəsao <kasū> 'письменность' допускает амбивалентную трактовку kəsao как /kəsav/ или /kəsu/.

Однако трактовка ea как /iɥ/, а ao как /av/ у Х. Л. Шорто при иной интерпретации централей eak, aoh, которые он предлагает оставить в стороне, теряет всякий смысл. Вместе с тем интерпретация eak и eaŋ как /ek/ и /eŋ/ соответственно была бы возможной и логичной, если бы та же централь не встречалась в открытом слоге (см. выше).

Х. Л. Шорто отмечает, что в крайних случаях для системы R1 было бы возможным постулировать по две параллельные системы гласных (related sets of vowel systems), более близкие «системам» R2: перед #, ˀ, h — (i) i e a з ɔ u, (ii) ɔe e a ɒ ɔ ao; перед дентальными и лабиальными — (i) i e a ɒ ɔ o u, (ii) e ɛ a ɒ ɔ o; перед j — (i) a o u, (ii) a o [Shorto 1966 : 407].

Четыре пары (i/ɔe, ɛ/a, з/o, u/ao) имеют «весьма ограниченную различительную способность (oppositive value)», а встречаемость членов каждой пары «в значительной степени предсказывается предвокальным согласным» [Ibid. : 404].

По наблюдениям Х. Л. Шорто, «звуки, о которых идёт речь, контекстуально не дифференцированы»: i/ɔe — в одном случае, i/ɛ — в одном случае, ɛ/a — в одном случае, з/o — в одном случае, u/ao — в пяти случаях, в том числе в трёх случаях перед ˀ, h: hi <hī> 'плыть' — hɔe <snī> 'терять сознание', cɛˀ <ca> 'есть' — caˀ <ca> 'начинать делать *что-л.*', chз <chuiv> 'встречать' — chɒ <khyuiv> 'гнилой', nuh <pnoh> 'рогатка' — naoh <knuh> 'черепаха' и т. п. Имея дело с дистрибуцией этих гласных, по мнению Х. Л. Шорто, «иногда удобно говорить о конкретной последо-

вательности, как о «нормальной» и искать особых объяснений для тех немногих слов, которые от этой нормы отклоняются» [Ibid.: 404].

Отмечается, что большинство исключений из правил в том или ином отношении «подозрительны»: часть из них заимствована, другая представляет собой повторы, для которых характерен ассонанс и выравнивание по аналогии (analogical levelling), третья — произвольную деформацию, четвертая может быть объяснена диахронически, с использованием понятия морфонемы [Ibid.: 405–406]. Формулировать подобные факты в терминах чередующихся систем не невозможно, но это была бы чересчур длительная процедура. Как бы то ни было, в ходе фонологического описания Х. Л. Шорто считает полезным постулировать две полярные системы гласных в определённых окружениях, где имеет место их частичное совпадение (overlap) [Ibid.: 407].

Полностью «избавиться» от дифтонгов Х. Л. Шорто не удалось: остались еще ɔe и aɔ (а также ea и e̠a?), которые встречаются не только в открытом слоге, но и в других окружениях.

Описанный подход к монскому вокализму имеет следующие практические результаты. За счёт «избавления» от 5 дифтонгов (ai, ɔi, oi, oa, ui) минимизируется количество фонем, что, несомненно, удобно для описания языка. Но одновременно вводится *столько же* новых терминалей (c, ɲ, v, j, ɥ), среди которых одна (ɥ) представляет собой фонему, новую для описываемой фонологической системы.

Уменьшилось ли количество «пустых клеток» и стала ли описываемая система более оптимальной?

Исходя из системы I [Shorto 1962], мы имели 18 централей и 9 терминалей, включая нулевую, итого 162 клетки, заполненные на 58%. По новой системе II [Shorto 1966] мы получаем 13 централей и 14 терминалей, что даёт 182 клетки, наполнение которых составляет около 52%. Если же производить подсчёт для каждого регистра отдельно, то разница в количестве заполненных клеток в системах I и II еще более возрастет. Таким образом, мы не получили более компактной системы.

Известно, что экономия фонетических средств объективно присуща фонологическим системам языков или, во всяком случае, существует в них в виде тенденции (ср. [Мартине 1960]). Экономия

фонологического описания — принцип желательный, но не непреложный: фонологическое описание не может (не должно?) быть экономнее фонологической системы, являющейся его предметом.

2.4.2. Система терминалей (Консонантизм II)

Как уже было сказано, система терминалей монского языка, помимо нулевой терминали (-#), включает 8 согласных: p, m, t, n, k, ŋ, ˀ и h. Фонетическая особенность терминалей, по сравнению с соответствующими инициалями, заключается в их имплозивности.

Большинство терминалей монского языка (p, m, t, n, k, ŋ) широко представлены в различных СЯ ЮВА — вьетнамском, мон-кхмерских, тайских, поэтому не нуждаются ни в обосновании ни в подробном описании.

«Глоттальные» терминали — ˀ и h — встречаются главным образом в мон-кхмерских языках, хотя их фонологический статус может быть в разных языках различным. Если, например, в кхмерском конечная ГС (ˀ) — позиционный аллофон терминали k, то в монском это самостоятельная терминаль. Как и в кхмерском, ГС способна занимать позицию терминали и при этом не сочетается с другими конечными согласными. Но, во-первых, несмотря на «частично дополнительное» распределение с терминалью k, в определённых контекстах (после a, ɔ в R1 и после ɜ̱, ɔ̀ в R2) они контрастируют: chak <chuik> ‘близкий’ -- chaˀ <cha> ‘только’, pɔ̀k <ɓok> ‘группа’ — pɔ̀ˀ <ɓa’> ‘горб буйвола’. Во-вторых, в отличие, например, от бирманского, где конечную ГС рассматривают иногда как признак 4-го тона, монская терминаль ˀ не специфична ни для одного из регистров: kleˀ <kleṁ> ‘покидать’ (R1) — klèˀ <gleṁ> ‘короткий’ (R2), ciˀ <ci> ‘много, полный’ (R1) — cìˀ <gyi> ‘яд’ (R2). И, наконец, в-третьих, ГС — это не признак краткого гласного в открытом слоге: sɒ <suiv> ‘овца’ — sɒˀ <sroṁ> ‘рис на корню’, mɔ̀ <mū ~ mov> ‘увеличиваться’ — mɔ̀ˀ <mu ~ mū> ‘что’.

В отличие от ГС в начальнослоговой позиции, её способность функционировать в отдельных языках в качестве терминали (монский) или аллофона какой-либо другой терминали (кхмерский), или быть просто элементом просодики (как в ауслауте открытых

слогов с краткими гласными в тайских языках) — не специфична для СЯ и нерелевантна для их *типологии*: если присутствие ГС в начале слога позволяет сделать типологически важное утверждение о том, что минимальная структура слога в СЯ — CV, то наличие ГС в конце слога ни в коем случае не даёт оснований утверждать, что в СЯ не существует открытых слогов. ГС здесь — просто одна из терминалей — там, где она фонологична, или просодическая характеристика слога — там, где она представляет собой чисто фонетическое свойство.

Тем не менее вышесказанное имеет одно очень важное фонологическое следствие. Контрастируя, по крайней мере в монкхмерских языках, с нулевой терминалью (т. е. отсутствием всякой терминали вообще), ГС, очевидно, и в начальнослоговой позиции не должна отождествляться с нулевой инициалью.

Все без исключения терминали представлены в обоих регистрах. Частотность терминалей ОС обоих регистров (в смысле количества слогов, в состав которых эти терминали входят) примерно одинакова. Наибольшей частотностью обладают ОС с велярными терминалями -k и -ŋ (соответственно 29% в R1 и 27% в R2). Далее следуют ОС с нулевой терминалью (соответственно 22% и 21%). За ними идут дентальные терминали -t и -n (соответственно 18% в R1 и 19% в R2). На ОС с «глоттальными» терминалями -h и -ˀ в R1 приходится примерно 17%, в R2 — более 20%. На последнем месте по частотности в ОС обоих регистров находятся лабиальные терминали -p и -m (около 12%).

В R2 несколько выше относительная частотность терминали ˀ (11%, четвертая позиция, в то время как в R1 — шестая), этим и исчерпывается различие. Высокая частотность нулевой терминали (напомним, практически не использовавшейся в древнемонском языке) объясняется тем, что она возникла на месте *нескольких* древнемонских терминалей: -j, -r, -l и -w. Как уже отмечалось, в написании некоторых слов сохраняются непроизносимые согласные: <r>, <l>, <v>. Графическая терминаль <v> при определённых гласных в современном языке служит для обозначения фонологически открытого слога, иногда влияя на тембр предшествующего гласного.

В разделе о монском вокализме мы уже касались темы палатальных терминалей в связи с фонологической интерпретацией

дифтонгов. Уместно подробнее рассмотреть, насколько целесообразна интерпретация финалей с дифтонгами ai, ɔi, oi и нулевыми и велярными терминалями как последовательностей простых гласных с палатальными терминалями, с включением их в соответствующие парадигмы[33].

Постулирование палатальных терминалей в описываемом диалекте, возможно, стимулируется наличием их в некоторых других диалектах, например, в паккретском (Центральный Таиланд) [Sakamoto 1974; 1976][34]. Однако фонологическая система паккретского диалекта далеко не идентична той, которую описывает Х. Л. Шорто и на которой строится наша работа. В то время как, по замыслу Х. Л. Шорто, финали с палатальными завершениями должны восполнить лакуны рядов /a, o, ɯ/, у Сакамото соответствующие финали восполняют ряды /a, ɒ, ɜ/, причем гласный /ɒ/ представлен также и в R2 (только перед палатальными терминалями). По-видимому, существенно, что в паккретском финали -ak, -aŋ на письме обозначаются как <ak, aṅ>, а не <uik, uiṅ>, что означает, что для создания парадигмы финалей с палатальными терминалями здесь имеются диахронические предпосылки. В моулмейн-

[33] По свидетельству Ф. Хаффмана аналогичная попытка была предпринята в отношении кхмерского языка Р. Носсом [Noss 1959]: «Велярные /ŋ/ и /k/ располагают сильно продвинутыми аллофонами <...> после /ii ee ae/. Поскольку оппозиции /ñ : ŋ/ и /c : k/ нейтрализуются после этих трех гласных (артикуляция является фонетически промежуточной), их можно рассматривать и как /ñ/ и /c/». Однако, как считает Ф. Хаффман, «поскольку /ñ/ и /c/ не встречаются после многих других гласных, по-видимому, их дистрибуция вообще является ущербной. Между тем, если относить носовой аллофон, встречающийся после /ii ee ae/ к /ŋ/ (а гоморганный шумный к /k/), тогда дистрибуция /ŋ/ будет относительно полной». О том, что речь идет именно о /k/, а не о /c/, свидетельствуют примеры с удвоенным [k], например, в слове [ʔaekkəriəc] <ekaraj> 'независимость' [Huffman 1967 : 20–21]. Аналогичные примеры есть и в монском: pərɔ̀ikkəsɒ <marekkasuiv> '9-й лунный месяц' (от *санскр.* marga-śirsa; объяснение удвоенного k через палийскую форму было бы, возможно, убедительнее, но оно невозможно из-за наличия r).

[34] В паккретском диалекте отмечаются палатальные терминали c, ɲ и j. В описываемом нами диалекте им соответствуют терминали k, ŋ и # при централях ai или oi: pac 'делить' — paik <pāk>, prac 'спасать' — praik <prāk>, kwaɲ 'сладкая выпечка' — kwaiŋ <kwāṅ>, kraɲ 'спиливать (напильником)' — kraiŋ <krāṅ>, tɑɲ 'остолбенеть' — tɔ̀iŋ <deṅ>; plaj 'растворять' — plai <plāy>, phaj 'сторона' — phai <phāy> и т. п. В позиции после [ə] (т. е. [ɜ]) возможна также терминаль w, хотя примеров с такой терминалью не приводится [Sakamoto 1974].

мартабанском диалекте, описываемом Х. Л. Шорто, таких предпосылок нет.

Примечательно, что ни в предыдущих, ни в последующих работах Х. Л. Шорто подобная интерпретация вышеназванных финалей не используется.

2.4.3. Сочетаемость элементов слога

Звуки, занимающие разные позиции в слоге, представляют собой разные структурные элементы слога и соответственно относятся к разным позиционным классам. Сочетаемость элементов слога, относящихся к разным позиционным классам, неодинакова: в одних случаях допускается полная свобода комбинаторики, в других — имеются более или менее ярко выраженные ограничения. Поскольку главная граница, которую можно провести в слоге, проходит между инициалью и финалью, рассмотрение этого вопроса следует начать с финали (о структуре и комбинаторике компонентов инициалей см. раздел 2.3.2).

2.4.3.1. Сочетаемость централей с терминалями

Х. Л. Шорто отмечает, что «возможности встречаемости гласных подвержены значительному варьированию в зависимости от природы как предшествующих, так и следующих за ними согласных <...> Ограничения наиболее велики в отношении поствокального согласного» [Shorto 1966 : 400].

Исходя из сказанного в разделах 2.4.1–2.4.2, систему монских финалей можно представить в табл. 15 на с. 134.

Сочетаемость централей с гоморганными терминалями, как правило, идентична. Монские гласные по их сочетаемости с терминалями можно разделить на 7 (в R2 — 6) классов дистрибуции.

I — гласные с неограниченной свободой дистрибуции; II — гласные, сочетающиеся со всеми терминалями, кроме k, ŋ; III — гласные, встречающиеся только перед #, k, ŋ; IV — гласные, сочетающиеся со всеми терминалями, кроме ˀ, h; V — гласные, встречающиеся только в открытом слоге; VI — гласные, сочетающиеся со всеми терминалями, кроме нулевой; VII — гласные, встречающиеся только перед #, ˀ, h.

Таблица 15. **Система финалей современного монского языка**

R1	Терминали									R2	Терминали								
	#	ʔ	h	k	ŋ	t	n	p	m			#	ʔ	h	k	ŋ	t	n	p	m
ɔe	+	+	+	–	–	–	–	–	–		_	–	–	–	–	–	–	–	–	–
i	+	+	+	–	–	+	+	+	+		ì	+	+	+	–	–	+	+	+	+
e	+	+	+	–	–	+	+	+	+		è	+	+	+	–	–	+	+	+	+
ea	+	–	–	+	+	–	–	–	–		ɛ̲a	+	–	–	+	+	–	–	–	–
ɛ	–	+	–	+	+	+	+	+	+		ɛ̲	–	+	+	–	–	–	–	–	–
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+		à	+	–	–	+	+	+	+	–	–
ai	+	–	–	+	+	–	–	–	–		ài	+	–	–	+	+	–	–	–	–
ɒ	+	+	+	–	–	+	+	+	+		_	–	–	–	–	–	–	–	–	–
ɜ	+	–	–	+	+	–	–	–	–		ɜ̲	+	+	+	+	+	+	+	+	+
ɔ	+	+	+	+	+	+	+	+	+		_	–	–	–	–	–	–	–	–	–
ɔi	–	–	–	+	+	–	–	–	–		_	–	–	–	–	–	–	–	–	–
o	+	–	–	+	+	+	+	+	+		ɔ̀	+	+	+	+	+	+	+	+	+
oi	+	–	–	+	+	–	–	–	–		ɔ̀i	–	–	–	+	+	–	–	–	–
oa	+	–	–	–	–	–	–	–	–		ɔ̀a	+	–	–	–	–	–	–	–	–
ao	+	+	+	–	–	–	–	–	–		_	–	–	–	–	–	–	–	–	–
u	+	+	+	–	–	+	+	+	+		ù	+	+	+	–	–	+	+	+	+
ɯi	+	–	–	–	–	–	–	–	–		ɯ̀i	+	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. Порядок следования гласных в каждом регистре тот же, что в [Shorto 1962].

Отдельные гласные, одинаковые по тембру и различающиеся только регистром, имеют в слогах разных регистровых систем совершенно различную дистрибуцию. Так, абсолютной свободой дистрибуции в R1 обладают централи а, ɔ, в R2 употребление гласного а ограничено предвелярной и преддентальной позициями. Напротив, в R2 максимальной степенью свободы обладают централи ɔ̀, ɜ̲, однако в R1 соответствующие гласные имеют некоторые (а в случае с ɜ — даже значительные) дистрибутивные ограничения.

Классы дистрибуции централей (табл. 16), по-видимому, каким-то образом связаны с высотой подъёма гласного, однако эта связь — нежёсткая. Например, узкие гласные i, e, u в обоих регистрах не сочетаются с велярными терминалями. Но так же точно ведёт себя и гласный ɒ.

Таблица 16. **Классы дистрибуции финалей**

R1		Терминали (–C)					R2		Терминали (–C)				
Кл.	V	#	ʔ, h	k, ŋ	t, n	p, m	Кл.	V	#	ʔ, h	k, ŋ	t, n	p, m
I	a, ɔ	+	+	+	+	+	I	з̱, ò	+	+	+	+	+
II	i, e, u, ɒ	+	+	–	+	+	II	ì, è, ù	+	+	–	+	+
III	з, ea, ai, oi; ɔi (?)	+	–	+	–	–	III	ε̱a, ài; òi (?)	+	–	+	–	–
IV	o	+	–	+	+	+	V	a	+	–	+	+	–
V	oa, ɯi	+	–	–	–	–	IV	òa, ùi	+	–	–	–	–
VI	ε	–	(+)*	+	+	+	VI	ε̱	–	+	–	–	–
VII	ɔe, ao	+	+	–	–	–		–	–	–	–	–	–

Примечание. * ε в R1 не сочетается с терминалью h.

Дифтонги /ɔi/ (R1) и /òi/ (R2), вероятно, следовало бы выделить в особые классы, так как в открытом слоге они не отмечены. Однако возможно, что дело в крайне редкой встречаемости этих централей в этой позиции: в R1 мы также находим лишь единственный пример с дифтонгом /oi/ в открытом слоге, хотя и весьма высокочастотный (poi <puiy> ‘мы’).

В R1 отсутствует централь ε̱a, и соответственно финали с этим гласным — ε̱a#, ε̱ak и ε̱aŋ; отсутствуют также финали εʔ, εh, зʔ, зh, зt, зn, зp, зm, oʔ, oh, поскольку дистрибуция гласных ε, з, o не допускает подобных сочетаний, нормальных для R2.

В R2 отсутствуют централи ɔe, ea, ɒ, ɔ, ɔi, ao и соответственно финали, содержащие эти гласные: ɔeh, eak, ɒt, ɔn, ɔiŋ, aoh и т. п. Нет в них и финалей εk, εŋ, εt, εn, εp, εm; a, aʔ, ah, ap, am, в отличие от R1, поскольку дистрибуция гласных ε и a в R2 более ограничена.

Различие в частотности централей в ОС R1 и R2 довольно значительно. Так, для R1 наиболее распространёнными централями являются a (18%), ɔ (15%), ɒ (8%), e (7,5%), o (7%). Для R2 наиболее типичны централи ò (20%), з̱ (13%), à и ù (по 9%), ε̱a и è (по 8,7%). Наименьшей частотностью характеризуются дифтонги ɔi, ɔe, ɯi. Частотность централей и соответственно финалей для мон-

ского языка не имеет самостоятельного значения, так как это производная от частотности инициалей и терминалей, имеющих определяющее значение для тембра гласного.

2.4.3.2. Сочетаемость инициалей с финалями

Сравнительно большое количество инициалей (простых и кластерных) и финалей в мон-кхмерских языках по сравнению с «классическими» СЯ делает более удобным и компактным описание их сочетаемости (совместимости) на более низком уровне анализа, в связи с чем сочетаемость инициалей со структурными элементами финалей будет рассмотрена отдельно.

Совместимость инициалей с терминалями разных локальных и модальных классов не обнаруживает в монском языке каких-либо ограничений или запретов. Речь может идти только о предпочтительности (или большей распространённости) тех или иных комбинаций, причем «предпочтительность» связана главным образом с общей распространённостью в языке тех или иных типов инициалей и терминалей.

Так, наиболее распространённый локальный тип инициалей монского языка — дентальные инициали (33%), а наиболее распространённый тип терминалей — велярные (28%). Соответственно комбинации дентальных инициалей и велярных терминалей встречаются чаще других (в 10% слогов). Самый редкий тип инициалей — «глоттальные» (около 6%) и самый редкий тип терминалей — лабиальные (13%) образуют и наименьшее количество слогов (около 1%). Можно особо подчеркнуть отсутствие запретов на сочетаемость гоморганных инициалей и терминалей, что существенно отличает их от элементов кластерных инициалей.

То же наблюдение относится и к модальным классам согласных. Среди модальных классов инициалей преобладают смычные (57%), которые также преобладают и среди терминалей (40%). Соответственно комбинации смычных инициалей и терминалей встречаются в наибольшем количестве слогов (22%). Наименее распространённый модальный тип инициалей — фрикативные (7%). К этому же типу относятся и наименее распространённые терминали (около 9%). Их комбинации образуют и наименьшее количество слогов — 0,6%.

Совместимость инициалей с централями (и соответственно — с финалями в целом) — более избирательна. Отчасти эта тема уже затрагивалась, когда речь шла о том, что каждая регистровая система располагает собственным набором инициалей и централей. Напомним, что, например, инициали ʔ, d, hɲ, hl, phj, phr, khr, khl, khw имеются только в системе R1 и соответственно не могут сочетаться с централью, специфичной для системы R2 (ɛa) и с финалями, представленными только в системе R2 (ɛh, ɜt, oh и т. п.; см. раздел 2.4.3.1).

Однако ограничения на сочетаемость инициалей с централями (и финалями) касаются не только принадлежности тех или иных системе определённого регистра. Так, в системе R1 наложен запрет на сочетаемость кластерных инициалей типа «C + h», а также инициалей b, d, ʔ и некоторых других с гласным ɔe, а кластеров типа «h + сонант» с гласными i, ɒ. Кластеры типа «p + сонант» не сочетаются с гласными i и ui; с последним не сочетаются также все непридыхательные носовые инициали.

В системе R2 существует запрет на сочетаемость кластерных инициалей типов «C + h» и «h + сонант» с гласным ui, а также инициалей типа «h + сонант» с гласными e и a. Наличие большинства других лакун в этой системе может объясняться как неочевидной закономерностью, так и случайностью. Например, инициали th, ch, kh не сочетаются с гласными i, ɛ, oi и oa, однако ph — сочетается (что, вероятно, связано с префиксальным происхождением начального p).

Чем сложнее состав инициалей, тем больше ограничений на их сочетаемость с гласными. Так, из трехкомпонентных инициалей только phj обладает более или менее свободной дистрибуцией (опять-таки, вероятно, по причине префиксального происхождения начального p). Сочетаемость остальных кластеров этого типа ограничена небольшим набором простых гласных — e, ɛ, a, ɔ, u.

Дистрибуция отдельных гласных зависит одновременно и от левого окружения (инициалей), и от правого (терминалей). Так, при инициалях, содержащих n (n-, hn-) a не встречается перед велярными терминалями, а з — в других контекстах [Shorto 1966 : 402][35].

---

[35] То же касается ПС на kən-, hən- и т. п.

2.5. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ СЛОГА

Элементы слога в СЯ, включая суперсегментные характеристики — тон или регистр, тесно взаимосвязаны, хотя в разных языках в неодинаковой степени.

По-видимому, в наименьшей степени взаимосвязаны элементы слога современного китайского языка, однако и здесь взаимозависимость проявляется в дистрибутивных ограничениях на сочетаемость инициалей и финалей.

В таких языках, как бирманский, вьетнамский, тайский, «как правило, все [начальнослоговые] согласные и все гласные сочетаются друг с другом почти без ограничений. Отсутствие того или иного сочетания <...> скорее случайно, чем обусловлено системой» [Морев 1991 : 46]. В бирманском ограничения имеются только в отношении медиализированных финалей [Златоверхова 1966 : 20].

В тайском, в отличие от вьетнамского и бирманского, инициаль влияет на выбор тона, при этом существенно, является ли слог незакрытым («живым») или закрытым («мертвым»), т. е. оканчивающимся на глухой смычный [Морев 1991 : 41-42]. Закрытость слога — наличие глухой смычной терминали — существенна и для вьетнамского: в этом случае возможны только 2 тона из шести [Гордина, Быстров 1984 : 173].

На этом фоне мон-кхмерские языки в некоторых отношениях весьма подобны другим языкам Индокитая, однако имеют и свои особенности.

В мон-кхмерских языках, как и в тайских, инициаль слога (точнее, её этимологическая глухость или звонкость) релевантна для просодической характеристики слога. Этимологически глухие требуют R1, а этимологически звонкие — R2.

В отличие от тайского и вьетнамского терминаль слога в мон-кхмерских языках не оказывает влияния на просодику. Можно сказать иначе: в отличие от тона регистр не зависит от структуры слога и качества терминали. Таким образом, закрытость слога как таковая нерелевантна для просодических характеристик монского слога. Зато, в противоположность тайскому, характер терминали (т. е. место её образования) оказывает здесь определяющее воздействие на тембр гласного (фактически — на выбор централи) — в

большей степени в монском, в меньшей — в кхмерском. При этом воздействие гоморганных носовых и неносовых терминалей одинаково.

На одни и те же гласные в системах каждого из двух регистров терминали влияют по-разному: каждая система располагает собственным, количественно и качественно различным, инвентарем финалей и, следовательно, слогов. Поэтому, если, например, в китайском любой слог (а во вьетнамском, бирманском и тайском — любой «незакрытый» слог) может в принципе произноситься в любом тоне, то в монском возможность произнесения слога определённого звукового состава в определённом (часто — только в одном) регистре задана изначально.

По сравнению с бирманским и тайским, не говоря уже о китайском, инвентарь слогов в мон-кхмерских языках гораздо шире, что связано с бóльшим разнообразием слоговых структур и бóльшим набором инициалей, централей и терминалей. Однако в системах финалей (и соответственно в системах слогов) имеется большое количество «пустых клеток», что свидетельствует, во-первых, о значительной избирательности поведения инициалей и финалей по отношению друг к другу, во-вторых, — о нереализованности значительного слогового потенциала.

Зависимость элементов монского слога — разнопланова и разнонаправленна. В значительной мере она относится к сфере диахронии.

Механизм взаимовлияния элементов слога друг на друга мы представляем следующим образом. Серия инициали (т. е. фактически — этимологическая глухость / звонкость) определяет регистр слога (но, строго говоря, в синхронном плане регистр — это данность: серия согласного отражена только на письме, фонетически и фонологически пары коррелирующих начальных согласных идентичны). Принадлежность слога определённому регистру диктует выбор финали из определённой системы — R1 или R2. Этимологическая централь, в свою очередь, подвергается воздействию терминали, при этом обычно происходит чередование гласных, обусловленное принадлежностью терминали тому или иному локальному классу. Таким образом, часть позиций в парадигме этимологической централи освобождается за счёт перераспределения отдельных групп слогов в парадигмы с другими централями. Осво-

бодившиеся «пустые клетки» иногда восполняются слогами с гласными или конечными согласными иного происхождения.

Сказанное проиллюстрируем табл. 17.

Таблица 17. **Взаимозависимость элементов слога**

C_1	R	<v>	V		C_2	Примеры	Перевод
k<k>	→ R1	+<a> →	ɛ	←	k, ŋ	kɛŋ <kaṅ>	‘медный гонг’
			ɔ	←	# <v>, t, n, p, m	kɔ <kav>	‘ломаться’
			a	←	ʔ <#>, h <ḥ>	kah <kaḥ>	‘брить’
k<g>	→ R2	+<a> →	ɛ̱	←	ʔ <#>, h <ḥ>	kɛ̱h <gaḥ>	‘говорить’
			ɔ̀	←	# <v>, t, n, p, m	kɔ̀ <gav>	‘красивый’
			ɛ̱a	←	k, ŋ	kɛ̱aŋ <gaṅ>	‘зацепиться’

Примечания.
C_1 — инициаль; R — регистр; <v> — графическая централь;
V — фонологическая централь; C_2 — терминаль; → направление влияния

Таким образом, в системах обоих регистров слоги с велярными и «глоттальными» терминалями выпали из парадигмы слогов с централями ɔ / ɔ̀ <a>.

Однако парадигма в этом случае полностью восстановилась, при этом для графического изображения новых слогов были использованы аллограммы терминалей ʔ <’> и h <h> в преглоттальной позиции или новый знак гласного <å> в предвелярной (табл. 18).

Таблица 18. **Восстановление парадигмы централей**

C_1	R	<v>	V		C_2	Примеры	Перевод
k<k>	→ R1	+ <å> →	ɔ	←	k, ŋ	kɔk <kåk>	‘разминать’
		+ <a> →	ɔ	←	ʔ <’>, h <h>	kɔh <kah>	‘сухой’
k<g>	→ R2	+ <a> →	ɔ̀	←	ʔ <’>, h <h>	kɔ̀h <gah>	*частица*
		+ <å> →	ɔ̀	←	k, ŋ	kɔ̀k <gåk>	‘хромой’

В плане синхронии взаимозависимость элементов слога друг от друга проявляется главным образом в запрете на сочетаемость, с одной стороны, ряда централей и терминалей, с другой — инициалей и финалей, относящихся к системам разных регистров (см. раздел 2.4.3).

Глава 3
СИНХРОНИЯ: ФОНОЛОГИЯ СЛОВА (МОРФОНОЛОГИЯ)

3.0. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этой главе мы определяем морфонологию как *фонологию слова*, а её предмет — как исследование фонологического взаимодействия морфем в пределах слова. В мон-кхмерских языках словоизменительная морфология — морфология в традиционном индоевропейском понимании — отсутствует, однако определённые приёмы словообразования все же имеются. Поэтому процессы, происходящие на пересечении фонологии и морфологии, и здесь нуждаются в научном осмыслении.

Это обстоятельство, а также факт практически полного отсутствия альтернации морфем, подобной той, которая существует в языках с развитой морфологией, позволяет нам рассматривать морфонологические процессы монского языка в составе фонологии.

Как полагают специалисты, «отправным пунктом морфонологического анализа являются сведения, полученные при классификации и отождествлении морфем изучаемого языка» [Кубрякова, Панкрац 1983 : 20].

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

В монском языке мы различаем следующие типы морфем, начиная с простейших.

Тип I — *консонантные аффиксы*, означающие которых «короче» фонологического слога: а) инфиксы -m-, -n-, -r-, -w-; б) префикс p-.

Для современного языка они непродуктивны и выделяются в сравнительно небольшом количестве слов: 13, 31, 8, 34 и 34 соот-

ветственно. Этот тип морфем не характерен для СЯ как таковых, хотя имеет достаточно широкое распространение в мон-кхмерских языках.

Тип II — *гласносодержащие аффиксы*: а) вокалический аффикс (инфикс -ə-); б) префиксы типа Сə- (h̲ə-, k̲ə-, pə-, ʔə-, tə-).

Основание для их объединения в один тип состоит в том, что по форме они — пресиллабы или (в случае с инфиксом -ə-) централи пресиллабов.

Тип III — *односложные морфемы (слогоморфемы)* — знаменательные и служебные, практически эквивалентные знаменательным и служебным словам — ОС.

Тип IV — *полуторасложные морфемы* — материал диахронически производных слов, утративших связь с исходными морфемами (сами эти морфемы могли исчезнуть из языка). Так, среди основных слогов ПС мы обнаруживаем 303 слога в R1 и 82 слога в R2, не употребляющихся в качестве ОС. Сюда же мы относим заимствованные морфемы соответствующей структуры. Те и другие — неэтимологизируемы с точки зрения синхронии, следовательно и морфологически нечленимы.

Тип V'— *многосложные морфемы* — из двух и более полных слогов, лишённых семантики. Как правило, они представляют собой заимствованные слова, пусть даже не воспринимаемые как таковые.

3.2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СЛОВ

Лексика монского языка делится на два больших, примерно одинаковых по количеству, класса — односложных слов (ОС) и «полуторасложных» слов (ПС)[1].

Большинство ОС состоит из морфем типа III, т. е. представляет собой типичную единицу СЯ — *слогоморфему*: sɜŋ <suṅ> 'пить', sa <sā> 'расстилать'. Относительно небольшая часть монских ОС представляет собой комбинацию морфем типов I и III: h̲wɜŋ <svuṅ> 'напиток' (от sɜŋ 'пить' + инфикс -w-), h̲n̲a <snā, n̲h̲ā> 'циновка' (от sa 'расстилать' + инфикс -n̲-). Это производные слова, означающим которых выступает слог. Ввиду наличия

[1] О термине ПС см. подробнее сн. 33 во введении, на с. 34–35.

консонантных аффиксов такой слог, состоящий из двух морфем, нетипичен для СЯ, но довольно характерен для мон-кхмерских языков. От общего числа слов, содержащихся в [Shorto 1962], ОС составляют 49% (2272 слова), из них не менее 120 производных.

ПС разнообразны по морфологической структуре, но, независимо от происхождения, имеют общую фонологическую модель: пресиллаб + основной слог. С точки зрения морфологии ПС — это одноморфемные (тип IV) и двухморфемные слова, представляющие собой комбинации морфем типа III с морфемами типа I или II: а) собственно монские производные kəpaik <lapāk> 'сторона, часть' (префикс kə-), həwòh <ɓvah> 'чтение' (от pòh 'читать', инфикс -w-), kəlo <kalov> 'морить голодом' (инфикс -ə-) и непроизводные pəlɛk <palak> 'пот', pəsan <pasān> 'жара'; б) бирманские заимствования kəre <carev> 'чиновник' (от *бирм.* <cāre:>), kəwɛk <kavak> 'половина' (от *бирм.* <tavak>); в) санскритско-палийские заимствования ˀətoik <'atīk> 'прежние времена' (от *инд.* atīte), kəwɔeˀ <k(a)vi> 'стихи' (от *инд.* kavi), hənòik <b(a)nik> 'торговля' (от *инд.* vaṇijya) и т. п.

ПС составляют 43% (2001 слово) лексики, содержащейся в указанном словаре.

Остающиеся 8% (361 слово) приходятся на многосложные слова, главным образом заимствования из индоевропейских языков: ˀutaoˀ <utu> 'время года' (*инд.* uṭu), ˀəphìˀthàn <'abhidhān> 'словарь' (*инд.* abhidhāna), tɛkkəsɒ <takkasuiv> 'университет' (*инд.* takkasilā), nɜ̱wèmpà <nuivenpā> 'ноябрь' (*англ.* November), sikəret <sīkaret> 'сигарета' (*англ.* cigarette). Встречаются среди них и бирманские заимствования, которые, в свою очередь, могут быть заимствованы из других языков или представлять собой «гибридные заимствования», состоящие частично из бирманских, частично из заимствованных морфем: thɔpat <thavbāt> 'масло' (от *бирм.* thobaˀ <thopat>), mìjətha <mīyathā> 'железная дорога' (от *бирм.* mijɛtha <mī:rathā> ← *собств. бирм.* mi + *инд.* ratha).

Сложные слова собственно монского происхождения как с фонологической, так и с грамматической точки зрения можно рассматривать как сочетания ОС, поэтому они не образуют особого типа и не нуждаются в специальном морфонологическом анализе.

Незначительную их часть составляют так называемые повторы — собственно монские образования, построенные по принципу частичного или полного созвучия слогов и содержащие асемантические элементы.

3.3. ФОНОЛОГИЯ ОДНОСЛОЖНОГО СЛОВА

Фонология ОС в целом тождественна фонологии слога, описанной в главе 2. Частности касаются, с одной стороны, различий в количественном и качественном составе ОС, входящих в разные регистровые подсистемы, и, с другой, различий между ОС и основными слогами ПС, о чем подробнее сказано в разделе 3.4.1.

В R1 наиболее частотны по количеству образуемых слогов инициали c (57), s (54), k (52), ɗ (52), t (51), ch (49), p (47), kl (44), ˀ (42), kr (42), th (38), h (35), kh (32), ɓ (30), pr (30). В R2 наиболее употребительны инициали l (45), t (38), c (38), p (37), m (37), r (37), k (36), kl (33), n (30), j (30), kr (30), w (27)[2].

Как показывают приведённые цифры, общая особенность ОС — это преобладание в обоих регистрах смычных инициалей p, t, c, k, а также kr и kl. Особенность ОС в R1 — высокая частотность инициалей в виде спирантов s и h, преглоттализованных ɗ и ɓ, гортанной смычки ˀ, аспирированных ch, th, kh. Особенность ОС в R2 — высокая частотность сонантных инициалей l, m, r, n, j, w и отсутствие слов с инициалями ˀ, ɗ, ʃ, hɲ, hl, а также с трехместными кластерами phj, khr, khl, khw. Сравнительно высокий процент сонантных инициалей в ОС R2 объясняется тем, что сонанты принадлежат ко второй серии согласных, требующих употребления R2 (хотя имеются исключения). Среди ОС нет слов с инициалью phr, которая встречается только в ПС R1.

3.4. ФОНОЛОГИЯ «ПОЛУТОРАСЛОЖНОГО» СЛОВА

«Полуторасложные слова» (сесквисиллабы, ПС) весьма типичны для многих мон-кхмерских языков. Они не являются ни ОС, ни в полной мере двусложными словами, а представляют собой

---

[2] В скобках приведено количество примеров из общего числа ОС 1554, в том числе 968 в R1 и 586 в R2 (без учета омонимов).

сочетания пресиллабов (неполных, слабых, безударных, младших слогов, minor syllables) с моносиллабами (основными, полными, ударными, сильными, старшими слогами, major syllables). По выражению Джейкоб, ПС свойственно «ямбическое строение» (iambic construction) [Jacob 1963 : 67], т. е. безударный слог всегда предшествует ударному[3].

Значительный процент ПС состоит, отвлекаясь от исторической грамматики, из незначимых (асемантических) элементов, которые, вопреки представлениям о слоге в СЯ (и, в частности, в мон-кхмерских языках) как о значимой единице, лишены какого бы то ни было значения. Например, отмечается, что в кхму «далеко не все неполные слоги являются префиксами, и невозможно делить слова на корни и аффиксы (с помощью фонологических критериев)» [Svantesson 1983 : 36].

Обычно для характеристики ПС считается достаточным указать на существование двух типов слогов — полного и неполного. При этом в разделах о ПС структуру и звуковой состав полного слога уже не обсуждают, полагая, что они идентичны или, во всяком случае, имеют лишь незначительные отличия от структуры и состава ОС (напр., [Huffman 1967]). Между тем, по крайней мере в некоторых мон-кхмерских языках, включая и монский, разница оказывается довольно существенной.

3.4.1. Однослог в составе «полуторасложных слов»

Однослоги в мон-кхмерских языках — это обычно слогоморфемы и могут функционировать в качестве самостоятельных слов. Однако однослоги, входящие в состав ПС, нередко не обладают такой способностью, не будучи слогоморфемами.

Как правило, ПС представляют собой производные слова, образованные с помощью префиксов или инфиксов. В первом случае

---

[3] Мон-кхмерским языкам, где отсутствует музыкальное ударение, динамическое ударение, по-видимому, не «противопоказано». Ю. А. Горгониев отмечал, что «кхмерский язык относится к числу языков, имеющих силовое ударение с фиксированной позицией. Ударенным всегда является последний слог в слове» [Горгониев 1966 : 38]. Такое ударение — нефонологично, как и ударение во французском языке, поэтому специально здесь не рассматривается. В монском ситуация вполне аналогична.

обнаруживаются асемантические единицы, если исходные формы уже вышли из употребления и данный слог сохранился лишь в составе ПС: pəle <kamlev> 'шуметь', pəlɔŋ <palåṅ> 'посылать', где слоги le и lɔŋ не являются ОС. Во втором — основной слог десемантизируется либо вследствие отрыва от него исходной инициали или её части и замены её консонантным инфиксом, либо в результате разделения кластерной инициали вокалическим инфиксом: paik <pāk> 'делить надвое' + инфикс -w- → kəwaik <p{v}āk> 'половина', pre <pre> 'гладкий' + инфикс -ə- pəre <p{a}re> 'разглаживать'[4].

В том и другом случае материальное совпадение основного слога с каким-либо реально существующим в языке ОС нередко оказывается чистой случайностью (например, основной слог слова həmòiŋ <jamiṅ> 'шов', образованного от còiŋ <jiṅ> 'шить', семантически никак не связан с ОС mòiŋ <miṅ> 'слышать').

В монском языке десемантизация слогов происходит также вследствие существенных комбинаторных изменений, претерпеваемых исходными морфемами в процессе аффиксации: ce <kyev> 'красивый' + инфикс -ə- → pəje <k{am}yev> 'красота', chɔp <khyap> 'обдумывать' + инфикс -ə- → kəsɔp <k{a}sap> 'план, намерение'.

В R1 наиболее частотными инициалями являются сонанты r (57), l (56), m (46), n (42), w (30), ŋ (20), преглоттализованные d (45), b (29), кластеры kl (44), kr (42), pr (31), pl (25), kw (25), смычные t (47), k (36), c (38), ʔ (35), p (29), спирант s (35).

В R2 наибольшей частотностью отличаются инициали r (35), l (32), m (29), n (17), j (19), w (16), смычные t (31), k (30), p (23), c (21), кластеры kl (33), kr (30), pl (18), pr (17).

Как показывают приведённые цифры, общая особенность ПС — преобладание в основных слогах обоих регистров сонантов, двухместных кластеров и глухих смычных. Чрезвычайно высокая частотность сонантов по сравнению с ОС, особенно в R1, — весь-

---

[4] Аналогичные примеры имеются и в кхмерском языке: в инфиксальных образованиях типа d-ɒm-naə 'путешествие' (← daə 'идти'), k-um-ru: 'образец' (← kru: 'учитель') основные слоги ПС (*naə, *ru:) — асематические, так как на месте этимологических инициалей находится эпентеза n или же только часть этимологической кластерной инициали.

ма примечательная особенность основных слогов ПС (напомним, в ОС R1 наиболее частотные инициали — в порядке убывания частотности) c, s, k, d, t, ch, p и т. д.

Резкое увеличение удельного веса сонантных инициалей в ПС объясняется тем, что многие ПС образованы от исходных форм с кластерными инициалями, последние элементы которых — сонанты (kl, pj, hm, hn, khw, khr и т. п.), путем вставки вокалического инфикса -ə- перед последним элементом: khraŋ <khruiṅ> 'ограждать' → həraŋ <kharuiṅ> 'клетка'; klɔt <klat> 'красть'→ pəlɔt <kamlat> 'вор'; pjìˀ <ḅyi> 'обвинять' → həjiˀ <ḅayi> 'обвинение'; hmaik <mhāk> 'подцепить на крюк' → həmaik <khamāk> 'крюк'; hna <nhā, snā> 'жарить' → həna -<kh(a)nā> (то же) и т. п. Сонантные инициали образуются и при вокалической инфиксации слов на c: caŋ <kyuiṅ> 'украшать'→ kəjaŋ <kayuiṅ> 'украшение' (распад на этимологические элементы; ср. замечание Р. А. Янсона о том, что в бирманском языке «на каком-то этапе палатализованная сложная инициаль [kj. — *Ю.К.*] <...> превратилась в простую палатальную /c/» [Янсон 1999 : 55]).

Аналогичное увеличение числа сонантных инициалей в основных слогах ПС наблюдается и в кхмерском языке при вставке инфикса -ɒm- в исходные формы на кластеры типа «смычный + сонант» (klaŋ 'сильный' → kɒm-laŋ 'сила', praə 'использовать' → ɓɒm-raə 'слуга'), а также в формы с простыми инициалями, при этом инициалью основного слога становится эпентеза -n- (dɜŋ 'знать' → dɒm-nɜŋ 'сведения').

В отличие от ОС в монских ПС R1 в качестве инициалей основных слогов не употребляются кластеры hɲ, hl, hw; phj, khl, khw, а в R2 — инициали ˀ, b, d, s, ʃ, а также ch; hm, hɲ, hl, hw; pj, kw; phj, phr, khr, khl, khw.

В ПС, как и в ОС, преобладают велярные терминали -ŋ и -k (соответственно 27 и 26%) и нулевая терминаль (соответственно 21% в R1 и 22% R2). На последнем месте, как и в ОС, находятся лабиальные терминали -m и -p (13 и 11%). В R2 относительная частотность «глоттальных» терминалей -ˀ и -h высока, как и в ОС (24%), здесь они по частотности уступают лишь нулевой терминали и велярным.

Как в ОС, так и в ПС R1, отсутствуют централь εа и соответственно финали с этим гласным; а также финали ε?, εh; з?, зh, зt, зn, зp, зm; o?, oh, поскольку дистрибуция гласных ε, з, о не допускает подобных сочетаний, нормальных для R2.

Как в ОС, так и в ПС R2 отсутствуют централи ɔe, ea, ɒ, ɔ, ɔi, ao и соответственно финали, содержащие эти гласные. Нет в них и финалей εk, εŋ, εt, εn, εp, εm; a, a?, ah, ap, am, в отличие от R1, поскольку дистрибуция гласных ε и а в R2 более ограничена.

Частотность централей в ОС и ПС практически не отличается. Так же, как и в ОС, в R1 широко распространены централи a, ɔ, ɒ, e, o. Для R2 наиболее типичны централи o, з, εa, e, a.

Таким образом, принципиальным фонологическим отличием основных слогов в составе ПС от слогов системы ОС будет *различный количественный и качественный состав инициалей.* В отличие от инициалей, отсутствие примеров с отдельными финалями в ПС ни о чем не свидетельствует. Это означает лишь случайное отсутствие производных от соответствующих ОС.

3.4.2. Фонологическая структура пресиллабов

Пресиллаб — безударная часть ПС — состоит из одного, реже, двух согласных и нейтрального гласного. Он не может функционировать самостоятельно, т. е. употребляться отдельно от последующего основного слога. Это как раз те «полслога», благодаря которым ПС получили свое название. В отличие от кхмерского и раннедревнемонского, пресиллабы современного монского языка не имеют терминалей. Таким образом, общая формула пресиллаба — $C_1(C_2)V$-, где C_1 — глухой смычный, спирант, носовой или неносовой сонант, C_2 — всегда h, а V — всегда ə.

Набор инициалей пресиллабов значительно более ограничен, чем инвентарь инициалей основных слогов; начальными согласными могут быть лишь следующие согласные и их сочетания: p, t, c, k, ?; m, n; w, l, j, r; s, h; th, ch, kh. Таким образом, среди инициалей мы не обнаруживаем звонких ɓ, ɗ, носовых ɲ, ŋ, а из 21 кластерной инициали в этой позиции представлены только три. При этом в системе R1 отсутствуют инициали c, w и th, а в системе R2 нет n, j, r, ch, kh.

Частотность и дистрибуция пресиллабов весьма различны. Наиболее частотные пресиллабы hə-, kə-, pə-, ˀə-, tə- покрывают 98% ПС.

Пресиллабы jə-, rə-, khə- встречаются только в заимствованных словах, а среди ПС на mə-, nə-, lə-, wə-, cə-, sə-, thə-, chə-, khə- также преобладают заимствования: jətha <yathā> 'повозка, поезд' (← *бирм.* jətha <rathā:>, *инд.* ratha), rəsɔe <rasi> 'отшельник' (← *инд.* rsi), ləphɛk <lak phak> 'чайный куст' (← *бирм.* ləphɛˀ <lak phak>), məthun <methun> 'Близнецы' (← *инд.* maithuna), nədi <nāḍī> 'час, часы' (← *инд.* nāḍī), cəpò <gyabov> 'бездельник' (← *бирм.* <kram:pui:> 'клоп'), səhai <sahāy> 'друг' (← *инд.* sahāya), thənùˀ <dhanu> 'Стрелец' (← *инд.* dhanu), chəlaˀ <chov la> 'иногда', khənaˀ <khaṇa> 'момент' (← *инд.* khaṇa). Эта группа ПС немногочисленна и при этом разнородна, что не позволяет делать жестких фонологических утверждений. Можно лишь констатировать, что нетипичные для монского языка стечения согласных в инициалях пресиллабов полностью обусловлены этимологией.

Таким образом, с точки зрения значимости для современного монского языка наибольший интерес представляют именно наиболее распространённые пресиллабы: hə-, kə-, pə-, ˀə-, tə-. Их количественное соотношение по регистрам и в языке в целом несколько различно, но убывание частотности происходит в одном и том же порядке: hə- (46,3%), kə- (26,3%), pə- (14,7%), ˀə- (8,0%), tə- (2,7%).

Как уже отмечалось, пресиллаб далеко не всегда соотносится с префиксом. Исследователи мон-кхмерских языков подчеркивают, что пресиллабы и префиксы «представляют собой два различных типа единиц, хотя большинство префиксов реализуется как младшие слоги. Младший слог — фонологическая (и фонотактическая) единица, в то время как префикс — морфологическая (и семантическая) единица» [Svantesson 1983 : 35].

Необходимо добавить, что ПС (и, следовательно, пресиллабы) в монском языке — различного происхождения. Дж. Джейкоб совершенно справедливо отметила, что «за фонетическим подобием может скрываться морфологическое различие» [Jacob 1963 : 64]. Случаи внешнего подобия инфиксальных и префиксальных образований в мон-кхмерских языках — не редкость. Мы обнаружива-

ем не менее 14 пар омонимов аналогичной фонологической структуры, но различных по морфологическому устройству: həna (<khaṇā> 'жарить', от hna + инфикс -ə-; <saṇā> 'циновка', от sa + инфикс -n-); kəwa <tavā> ('привязывать', от wɛ̱a + префикс kə-; <pavā> 'приятель', от pa + инфикс -w-); pəlah (<tamlaḥ> 'ясный, свободный', «лабиальная форма»[5] от klah; <palaḥ> 'раскрывать', от lɛ̱h + префикс pə-) и т. п.

Однако даже в тех случаях, когда пресиллабы экспонируют префиксы, можно утверждать, что их функции неопределённы, поскольку, с одной стороны, каждый аффикс обладает несколькими функциями, а с другой — эти функции не распределены между ними с обычной для европейских грамматик строгостью. Таким образом, префиксы hə-, kə-, pə-, tə-, ʔə- можно было бы считать изофункциональными, если бы каждый из них обладал только одной функцией.

Напротив, если пресиллабы возникли в результате инфиксации, тогда они вообще не ассоциированы ни с какой грамматической функцией и являются чисто фонологическими единицами. Поэтому, независимо от того, какие ПС — производные или простые, префиксальные или инфиксальные, собственно монские или заимствованные, их *фонологическая* структура в целом всегда одинакова, в связи с чем уместно рассматривать их с чисто фонологической точки зрения.

3.4.2.1. Основные типы пресиллабов. Закон диссимиляции

В отличие от кхмерского языка, для которого типичны ПС с «удвоением начального согласного корня», иначе — с «удвоением инициали полного слога» [Еловков 1985 : 75; 2006 : 33] типа tɔtuəl <dadwl> 'получать', dɒdael <ṭaṭēl> 'тот же самый' и т. п.[6], в монском языке наложен запрет на употребление идентичных и го-

---

[5] В синхронном плане лабиальные формы можно рассматривать как разновидность ПС с вокалической инфиксацией, осложненной чередованием велярных или альвеолярных компонентов исходных инициалей с лабиальным p- (перенос признака лабиальности с этимологического инфикса {am} на инициаль пресиллаба).

[6] В терминологии Пиннова — расширенные однослоги (expanded monosyllables) [Pinnow 1979 : 132].

морганных согласных в кластерных инициалях, равно как и на употребление идентичных и гоморганных согласных в инициалях пресиллабов и основных слогов ПС. Иначе говоря, здесь действует *закон диссимиляции*. В соответствии с этим законом пресиллаб kə- не сочетается с основными слогами на велярные k-, ŋ-, включая кластеры kr-, kh-, khr-; pə- не сочетается с лабиальными инициалями p-, b-, w-, включая кластеры pr-, pl-, ph-, phr-; tə- не сочетается с дентальными инициалями t-, n-, а также th-.

Дистрибуция пресиллабов с гортанной и фарингальной инициалями — серьезный аргумент против объединения этих инициалей в общий локальный класс «глоттальных». Действительно, если поведение пресиллаба с гортанной инициалью ˀə- вполне вписывается в постулируемый нами закон диссимиляции (ибо невозможны ПС со структурой ˀə-ˀV(C)), то дистрибуция пресиллаба с фарингальной инициалью имеет аномальный характер. Возможность «полуторасложных» слов типа ˀəhum ‘вид лианы’ — həˀum ‘собирать’ вынуждает не только рассматривать гортанную и фарингальную инициали как гетерорганные, но и формулировать для пресиллаба hə- особые правила дистрибуции. Для дистрибуции пресиллаба hə- существенно не место (или не только место), но и способ образования инициали основного слога: в монском языке вполне очевиден запрет на сочетаемость hə- и с дентальным спирантом s, что, собственно, и позволяет формулировать правила дистрибуции hə- особым образом.

Итак, в монском существует запрет на сочетаемость hə- со спирантами h-, s-, а также с кластерными инициалями типов C + h, C + h + C и h + C, поскольку они содержат согласный h.

Отступления от закона диссимиляции крайне редки, тем не менее их необходимо отметить: təteˀ <ta’ te’> ‘те’ (← tɔˀ *показатель определённого множества* + teˀ ‘тот’); tənɔˀ <ta’ ṇa’> ‘эти’ (← tɔˀ + nɔˀ ‘этот’); tənɛ̱a <danā>: сао ~ ‘насмехаться’ (← *инд.* codanā ‘оскорбление’); thənùˀ <dhanu> ‘Стрелец’ (←*инд.* dhanu); nədi <nāḍī> ‘час, часы’ (←*инд.* nāḍī); nədu <nāḍū> ~ nɛ̱a du *‘Pterocarpus indicus’*; pəma[1] <pmā> ~ ˀuˀpəma ‘сравнение’ (←*инд.* upamā); pəma[2] <pamā> ‘плохо думать *о ком-л.*’ (←pə- + mɛ̱a ‘злой’ ← *бирм.* mā.); səhai <sahāy> ‘друг’ (← *инд.* sahāya).

Как можно убедиться, все эти отступления обусловлены экстрафонологическими причинами: шесть слов — это заимствования и сохраняют звуковой состав, близкий к этимологическому, а три других представляют собой результат фузии двух знаменательных ОС. Таким образом, приведённые примеры не опровергают закона диссимиляции, о котором шла речь.

Графически закон диссимиляции проводится не столь последовательно. Например, отсутствуют такие сочетания, как <'a'-, kak-, cac-, jaj-, ḍaḍ-, ṇaṇ-, pap-, phap-, mam-, vav-, sas-, hah-, bab->, однако допускаются <khak-, gag-, dad-> и др. Здесь расподобление осуществляется на уровне фонетики, причем не всегда предсказуемым образом. Это может отчасти свидетельствовать о большей свободе дистрибуции согласных в ПС раннедревнемонского языка, однако во многих случаях имеет место «искусственная (factitious) аллитерация» [Shorto 1962 : XV], не обусловленная ни фонологией, ни этимологией.

Тем не менее можно сформулировать следующее общее правило. В R1 смычные согласные пресиллабов перед гоморганными смычными превращаются в «глоттальный» спирант, перед гоморганными сонантами — в велярный смычный. В R2 смычные согласные пресиллабов перед гоморганными согласными реализуются как «глоттальный» спирант, <l(a)> перед [l] — как велярный смычный.

К. Смит, говоря о фонологии языка седанг, отмечает, что в этом языке «чередования в пресиллабах обычно не обусловлены системой; скорее, каждое слово с пресиллабом — это закон для самого себя (a law unto itself), располагая собственной системой вариантов» [Smith 1979 : 59]. Сказанное во многом справедливо и для монского языка.

Правила, касающиеся графического изображения пресиллабов, сформулировать гораздо сложнее, если вообще возможно. Во-первых, написания типа <C-> и <Ca->, т. е. в виде графического однослога и двуслога соответственно, как правило, свободно варьируют. Как уже отмечалось, графический однослог может соответствовать ПС: <pmā> pəma 'сравнение', <khnā> həna 'жарить'. Напротив, графический двуслог может обозначать ОС: <tanov> no 'шпулька ткацкого станка', <paḍuṅ> dɜŋ 'соленый'. В ряде

случаев одно и то же написание используется для двух или нескольких разных ОС и ПС: <l̇vī> kəwi ‘эскорт’ и wì ‘выращивать’, <trau> kərao ‘путь’ и krao ‘(по)следующий’, <tvaṁ> kəwɔh ‘речь’ и kwɔh ‘произносить речь’, <tṅay> təŋoa ‘полдень’ и ŋoa ‘день, солнце’ и т. п. Иногда допускается изображение одного и того же ОС или ПС в виде как однослога, так и двуслога.

По свидетельству Х. Л. Шорто, выбор формы написания между <ka> и <k>, <ta> и <t>, <ba> и <b> и т. п. «определяется главным образом стилистическими соображениями <...> Возможность написания ряда слов либо в виде однослогов, либо в виде двуслогов, не влекущая за собой при этом двусмысленности, привела, благодаря её использованию в качестве метрического средства [в стихосложении. — *Ю.К.*], к распространению этой практики и на случаи, которые ведут к двусмысленности: jnok, которое обычно соответствует hnòk ‘быть большим’, также стало использоваться иногда как эквивалент janok ‘размер’ и jamnok ‘начальник’» (оба соответствуют разговорному hənòk, благодаря чему приобрели дополнительные значения друг друга, т. е. произошла контаминация значений) [Shorto 1962 : XV].

В конкретных случаях предпочтительность того или иного способа написания — в виде однослога или двуслога — определяется скорее традицией, чем какими-либо другими причинами. Вариант написания типа <Ca-> обычно отличается более свободной дистрибуцией, что объясняется лишь более широкой распространённостью таких графических форм.

Во-вторых, графическое изображение пресиллабов отличается чрезвычайно широкой вариативностью. В этом смысле ситуация в монском аналогична той, которая описана для языка седанг: «Поскольку начальных согласных больше, чем типов пресиллабов, имеют место разнообразные морфонологические превращения начальных согласных в допустимые согласные пресиллабов» [Smith 1979 : 150]. В связи с этим каждый из основных пресиллабов имеет как минимум несколько, а нередко даже слишком много вариантов написания, причем не обусловленных ни этимологически, ни фонологически. Многочисленные варианты написания «основаны на искусственной реконструкции; наиболее часто встречающийся омофон нередко “одалживает” свое написание остальным омофонам этой группы» [Shorto 1962 : XV].

В целом здесь происходит процесс, обратный диссимиляции, а именно нейтрализация множества этимологических или неэтимологических начальных согласных ПС, сведéние их к весьма ограниченному кругу допустимых в этой позиции согласных, т. е. практически только к h, k, p и t (прочие согласные, как уже отмечалось, допускаются главным образом в заимствованных словах).

Основные типы пресиллабов — hə-, kə-, pə-, tə-, ʔə- — имеет смысл рассмотреть отдельно.

Пресиллаб hə-. Как было сказано, в соответствии с законом диссимиляции hə- не сочетается со спирантами h и s, а также с кластерами, содержащими h (th, hn, khr и т. п.). В системе R1 hə- сочетается с основными слогами, начинающимися на p, t, c, k, ʔ; ɓ, ɗ; m, n, ɲ, ŋ; w, l, j, r; pr. Инициали слогов на ʔ и ɓ представляют специфику hə-пресиллабов в системе R1: с другими пресиллабами слоги с этими инициалями не употребляются. Число возможных графических вариантов особенно велико — 43, однако наиболее частотны варианты на глухие придыхательные (более 45%, в том числе <kh(a)> — более 23%), этимологические звонкие (около 26%), что довольно странно, так как в ОС эти знаки требуют произнесения гласных в R2, а также <s(a)-> (более 16%).

Варианты написания пресиллаба hə- в виде этимологических звонких <ba, da, ja, ga, dha> перед сонантами для обозначения ПС в R1 обычно не основные, поскольку при сонантных инициалях основного слога, обладающих здесь высокой частотностью, инициаль пресиллаба должна определять регистр. В связи с этим гораздо чаще используются знаки глухих придыхательных и <sa>: соответственно написание <kharuik> для hərak ‘трясти’ предпочтительнее, чем <daruik>, <thamuk> для həmɜk ‘толочь’ — чем <gamuk>, <pharay> для hərоa ‘брызгать’ — чем <garay, baray>, <salān> для həlan ‘опалять’, чем <balān> и т. п.

В R2 hə- сочетается с теми же инициалями, кроме ʔ, ɓ, ɗ и ŋ, но к ним добавляются и кластерные инициали kr, pl. Основные графические варианты представлены этимологическими звонкими (более 64%, в том числе <g(a)> и <d(a)>, каждая — более 20%), глухими и звонкими придыхательными, включая <dh(a)> (около 24%).

Варианты написания этого пресиллаба в виде глухих придыхательных <kha, pha, tha> и <sa> перед сонантами для обозначения ПС в R2 также, как правило, не основные. Для этого чаще используются знаки этимологических звонких: соответственно написание <damāt> для həmàt 'кузнец' предпочтительнее, чем <khamāt>, <jareh> hərèh 'цель' — чем <thareh>, <baruy> hərùi 'капать' — чем <pharuy>, <garuih> hərɜ̱h 'толкать' — чем <kharuih>, <jaman> həmòn 'гирлянда' — чем <saman> и т. д.

Тем не менее можно встретить и написания, нелогичные с точки зрения системы, но использующиеся в качестве основных или даже единственных: <garip> hərɛp 'миг', <daraṅ> hərɔŋ 'спинной плавник' (R1, но инициали пресиллабов принадлежат к R2), а также <khanak> hənɛ̱ak 'неровный', <khayoṁ> həjòm 'темный' (R2, но инициали пресиллабов принадлежат к R1).

Пресиллаб kə-. В соответствии с законом диссимиляции kə- не сочетается с велярными k, ŋ, kh, но сочетается с другими придыхательными (ch, th) и со спирантами h и s. В R1 основными графическими вариантами этого пресиллаба выступают знаки глухих непридыхательных (около 83%, в том числе <k(a)> более 47%), а также <l(a)> (более 10%). Реже встречаются другие варианты, например, <ramat> kəmɔt в daik kəmɔt 'слезы'.

В R2 дистрибуция примерно та же[7], но основные графические варианты — <l(a)> (около 67%) и знаки этимологических звонких (около 20%). Отсутствуют сочетания с s и ch.

Пресиллаб pə-. В соответствии с законом диссимиляции pə- не употребляется с лабиальными, но, как и kə-, сочетается со спирантами и придыхательными смычными. В R1 более 80% ПС на pə- имеют инициаль пресиллаба на <p(a)>, есть также варианты <b(a)>, <m(a)>, <kam>, <tam>. В случае написаний <kam>, <tam> имеет место регрессивная ассимиляция начальных смычных, приобретающих лабиальный характер под влиянием этимологического m, который (там, где употребление соответствующей графемы этимологически оправдано) диахронически представляют собой часть ныне утраченного инфикса.

---

[7] В единственном имеющемся примере, где kə- (графически <l>) сочетается с <ṅ>, последнее произносится как [h]: kəhɛ̱h <lṅaḥ> 'упряжь'.

В R2 отсутствуют сочетания с c, s, ch, kh. Преобладающие варианты написания — <m(a)> (около 49%), <b(a)> (34%), <p(a)> (13%).

Пресиллаб tə-. Законом диссимиляции запрещено сочетание tə- только с дентальными, но фактически этот пресиллаб сочетается с одними велярными k, ŋ, kh, причем примеры с kh в R2 отсутствуют, как, впрочем, и при других пресиллабах, что позволяет усматривать в этом некую закономерность. В R1 основные графические варианты — знаки <t(a)> (около 50%) и <l(a)> (более 23%).

В R2 в 77% случаев употребляется графема <l(a)>, в остальных случаях — звонкий и глухой дентальные <d(a)> и <t(a)>. В отличие от частотности, дистрибуция этих графем практически одинакова. Употребление знака <t(a)>, с точки зрения системы особенно нелогичное перед сонантами, тем не менее встречается: <taṅaṁ> təŋòˀ ‘усердный’.

Пресиллаб ˀə- стоит несколько особняком, поскольку существенно отличается от прочих практически полной свободой дистрибуции. В отличие от других пресиллабов ˀə- свободно сочетается со слогами на hm-, hn-, ph-, th, ch-, kh-, pj-, pr-, pl-, kr-, kl-, kw- и даже khr- и phr-.

По свидетельству Х. Л. Шорто в словах с пресиллабом ˀə-, например, ˀəkeaŋ ‘обычай’, ˀəkhɜ̱ ‘настоящее время’, перед ə «никакой гортанной смычки не слышится» [Shorto 1962 : XI]. Тем не менее «из соображений последовательности» мы обозначаем ГС и в этой позиции[8]. Мы считаем что, независимо от фонетической реальности с точки зрения фонологии ГС и здесь — вполне реальная структурная единица. Её фонологическая реальность проявляется в том, что слова с пресиллабом ˀə-, подобно всем прочим ПС, находятся в сфере действия закона диссимиляции: мы не обнаруживаем в монском ни одного ПС структуры *ə-ˀV(C), что доказывает фонологическое тождество ГС в начале основного слога и в начале пресиллаба.

---

[8] В мон-кхмерском языке палаунг также «в этом контексте обычно нет сколько-либо заметного начальнослогового гортанного взрыва», тем не менее Шорто обозначает его в фонологической транскрипции «из соображений последовательности»: ˀəbeŋ ‘паук’ [Shorto 1960 : 553].

Другая фонологическая особенность пресиллаба ʔə- по сравнению с прочими состоит в следующем. Как уже отмечалось, по общему правилу, если инициаль основного слога представлена сонантом, то регистр основного слога определяется инициалью пресиллаба. В случае с пресиллабом ʔə-, напротив, сонант обычно доминирует; а поскольку в большинстве случаев сонанты относятся к согласным второй серии, то и ПС типа ʔəRV(C), как правило, принадлежат системе R2: ʔəŋò <'aṅav> 'пара', ʔərùt <'arut> 'черепаха' и т. п. ПС с этим пресиллабом обычно представляют собой префиксальные образования; по крайней мере, в плане синхронии здесь нельзя говорить об инфиксации.

Графически пресиллаб ʔə- в подавляющем большинстве случаев изображается как <'a>, исключения немногочисленны: ʔəŋɛ̱ʔ <lṅa> 'горячая зола', ʔəlòʔ <lala'> 'длительность'. Часто такие «ненормативные» варианты написания не основные (ʔədoa <'ap ḍay> ~ <'ḍay> 'внутри', ʔətao <'atū> ~ <latū, ltū> 'верх') и, возможно, представляют собой рефлексы альтернативного произношения этого ПС (ʔəche <tacev> ~ kəche 'скользить', ʔəjɛ̱h <layaḥ> ~ kəjɛ̱h 'завтра').

Итак, мы видим, что обычно существует много или, по крайней мере, несколько графических вариантов каждого из основных пресиллабов, и если и существуют какие-то правила употребления того или иного варианта написания, то они практически не связаны с современной фонологией.

Поскольку закон диссимиляции запрещает употребление каждого пресиллаба лишь с одним классом инициалей основного слога, получается так, что с некоторыми слогами, в особенности начинающимися на сонанты j, r, l, m, n, дистрибуция которых относительно пресиллабов более свободна, могут сочетаться несколько разных пресиллабов.

Всего в словаре [Shorto 1962] отмечается 835 слогов, сочетающихся только с каким-либо одним пресиллабом, 210 слогов — с двумя, 58 слогов — с тремя и 5 слогов — с четырьмя в разных комбинациях (включая ʔə-)[9]. При этом семантическая связь между такими ПС может наличествовать, но может и отсутствовать: həjɛ̱h

---

[9] Таким образом, имеется также 807 слогов, не встречающихся в ПС по разным причинам.

<gayaḥ> ‘утро’ — kəjɛ̱h <layaḥ> ‘заря’ — pəjɛ̱h <lamyaḥ> ‘свет’; həlah <salaḥ> ‘свободный’ — kəlah <calaḥ> ‘прояснять’ — pəlah <tamlaḥ> ‘ясный, открывать’; hərot <pharot> ‘дикая пчела’ — kərot <karot> ‘жаловаться’ — pərot <tamrot> ‘кумирня’; həma <samā> *формант имени деятеля* — kəma <samā> ‘резервуар’ — pəma <samā> ‘сравнение’; hənɔˀ <sāk ṇa’> ‘так’ — kənɔˀ <tana’> ‘муравейник’ — tənɔˀ <ta’ ṇa’> ‘эти’ и т. п.

Регистр основного слога ПС определяется серией инициали основного слога и, как правило, не зависит от инициали пресиллаба: <katuiv> kətɒ ‘вставать’ (R1), но <kaduiv> kətɜ̱ (R2) ‘закрывать’; <gatuiv> hətɒ (R1) ‘доска’, но <gaduiv> hətɜ̱ (R2) ‘мускус’. Напомним, что исключение составляют случаи, когда инициаль основного слога представлена сонантом: <canat> kənot (R1) ‘вертел’, но <janat> hənòt (R2) ‘припарка’; <karāṅ> kəraiŋ (R1) ‘напильник’, но <garāṅ> həràiŋ (R2) ‘качаться’.

Иногда варианты произношения в разных регистрах свободно варьируют (или представляют собой диалектные формы): <paluiṁ> pəlɒm ~ pəlɜm ‘разрушать’, <paluih> pəlɒh ~ pəlɜh ‘распутывать’. Имеются примеры, когда одно и то же написание используется для ПС с разными значениями, относящимися к разным регистрам: <dharuy> hərui ‘смущённый’ и hərùi ‘сосна’, <lavuik> kəwak ‘махать’ и kəwàk ‘сдувать’, <lamov> kəmo ‘эмбрион’ и kəmò ‘свисать’ и т. п.

3.4.2.2. Проблема нейтрального гласного

Как уже отмечалось, нейтральный гласный [ə] — единственный гласный, возможный в монском пресиллабе — безударной части ПС, независимо от его графического изображения. В ОС, а также в основных, т. е. ударных, слогах ПС обоих регистров он никогда не встречается. Здесь проявляется аналогия с английским языком, где, при определённых условиях, «нейтральный гласный [ə] может чередоваться с любым гласным полного образования» [Leontyeva 1988 : 194]. Это объясняется «низкой функциональной нагрузкой всех гласных в безударных слогах» [Gleason 1961 : 323].

Вопрос, на который надо попытаться ответить применительно к монскому языку, можно сформулировать так: «Является ли [ə]

самостоятельным гласным и, если нет, то аллофоном какого гласного следует его считать?»

Смолли высказывает предположение, что [ə] — позиционный аллофон /з/ в безударной позиции. Он задаётся вопросом, что происходит с качеством гласного в словах типа phз̱ˀ <ɓhui’> ‘для’, окажись они синтаксически в безударной позиции. Смолли допускает, что Х. Л. Шорто использует символ «шва», дабы «избежать необходимости обозначать ударение в большом количестве слов» [Smalley 1964 : 300]. На это можно возразить, что, во-первых, с гласным /з/ в безударной позиции происходит то же самое, что и с любым другим гласным — он нейтрализуется, а во-вторых, место ударения в более чем односложных словах мон-кхмерских языков — постоянно, поэтому нет необходимости его обозначать каким бы то ни было образом.

Поскольку во многих случаях [ə] никак не отражен на письме, было бы естественно предположить, что он представляет собой аллофон присущего гласного. Однако, будучи нейтральным по отношению к регистру, он не может быть идентифицирован ни с одним из двух присущих. Кроме того, гласный [ə] распределен дополнительно по отношению ко *всем* гласным. Будучи гласным среднего подъёма смешанного ряда, по признаку фонетического подобия он приблизительно равно удален от всех остальных гласных. Таким образом, отождествление [ə] с каким-либо гласным монского языка на основании более или менее общепринятых методов невозможно.

Можно ли интерпретировать [ə] в качестве просодической характеристики (prosodic feature) стыка согласных, как это предлагала Джейкоб для кхмерского языка на том основании, что гласные, подобные [ə], «не обнаруживают достаточного разнообразия, чтобы рассматриваться как фонологически релевантные элементы» [Jacob 1963 : 62]. В кхмерском пожалуй, да. Однако в монском ситуация несколько иная.

Прежде всего мы находим здесь вокалический инфикс -ə-, который, обладая сам по себе морфологической функцией, не может, таким образом, квалифицироваться как просодия: ср. klo <klov> ‘голодать’ — kəlo <kalov> ‘морить голодом’, proa <pray> ‘благородный’ — pəroa <paray> ‘благородство’.

Кроме того, в монском мы находим и такие пары слов, в которых [ə] выполняет смыслоразличительную функцию в чистом виде, позволяя отличать слова, фонетически идентичные во всех прочих отношениях: pjam 'преследовать' — pəjam 'время суток', krot 'дуб' — kərot 'жаловаться', krao 'мыть' — kərao 'поворачивать', klɒʔ 'пересекать' — kəlɒʔ 'твердый', hlaik 'бронза' — həlaik 'прыгать', hwɔ 'рай' — həwɔ 'унесённый ветром'. В приведённых примерах ОС и ПС семантически никак не связаны друг с другом, следовательно, ə в пресиллабе не выполняет какой-либо грамматической функции (а если и выполняет, то это ПС соотносится с другим ОС).

Таким образом, на наш взгляд, имеются достаточные основания, чтобы рассматривать [ə] как самостоятельный, хотя и позиционно обусловленный, гласный. То озадачившее Смолли обстоятельство, что Х. Л. Шорто не включил [ə] в перечень гласных, в действительности вполне естественно: нейтральный гласный не входит в фонологическую систему ОС и, подчеркнём еще раз, нейтрален по отношению к регистру.

Диахронически гласный [ə] — результат редукции различных других гласных, но, будучи «более подобным самому себе», чем какому-либо другому гласному, по Твodделу, он должен рассматриваться не в качестве аллофона, а как основной вариант фонемы /ə/: «"тот же самый звук", очевидно, не может быть членом двух различных фонем или аллофонов, так как он в этом случае был бы более подобен самому себе, чем другим членам соответствующих фонем или аллофонов» [Twaddell 1935 : 27].

3.5. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АФФИКСАЦИИ

Фонологические процессы монской аффиксации определяются, с одной стороны, структурой и звуковым составом инициалей исходных слов, с другой — структурой и звуковым составом аффиксов. Таким образом, оказывается существенным, является ли инициаль исходного слова простой или кластерной; часто имеет значение и качественный состав как простых, так и кластерных инициалей, их серийная принадлежность и фонологическая совместимость с конкретным аффиксом. В свою очередь, для аффик-

сов существенна позиция в производном слове (префикс или инфикс), принадлежность их экспонентов тому или иному классу звуков (согласный или гласный), фонологическая совместимость с конкретным корнем. Обязательно учитывается закон диссимиляции, запрещающий совмещение гоморганных согласных в предвокальной позиции. Механизм диссимиляции обычно дифференцирован в зависимости от серийной принадлежности инициали исходного слова, т. е. принадлежности ОС системе того или иного регистра. При взаимной адаптации корня и аффикса весьма часто используется эпентеза.

Как уже отмечалось, в монском языке имеются консонантные инфиксы -m-, -n-, -r-, -w- и префикс p-, вокалический инфикс -ə- и префиксы hə-, kə-, pə-, tə-, ˀə-. Структура производных слов зависит от типа аффикса и количественного и качественного состава инициали исходного слова.

Консонантная аффиксация необязательно приводит к образованию ПС, производные слова могут иметь и форму ОС:

(1) $C_1V(C) + n \rightarrow nV(C)$, если C_1 — p, t, k, b, r: ròt <rat> ‘жать’ → *rnòt → nòt <{n}ot> ‘серп’;

(2) $C_1V(C) + n \rightarrow hnV(C)$, если C_1 — c, s: cɔŋ <cåṅ> ‘гореть’ → hnɔŋ <c{n}åṅ> ‘звезда’;

(3) $C_1V(C) + w \rightarrow kwV(C)$, если C_1 — t, k: kɔt <kat> ‘изучать’ → kwɔt <k{v}at> ‘ремесло’;

(4) $C_1V(C) + w \rightarrow hwV(C)$, если C_1 — c, s: sɜŋ <suṅ> ‘пить’ → hwɜŋ <s{v}uṅ> ‘напиток’;

(5) $C_1C_2V(C) + w \rightarrow hwV(C)$, если C_1C_2 — ch: chao <khyau ~ cho> ‘проклинать’ → hwao <s{v}au> ‘клятва, проклятие’;

(6) $p + C_1V(C) \rightarrow pC_2V(C)$, если C_1 / C_2 — h, j, r, l: lài <lāy> ‘растворённый’ (R2) → plai <{p}lāy> ‘растворять’ (R1);

(7) $p + C_1V(C) \rightarrow pjV(C)$, если C_1 — c (R2): cù <jū> ‘отдыхать’ → pjù <{b}yū> ‘давать отдохнуть’;

(8) $p + C_1V(C) \rightarrow phjV(C)$, если C_1 — c, s (R1): sak <suik> ‘богатый’ → phjak <{ph}yuik> ‘обогащать’;

(9) $p + C_1C_2V(C) \rightarrow phjV(C)$, если C_1C_2 — ch: chui <chuy> ‘отодвигать’ → phjui <{ph}yuy> ‘передвигать’.

Однако в большинстве случаев как вокалическая, так и консонантная аффиксация приводят все же к образованию ПС, поскольку в последнем случае часто используется эпентеза *ə*[10].

Для образования производных от ОС типа CV(C) используются инфиксы -m- (если инициаль исходного слова — t, c, k, n, s), -n- (если инициаль — p, t, c, k, s, реже — b, r), -w- (если инициаль — p, t, c, j, реже — k, s), инфикс -ə- (если инициаль c, s) и префикс p- (если инициаль — r, l, j, c, s).

(10) $C_1V(C)$ + m → k*ə*mV(C), если C_1 — t, k (R1), n (R2): tok <tok> 'считать' → k*ə*mok <la{m}ok> 'расчет';

(11) $C_1V(C)$ + m → h*ə*mV(C), если C_1 — s (R1), t, c, k (R2): cɜt <juit> 'вытирать' → h*ə*mɜ̱t <ja{m}uit> 'тряпка';

(12) $C_1V(C)$ + n → p*ə*n / k*ə*n / h*ə*nV(C), если C_1 — p, c, s (R1): pɔk <påk> 'открывать' → p*ə*nok <pa{ṇ}ok> 'отверстие в стене';

(13) $C_1V(C)$ + n → h*ə*nV(C), если C_1 — p, t (R2): pòh <bah> 'помнить' → h*ə*nùh <b{n}uh> 'воспоминание';

(14) $C_1V(C)$ + w → k*ə*wV(C), если C_1 — p (R1): pa <pā> 'сопровождать' → k*ə*wa <pa{v}ā> 'попутчик';

(15) $C_1V(C)$ + w → h*ə*wV(C), если C_1 — p (R2): pòh <bah> 'читать' → h*ə*wòh <b{v}ah> 'чтение';

(16) $C_1V(C)$ + ə → kəj / kərV(C), если C_1 — c / s (R1): sah <s(r)aḥ> 'чистить' → kərah <c{a}raḥ> 'очищенный';

(17) $C_1V(C)$ + ə → həj / hərV(C), если C_1 — c / s (R2): càŋ <gyuiṅ> 'живой' → həjàŋ <g{a}yuiṅ> 'жизнь'.

Для образования производных от ОС типа $C_1C_2V(C)$ используются инфиксы -m-, -r-, -w- (если инициаль исходного слова — C + h), инфикс -ə- (если инициаль ch, ph, h + сонант или C + сонант) и префикс p- (если инициаль ch):

(18) $C_1C_2V(C)$ + w → h*ə*wV(C), если C_1C_2 — ph: phɛk <phak> 'преданный' → h*ə*wɛk <pha{v}ak> 'приятель';

(19) $C_1C_2V(C)$ + m → h*ə*mV(C), если C_1C_2 — th: thoŋ <thoṅ> 'дырявый' → h*ə*moŋ <tha{m}oṅ> 'дыра';

[10] В приводимых примерах она обозначена курсивом в отличие от инфикса ə.

(20) $C_1C_2V(C)$ + r → hərV(C), если C_1 — p, t, c, k, а C_2 — h (только R1): chai <chāy ~ khyāy> 'выдающийся' → hərai <sa{r}āy> 'слава, известность';

(21) $C_1C_2V(C)$ + ə → pəhV(C), если C_1C_2 — ph: phɔik <phek> 'бояться' → pəhòik <b{a}hek> 'страх';

(22) $C_1C_2V(C)$ + ə → həm / həlV(C), если C_1C_2 — hm / hl: hmaik <mhāk> 'ловить на крючок' → həmaik<kh{a}māk> 'крюк, крючок';

(23) $C_1C_2V(C)$ + ə → kən / hənV(C), если C_1C_2 — hn (R1): hnok <nhok ~ jnok> 'зудеть' → hənok <snok> 'чесотка';

(24) $C_1C_2V(C)$ + ə → kəw / həwV(C), если C_1C_2 — hw (R1): hwɛk <svak> 'нести за ручку' → (cak) həwɛk <s{a}vak> 'багаж';

(25) $C_1C_2V(C)$ + ə → hən / həwV(C), если C_1C_2 — hn / hw (R2): hnòk <jnok> 'большой' → hənòk <j{a}nok> 'размер';

(26) $C_1C_2V(C)$ + ə → pəj / pər / pəlV(C), если C_1 — p, а C_2 — сонант (R1): pre <pre> 'гладкий' → pəre <p{a}re> 'разглаживать';

(27) $C_1C_2V(C)$ + ə → kər / kəl / kəwV(C), если C_1 — k, а C_2 — сонант (R1): krɔe <trī> 'тонкий' → kərɔe <t{a}rī> 'утончать';

(28) $C_1C_2V(C)$ + ə → hər / həl / həwV(C), если C_1 — p, k, а C_2 — сонант (R2): kwòiŋ <dviṅ> 'беспокоиться' → həwòiŋ <d{a} viṅ> 'тревога';

(29) $C_1C_2V(C)$ + ə → həcV(C) (R1) / kəsV(C) (R1-2), если C_1C_2 — ch: chɒt <khyuit> 'умирать' → həcɒt <g{a}cuit> 'смерть; убивать'; chɔp <khyap> 'обдумывать' → kəsɔp <k{a}sap> 'план'.

Для образования производных от ОС типа $C_1C_2C_3V(C)$ можно использовать только вокалический инфикс -ə- (инициаль — смычный + h + сонант).

(30) $C_1C_2C_3V(C)$ + ə → hər / həlV(C), если C_3 — r, l: khlɛŋ <khlaṅ> 'проникать' → həlɛŋ <kh{a}laṅ> 'протыкать';

(31) $C_1C_2C_3V(C)$ + ə → həcV(C), если C_3 — j: phjah <phyaḥ> 'кислый' → həcah <b{a}caḥ> 'кислый вкус'.

Иногда добавление аффикса не приводит ни к изменению звукового состава корня, ни к превращению ОС в ПС (примеры 3, 6), но обычно структура исходного слова все же подвергается коренному изменению: ОС становятся ПС. Кроме собственно аффикса

может возникать эпентеза (пример 12). Такого рода изменения характерны для ОС с инициалями типа «C + сонант» в R1, «C + h» и «h + C» при вокалической инфиксации (примеры 21–27).

Гораздо чаще аффиксация сопряжена не только со структурными, но и с фонетическими изменениями разной степени сложности.

Начальные согласные исходного слова подвержены фонетическим изменениям вследствие действия закона диссимиляции и прочих закономерностей комбинаторики. Так, начальные смычные p, t, k исходных слов типа C_1V(C) при консонантной инфиксации в R1 переходят в kə (примеры 10, 14), в R2 — в hə (примеры 11, 13, 15).

Наиболее сложные изменения происходят в словах на c, s, ch (примеры 2, 4, 5, 7–9, 16–17, 29), где инфиксация производится после восстановления этимологических кластеров (chɔp → *ksɔp → kəsɔp) или даже с использованием метатезы (chɒt → *hcɒt → həcɒt).

При образовании производных от слов структуры C_1V(C) с помощью инфиксов -n- и -w- начальные c и s превращаются в h (примеры 2, 4). При p-префиксации они переходят в j или hj (примеры 7-8), при вокалической инфиксации — соответственно в kəj и kər (в R1), həj- и hər- (в R2), где также имеет место предварительное восстановление этимологических кластеров *kj, *sr и т. д.

Падение C_1 происходит в корнях структуры C_1V(C) при n-инфиксации, если C_1 — p, t, k, b или r (при этом инфикс -n- вытесняет начальный согласный исходного слова!); в корнях структуры C_1C_2V(C) при m-, w-, r-инфиксации, если C_1 — смычный, а C_2 — h; в корнях структуры $C_1C_2C_3$V(C), где C_1 — смычный, C_2 — h, а C_3 — неносовой сонант — при ə-инфиксации (примеры 1, 18–20, 30–31).

При w-инфиксации ОС структуры C_1V(C), если C_1 — j, образуются двусложные слова: jèm <yāṁ> 'плакать' → ʔiʔwèm <ya{v}āṁ> 'плач'.

Префиксы hə-, kə-, pə- используются относительно свободно в той мере, в какой это не противоречит закону диссимиляции. Префикс ʔə- обладает максимальной свободой дистрибуции, практически на зная ограничений, кроме слогов на ГС. Префикс tə- обладает наименее свободной дистрибуцией, сочетаясь главным образом со слогами на велярные инициали.

3.6. ФОНОЛОГИЯ МНОГОСЛОЖНЫХ СЛОВ

К многосложным словам (полисиллабам) мы относим все слова, содержащие два и более полных слога, т. е. таких, первый слог которых содержит централь, отличную от [ə], хотя бы в тщательном произношении. Любые сочетания двух и более значимых слогов (= ОС) мы рассматриваем как словосочетания, и, следовательно, их анализ не входит в сферу изучения фонологии слова.

Многосложные слова, главным образом заимствования из санскрита, пали и европейских языков, составляют 8% лексики современного монского языка (361 слово). Имеется и некоторое количество собственно монских[11] и бирманских слов, которые подпадают под наше определение многосложных. Это слова, один или оба слога которых не ассоциированы со значением и не могут функционировать в качестве ОС. Однако в фонологическом отношении они ничем не отличаются от словосочетаний, поэтому здесь также не рассматриваются.

Уместно напомнить, что вопрос о формальном отличии «сложного слова» от словосочетания пока не получил однозначного толкования. Практически не существует абсолютных и достаточных критериев для их разграничения. Более или менее общепринято считать сложными словами «многосложные номинативные комплексы, включающие неморфемные или асемантические слоги» [Морев 1991 : 67]. С фонологической точки зрения к многосложным словам мы относим слова, удовлетворяющие указанному условию и содержащие, как было сказано, *не менее двух основных слогов*, т. е. таких, централи которых отличны от [ə][12]. В этом их отличие от ПС.

3.6.1. Фонология собственно монских многосложных слов

Исходя из вышесказанного, единственная категория многосложных слов собственно монского происхождения, заслуживаю-

[11] Условно в этой работе рассматривались, как собственно монские, и такие слова, этимология которых достоверно не известна.

[12] В состав многосложных слов могут входить и фонологические ПС, но и тогда количество основных слогов должно быть не менее двух.

щая специального рассмотрения с точки зрения фонологии, — повторы и полуповторы разных типов. При этом для фонологии интерес представляет только их слоговая структура, точнее, принципы комбинирования инициалей и финалей.

Полные повторы состоят из двух одинаковых элементов, структурно аналогичных, а часто и тождественных ОС: klet klet <klet-t> ‘рядышком’, ḣòa ḣòa <sṅay-y> ‘длинный-предлинный’, krùˀ krùˀ <gru gru> (шум дождя) и т. п.

Полуповторы подразделяются на несколько групп:

1) *инициальные полуповторы* — с чередующимися финалями: kwaŋ kwui <tvuiṅ tvuy> ‘чувствовать себя усталым’, pjoa pjam <pyay pyām̊> ‘преследовать’, hlɔik hlɔŋ <lhek lhå̊ṅ> ‘разорванный, разломанный’, krùi krèh <gruy greh> ‘истощённый’ и т. п.

2) *рифмованные полуповторы* — с чередующимися инициалями: ƀet klèt <ḇet glet> ‘переполненный’, bɒh sɒh <ḇuih sruih> ‘спокойный’, tɛ̱h rɛ̱h <daḥ raḥ> ‘чрезвычайно удобный’, wàt kàt <wāt gāt> ‘очень трудный’ и т. п.

3) *гармонические* (chiming) *полуповторы* — с чередованием централи — более редкий тип: klàŋ klɛàŋ <gluiṅ glaṅ> ‘многочисленный’.

Имеются также *усложнённые полуповторы*, структурно аналогичные сочетанию ОС + ПС (thiˀ ḣədiˀ <thi thḍi> ‘полный, целый’, kròp kəsɔp <drap kasap> ‘собственность’, deak ḣəcɛ̱ak <kḍek dajek> ‘мокрый’) или ПС + ПС (pərao pəra <paro parā> ‘обстоятельства’, kəjaŋ kəjɔ <kayuiṅ kayyav> ‘драгоценности, бижутерия’, kəlɛt kəlot <talit kalot> ‘гладкий, плавный’, ḣəkut ḣəkɔn <thakut dakan> ‘разрезанный на куски’).

3.6.2. Фонология заимствований

Словарь [Shorto 1962] отмечает 384 заимствованных слова из бирманского и 295 заимствований из индийских (пали, санскрита) языков. Количество заимствований из других языков — английского, тайского, малайского — очень незначительно, поэтому наибольший интерес представляют именно заимствования из бирманского и индийских языков. С точки зрения фонологической типо-

логии эти два пласта заимствований совершенно различны, поэтому есть смысл рассматривать их в отдельности.

Среди как бирманских, так и индийских заимствований имеются слова разной структуры — ОС, ПС и многосложные слова. Фонология ОС и ПС подробно описана в главах 1 и 2, поэтому здесь мы будем останавливаться на них лишь с целью показать структурные и фонологические *изменения* по сравнению с исходными формами. Описание фонологии многосложных заимствованных слов, независимо от их происхождения, выделено в особый раздел (3.6.2.3). Под многосложными словами мы понимаем слова, содержащие не менее двух полных слогов, т. е. таких, централь которых выражена любым гласным, кроме [ə]. В состав многосложных слов, как мы увидим, могут входить и неполные слоги, но и тогда количество полных слогов должно быть не менее двух.

3.6.2.1. Заимствования из бирманского языка[13]

Заимствования из бирманского, типологически близкого монскому, языка, естественно, лучше вписались в систему монского языка по своим фонологическим характеристикам. По сути дела они ничем — ни звуковым составом, ни структурой слога и слова — не отличаются от собственно монских слов. Тем не менее разные слова в процессе ассимиляции претерпели изменения различной степени сложности. Эти изменения были неизбежны ввиду различной комбинаторики в бирманском и монском языках. Так, в бирманском возможны лишь две терминали — ˀ и ŋ, в монском выбор терминалей довольно широк. Различно и количество гласных в этих двух языках.

Однако с точки зрения звуковых изменений при переходе слова из бирманского в монский наиболее существенное значение имеет путь заимствования — устный или письменный. При устном заимствовании происходит упрощение орфографии, а звучание более близко к исходному, с поправкой на фонотактические различия и разный набор фонем. При письменном обычно сохраняется

---

[13] Мы не берёмся делать каких-либо фонологических утверждений относительно бирманской преаспирации и постаспирации, моно- или бифонемности бирманских аспирированных согласных. В связи с этим их транскрипция даётся в том виде, в каком она приводится в словарях, без использования верхних индексов.

орфография заимствуемого слова в ущерб его относительно правильному произношению. При непосредственном контакте народов оба пути заимствования могут использоваться одновременно, с преобладанием устных заимствований. При отсутствии непосредственного контакта (в силу географических или исторических причин) доминируют письменные заимствования. Таким образом, можно предвидеть четыре основных типа соотношений между исходной и конечной формами (устной и письменной):

1. Относительное соответствие и графической и фонетической формы: *бирм.* pa <pā> → *мон.* pa <pā> 'сопровождать', *бирм.* ɲi <ñī> → *мон.* ɲì <ñī> 'ровный', *бирм.* kwa <kvā> → *мон.* kwa <kvā> 'разделяться' и т. п.

2. Относительное соответствие фонетической формы при различии графической: *бирм.* haŋ <haṅ> → *мон.* hàn <hān> 'притворный вид', *бирм.* ətaŋ <'atan:> → *мон.* ətan <'atān> 'класс', *бирм.* cenaŋ <kre:nan:> → *мон.* cenan <kyeṇān> 'телеграмма' и т. п.

3. Относительное соответствие графической формы при различии фонетической: *бирм.* thouˀ <thup> → *мон.* thup <thup> 'заворачивать', *бирм.* sa <ca> → *мон.* caˀ <ca> 'начинать', *бирм.* pjaiŋ <pruiṅ> → *мон.* praŋ <pruiṅ> 'состязаться', *бирм.* souŋ <cuṁ> → *мон.* cum <cuṁ> 'четный', *бирм.* laˀ <lat> → *мон.* lòt <lat> 'свежий' и т. п.

4. Различие и графической и фонетической формы: *бирм.* θeiˀ <sip> → *мон.* soik <sik> 'впихивать', *бирм.* chauˀ <khrok> → *мон.* khrɔk <khrūk> 'сухой', *бирм.* jiˀ <rac> → *мон.* rèt <ret> 'кружить', *бирм.* θouˀ <svap> → *мон.* sot <s(r)ot> 'цинк', *бирм.* pwe <pvai> → *мон.* poa <poy> 'религиозный праздник' и т. п.

Для бирманских заимствований в монском языке типично восстановление этимологических терминалей (признак письменного заимствования): *бирм.* kaiˀ <kuik> → *мон.* kɔik <kek> 'резец рубанка', *бирм.* jouˀ <yut> → *мон.* jùt <yut> 'вырождаться', *бирм.* thaˀ <thap> → *мон.* thɔp <thap> 'добавлять', но: *бирм.* jiˀ <rac> → *мон.* rèt <ret> 'кружить', поскольку в центральном диалекте монского языка не сохранилось палатальных терминалей.

Вместе с тем этимологическая терминаль восстанавливается не всегда: вместо неё может появиться смычный или сонант другого локального класса: *бирм.* chouˀ <khyup> → *мон.* chɜk <khyuk> 'подрядиться', *бирм.* əcaˀ <'aca> → *мон.* əcat <'acāt> 'острая закуска', *бирм.* souˀ <cut> → *мон.* cɜk <cuk> 'кисть', *бирм.* əthouˀ <'athut> → *мон.* əthup <'athup> 'сверток', *бирм.* hŋɛˀ <ṅhak> → *мон.* hɛt <sṅit> 'сампан', *бирм.* paiˀshaŋ <puik chaṁ> → *мон.* pəchan <pachān> 'деньги', *бирм.* njeiŋ <ñrim> → *мон.* ɲòiŋ <ññiṅ> 'спокойный', *бирм.* khaŋ <khaṁ> → *мон.* khɔm <kham> 'заполучить', *бирм.* chɛiŋ <khyin> → *мон.* choiŋ <khyiṅ> 'отвес, грузило', *бирм.* ti <taññ> → *мон.* tɔn <tan> 'устойчивый', *бирм.* si <caññ:> → *мон.* cɛŋ <caṅ ñay> 'горизонтальная проекция носа каноэ на верхнюю часть корпуса', *бирм.* θəliŋ <salaṅ:> → *мон.* səlen <salen> 'хрусталь'.

Характерная особенность заимствований из бирманского — появление терминали в виде ГС после гласных в графически открытом слоге, произносившихся в бирманском языке в первом тоне: *бирм.* kwa <kva> → *мон.* kwaˀ <kva> 'невысокий', *бирм.* hma <mha> → *мон.* maˀ <mha> 'только', *бирм.* əhmu <'amhu> → *мон.* əhmaoˀ <'amhu> 'дело', *бирм.* khu <khu> → *мон.* khɒˀ <khui'> 'подпирать', *бирм.* mja <mra> → *мон.* pərɛˀ <mra> 'изумруд', *бирм.* sou <cui.> → *мон.* cɔ̀ˀ <cui'> *пригласительная частица*, *бирм.* pho <bhui.> → *мон.* phɜ̱ˀ <bhui'> 'чтобы', *бирм.* jo <lyo.> → *мон.* jɔ̀ˀ <ya'> 'недоставать', *бирм.* hlɛ <lhaññ.> → *мон.* hleˀ <lhe', sle'> 'ухаживать', *бирм.* ʃo <lhyo.> → *мон.* ʃɔˀ <rha'> 'сокращать'.

Как и в случае с терминалями, гласные подвержены значительной вариативности, отчасти под влиянием правого и левого окружения, т. е. в зависимости от регистра, «определяемого» инициалью, и типа терминали, а также открытости / закрытости слога. Таким образом, например, бирманское [ou] передаётся как ù, ɒ, ɜ, ɜ̱: *бирм.* jouŋ <run:> → *мон.* rùn <run> 'вырываться', *бирм.* pjou <prui> → *мон.* prɒ <pruiv> 'крошиться', *бирм.* pou <pui> → *мон.* pɜ <puiv> 'превышать', *бирм.* louŋ <luṁ> → *мон.* lɜ̱ŋ <luṅ> 'водонепроницаемый', а [ai] как a, à, ɛ̱a, ɔi, òi: *бирм.* hlaiŋ <lhuiṅ:> → *мон.* laŋ <luiṅ> 'сноп', *бирм.* əjaiŋ <'aruiṅ:> →

мон. ərāŋ <'aruiṅ> 'дикость', *бирм.* caiŋ <kyuiṅ:> → *мон.* əkrɛ̱aŋ <'agraṅ> 'саранча', *бирм.* shaiŋ <chuiṅ> → *мон.* chɔiŋ <cheṅ> 'магазин', *бирм.* ənaiŋ <'anuiṅ> → *мон.* ənòiŋ <'aniṅ> 'принуждение' и т. п.

При этом, как и в собственно монском, одни и те же гласные часто изображаются с помощью нескольких разных графем.

Что касается инициалей, то здесь следует отметить превращение согласных второй варги (палатальных аффрикат) в кластеры (*бирм.* couŋ <kruṁ> → *мон.* krɒm <kruiṁ> 'хвастаться', *бирм.* chauˀ <khrok> → *мон.* khrɔk <khrūk> 'высушенный', *бирм.* chiŋ <khyaṅ:> → *мон.* khlɛŋ <khlaṅ> 'проникать', *бирм.* chaiŋ <khyiṅ> 'клетка' → *мон.* khraŋ <khruiṅ> 'огораживать', *бирм.* chouˀ <khyup> → *мон.* chɜk <khyuk> 'подрядиться') и переход переднеязычных спирантов в палатальные (*бирм.* sauŋ <'acoṅ> → *мон.* cɔŋ <cūṅ> *счетное слово для книг*, *бирм.* saˀ <cap> → *мон.* cɔp <cap> 'волнорез', *бирм.* siˀ <cac> → *мон.* cèt <jet> 'настоящий', *бирм.* shi <chī:> → *мон.* che <che(v)> 'мешать', *бирм.* shaˀ <chap> → *мон.* chɔp <chap> 'просо', *бирм.* sho <cho> → *мон.* chao <khyau> 'паять').

Имеет место также восстановление этимологической /r/: *бирм.* jwe <rve:> → *мон.* rùi <ruy> 'выбирать', *бирм.* əja <'arā> → *мон.* ərɛ̱a <'arā> 'вещь', *бирм.* saje <cāre:> → *мон.* kəre <carev> 'чиновник', *бирм.* mjauŋ <mroṅ:> → *мон.* pəròŋ <mrūṅ> 'канава'.

Вместе с тем восстановление этимологических звуков происходит не всегда: наблюдается упрощение последовательностей согласных, один из которых — лабиальный сонант: *бирм.* θuŋ <svan:> → *мон.* son <son> 'чеканить', *бирм.* θouˀ <svat> → *мон.* sot <sot> 'цинк', *бирм.* khwɛˀ <khvak> → *мон.* khok <khok> 'чашка', *бирм.* thwe <thve:> → *мон.* thui <thuy> 'беспорядочный' и т. п.

Заслуживают внимания последовательности типа h + сонант, происхождение которых в монском и бирманском языках оставляет ряд вопросов. Собственно монские слова уже рассматривались в разделе 2.3.2.2. Однако некоторые слова с такого типа инициалями — общие для монского и бирманского языков, и направление

заимствования в некоторых случаях остаётся неясным. В частности, Х. Л. Шорто помечает, как заимствования из бирманского, слова *бирм.* hmiŋ <maṅ> → *мон.* hmɛŋ <mhaṅ> ‘чернила’, *бирм.* hma <mhā:> → *мон.* hma <mhā, smā> ‘блуждать’, *бирм.* hno <nho> → *мон.* hnao <nhau, snau> ‘смешивать’, *бирм.* hɲa <ñhā> → *мон.* hɲa <ñhā> ‘умерять’, *бирм.* hlɛ <lhañ.> → *мон.* hleʔ <lhe’, sle’> ‘ухаживать’, *бирм.* hlɛ <lhay> → *мон.* hlai <lhāy, slāy> ‘обмениваться’, *бирм.* hlaŋ <lhan> ‘переворачивать’ → *мон.* hlɔn <lhan> ‘соблазнять’, *бирм.* hlwiŋ <lhvaṅ.> → *мон.* hloŋ <lhoṅ> ‘плыть’, *бирм.* hlouʔ <lhvat> → *мон.* hlot <lhot> ‘парламент’.

Бирманское происхождение этих слов, по-видимому, более вероятно, чем мон-кхмерское. Во-первых, они не вызывают ассоциаций с соответствующими кхмерскими словами. Во-вторых, они не зафиксированы в словаре [Shorto 1971]. В-третьих, само по себе явление «преаспирации» в бирманском распространено гораздо шире, чем в монском, если судить по количеству слов, приводимых в бирманской и монской лексикографии. Особенности орфографии этой группы заимствований (колебание в написании инициалей (<mh~sm>, <nh~sn>, <lh~sl> и т. п.) — по-видимому следствие аналогий со словами, для которых написания с <sm sn sl> и т. п. этимологически оправданы.

Наконец, следует сказать о соотношении слоговой структуры бирманских заимствований и их прототипов. Вполне естественно, что, как правило, бирманские ОС остаются ОС, а ПС — ПС и в монском языке. Однако есть некоторые отступления в ту и другую сторону:

<u>ОС → ПС:</u> *бирм.* couŋ <krum̀> → *мон.* əkrɒm <’akruim̀> ‘хвастовство’, *бирм.* pauŋ <poṅ:> ‘печь’ (гл.) → *мон.* əpɔŋ <’apūṅ> ‘пончик’, *бирм.* θeiŋ <sim:> → *мон.* əsɛm <’asim̀> ‘сокол’, *бирм.* caiŋ <kyuiṅ:> → *мон.* əkrɛ̱aŋ <’agraṅ> ‘саранча’, *бирм.* mja <mra> → *мон.* pərɛʔ <mra> ‘изумруд’, *бирм.* mjauŋ <mroṅ:> → *мон.* pərɔ̀ŋ <mrūṅ> ‘канава’ и т. п.

<u>ПС → ОС:</u> *бирм.* jəhaʔ <rahat> → *мон.* hɔt <hat> ‘шпиндель, колесо’, *бирм.* əkhiŋ <’akhaṅ> → *мон.* khɛŋ <khaṅ> ‘моток пряжи’, *бирм.* əsauŋ <’acoṅ> → *мон.* cɔŋ <cūṅ> *счетное слово*

для книг, *бирм.* ətaŋ <'atan:> → *мон.* tɔn <tān> 'класс', *бирм.* θəbiŋ <sabhaṅ> → *мон.* phɛ̱aŋ <sabhaṅ> 'праздник', *бирм.* əja <'arā> → *мон.* rɛ̱a <rā> 'вещь, место' и т. п.

В первом случае мы, по-видимому, имеем дело с префиксацией и эпентезой, во втором — с упрощением («сокращением» — по терминологии Ф. Мартини [Martini 1954]) — явлением, широко распространённым при адаптации заимствований из индийских языков, о которых пойдёт речь дальше.

3.6.2.2. Заимствования из индийских языков

Пали и санскрит (мы не будем разграничивать их ввиду типологической общности языкового материала) относятся к НСЯ, поэтому для них типичны слова и морфемы большей протяжённости, чем один слог. Такие необычно длинные слова трудны и для произношения и для восприятия носителями СЯ, поэтому вполне естественно, что в процессе ассимиляции, по крайней мере, наиболее употребительные из них сокращаются до удобопроизносимого состояния. Таким образом, «реализуется типичная для языков региона тенденция к сокращению длины слова за счёт стяжения слогов» [Янсон 1997 : 58].

Если сравнить слова санскритско-палийского происхождения в монском языке с их оригинальными звуковыми формами, обнаружится, что в среднем заимствованные слова в полтора раза короче их прототипов.

В табл. 19 дано соотношение длины индийских слов и их ассимилированных форм в монском языке. Цифры обозначают количество слов, удовлетворяющих этому соотношению. Судя по табл. 19, видно, что преобладающая форма исходных индийских слов — это 2–3-сложные слова, в то время как для индийских заимствований (как и для монского в целом) характерны 1–1,5-сложные структуры. Причем в обоих языках по мере увеличения количества слогов свыше двух происходит убывание количества слов такого состава, однако в монском гораздо более резкое.

Таблица 19. **Соотношение количества слогов в исходных и заимствованных словах**

Количество слогов в монских словах	Количество слогов в индийских словах					Количество примеров	
	1 S*	2 S	3 S	4 S	5 S	Всего	%
1 S	2	99	7	–	–	108	36,6
1,5 S		15	43	2	1	61	20,7
2 S		44	29	3	1	77	26,1
2,5 S		–	17	15	1	33	11,2
3 S		–	7	1	–	8	2,7
3,5 S		–	–	6	1	7	2,4
4 S		–	–	1	–	1	0,3
Всего индийских слов	2	158	103	28	4	295	100,0
%	0,7	53,6	34,9	9,5	1,4	100	

Разница в соотношении количества слогов в исходной (индийской) и конечной (монской) формах обусловлена уменьшением количества слогов и полной или частичной редукцией отдельных гласных. В этом разделе мы рассмотрим только те заимствования, которые в процессе фонологической адаптации приобрели стандартную для монского языка форму — ОС или ПС. В скобках указаны сегменты, опущенные в процессе ассимиляции.

2 S → 1 S: *инд.* muk(ha) → *мон.* mɜ̱k <muk> 'лицо'; *инд.* tu(lā) → *мон.* tao <tū> 'Весы'; *инд.* dvā(ra) → *мон.* kwɛ̱a <dvā> 'отверстие'; *инд.* sūt(ra) → *мон.* sɔt <sat> 'сутра'.

3 S → 1 S: *инд.* co(danā) → *мон.* cao <co> 'насмешка'; *инд.* vyañ(jana) → *мон.* pjòn <byan> 'согласный звук'; *инд.* (ma)nuṣ(a) → *мон.* nìh <mnih> 'человек'.

2 S → 1,5 S: *инд.* pūjā → *мон.* hɔcɛ̱a <ƀajau> 'делать подношение духам'; *инд.* dhanu → *мон.* thənùʔ <dhanu> 'Стрелец'; *инд.* ƀhava → *мон.* həwɛ̱ʔ <ƀhava> 'воплощение'; *инд.* kavi → *мон.* kəwɔeʔ <kavi> 'поэзия'.

3 S → 1,5 S: *инд.* (co)danā → *мон.* tənɛ̱a <danā> 'насмешка'; *инд.* p(ār)ada → *мон.* hətɛ̱a <ƀadā, pradā> 'ртуть'; *инд.* aṅgā(ra) → *мон.* əŋɛ̱a <'aṅgār> 'Марс'; *инд.* paccay(a) → *мон.* hɔcoa <ƀacay> 'все необходимое'.

4 S → 1,5 S: *инд.* ja(va)nik(a) → *мон.* hənòik <janik> 'занавес, штора'; *инд.* (a)bhiṣec(ana) → *мон.* pəsɔik <pasek, basek> 'ритуальное омовение'.

5 S → 1,5 S: *инд.* (ba)lavāh(ana) → *мон.* kəpɛ̱h <labaḥ>: pɜ̱ ~ 'военный эскорт'.

Проследить закономерности фонетико-структурных изменений в индийских заимствованиях удобно на примере индийских двусложных слов, заимствованных монским. К основным изменениям, происходящим в процессе превращения двусложных слов в односложные, относятся следующие.

1. Отпадение конечного гласного, чаще всего краткого /a/ (примерно в 75% случаев): *инд.* yān(a) → *мон.* jàn <yān> 'повозка'; *инд.* nay(a) → *мон.* noa <nay> 'правило'; *инд.* bhāg(a) → *мон.* phàik <bhāk> 'часть'; *инд.* pad(a) → *мон.* pɒt <puit> 'знак препинания'; *инд.* rūp(a) → *мон.* rùp <rup> 'вид, форма'. Значительно реже происходит отпадение других гласных. Поскольку долгота гласного для монского языка нефонологична, то естественно, что на втором месте по количеству примеров обнаруживаются слова с редукцией этимологически долгого /ā/: *инд.* chay(ā) → *мон.* chai <chāy, khyāy> 'прекрасный'; *инд.* brahm(ā) → *мон.* prɜ̱m <brui> 'Брахма'; *инд.* dis(ā) → *мон.* tɜ̱h <duih> 'сторона света'; *инд.* guh(ā) → *мон.* kɜ̱h <guih, goh> 'грот'; *инд.* sīm(ā) → *мон.* sɛm <siṁ> 'граница'. Кроме того, имеются примеры редукции конечных /u/ (*инд.* dhāt(u) → *мон.* thàt <dhāt> 'элемент'; *инд.* het(u) → *мон.* hɒt <huit> 'причина'; *инд.* vas(u) → *мон.* pòh <bah> 'множество' и /i/ (*инд.* jāt(i) → *мон.* càt <jāt> 'потомок'; *инд.* koṭ(i) → *мон.* kɒt <kuit> '100 тысяч'; *инд.* bhūm(i) → *мон.* phum <bhūm> 'часть вселенной').

2. Падение сонантных терминалей после отпадения гласного: *инд.* vā(ra) → *мон.* wɛ̱a <vā> 'время'; *инд.* mā(ra) → *мон.* mɛ̱a <mā> 'Мара-искуситель'; *инд.* va(ra) → *мон.* wɜ̱ <vuiv> 'благословение'; *инд.* jā(la)→ *мон.* cɛ̱a <jā> 'сеть, решетка'; *инд.* ba(la) → *мон.* pɜ̱ <buil, buiv> 'армия'; *инд.* pha(la) → *мон.* phɒ <phuiv> 'эффект, результат'; *инд.* tā(la)→ *мон.* ta <tā> 'сахарная пальма'; *инд.* ja(va) → *мон.* cɛ̱a <jau> 'быстрый'.

3. Упрощение консонантных групп до одного согласного — первого в группе — после отпадения гласного: *инд.* suk(ka) → *мон.* sɜk <suk> ‘семя’; *инд.* duk(kha) → *мон.* tàk <duik> ‘бедный’; *инд.* lak(ṣa) → *мон.* lɛk <lak> ‘10 тысяч’; *инд.* liṅ(ga) → *мон.* loiŋ <liṅ> ‘пол, род’; *инд.* ciṭ(ta) → *мон.* cɒt <cuit> ‘разум’; *инд.* vat(ta) → *мон.* wòt <vat> ‘долг’; *инд.* hat(tha) → *мон.* hɔt <hat> ‘локоть *(мера длины)*’; *инд.* kam(ma) → *мон.* kɔm <kaṁ> ‘карма’; *инд.* vas(sa) → *мон.* wòh <vah> ‘7-й лунный месяц’; *инд.* pus(sa) → *мон.* paoh <puh> ‘10-й лунный месяц’; *инд.* oṭ(ṭha) → *мон.* ˀut <’ut> ‘верблюд’.

4. Отпадение второго слога целиком: *инд.* siṁ(ha) → *мон.* soiŋ <siṅ> ‘Лев’; *инд.* bim(ba) → *мон.* pɜ̱m <buiṁ> ‘изображение’; *инд.* kum(bha) → *мон.* kum <kuṁ> ‘Водолей’; *инд.* daṇ(ḍa) → *мон.* tàn <dāṇ> ‘наказание’; *инд.* man(tra) → *мон.* mòn <man> ‘заговаривать (воду и т. п.)’; *инд.* cai(tra) → *мон.* coa <cay> ‘1-й лунный месяц’; *инд.* rāṣ(ṭra) → *мон.* rɛ̱h <raḥ> ‘страна’; *инд.* can(dra) → *мон.* cɔn <can> ‘луна’; *инд.* rat(na) → *мон.* ràt <rat> ‘драгоценный камень’; *инд.* vād(ya) → *мон.* pàt <bāt> ‘ударный инструмент’; *инд.* kan(yā) → *мон.* kɔn <kan> ‘Дева’; *инд.* puṇ(ya) → *мон.* pɒn <puin> ‘достоинство, добродетель’; *инд.* sūn(ya) → *мон.* sɔn <s(r)un> ‘пустынный’; *инд.* cak(ra) → *мон.* cɛk <cak> ‘механизм’; *инд.* suk(ra) → *мон.* sak <suik> ‘Венера’; *инд.* vaj(ra) → *мон.* pɜ̱t <buit> ‘алмаз’.

5. Отпадение всего последнего слога, а затем и конечного сонанта первого слога: *инд.* dha(rma) → *мон.* thò <dhav> ‘Дхарма’; *инд.* sva(rga) → *мон.* hwɔ <svav> ‘рай’; *инд.* ga(rbha) → *мон.* kò <gav> ‘чрево’; *инд.* ka(lpa) → *мон.* kɔ <kav> ‘эпоха’; *инд.* sa(lya) → *мон.* sɔ <sar, sav>: əca ~ ‘хирург’.

Для случаев (4)–(5) совершенно справедлив вывод М. Ферлю о том, что «после группы согласных последний слог отпадает целиком», хотя в книжных формах этого может и не происходить [Ferlus 1984 : 7].

Превращение индийских двусложных слов в ПС происходит в результате редукции гласного *первого* слога: *инд.* dhana → *мон.* hənɛˀ <dhana> ‘богатство’; *инд.* mano → *мон.* mənò <mano>

‘душа’; *инд.* bali → *мон.* hәlìʔ <bali> ‘подношение духам’; *инд.* seṭṭhī → *мон.* kәthi <seṭṭhī> ‘богатый человек’.

Собственно звуковые изменения в основном соответствуют законам фонологической системы монского языка. Среди них — *оглушение конечных звонких* (*инд.* bhāga → *мон.* phàik ‘половина’; *инд.* pada → *мон.* pɒt ‘слово’; *инд.* dravya → *мон.* kròp ‘собственность’), *дезаспирация конечных придыхательных* после отпадения гласного (*инд.* duk(kha) → *мон.* tàk ‘бедный’, suk(ha) → *мон.* sak <suik> ‘богатый’; *инд.* lek(ha) → *мон.* lòik <lik> ‘текст’; *инд.* lāb(ha) → *мон.* lèp <lāp> ‘вознаграждение’; *инд.* māg(ha) → *мон.* màik <māk> ‘11-й лунный месяц’), *переход палатальных терминалей в дентальные* (*инд.* vacca → *мон.* wòt ‘кал’; *инд.* vajra → *мон.* pɜ̱t ‘алмаз, изумруд’), *превращение конечного /s/ в /h/* (*инд.* pussa → paoh ‘10-й лунный месяц’; *инд.* rasa → *мон.* ròh ‘аромат’), *оглушение начальных звонких* (*инд.* guṇa → *мон.* kùn ‘благодетель’; *инд.* bimba → *мон.* pɜ̱m ‘изображение’; *инд.* bhūmi → *мон.* phùm ‘часть Вселенной’; *инд.* dharma → *мон.* thò ‘закон, принцип’), *нейтрализация начальных согласных в ПС* (*инд.* bali → *мон.* hәlìʔ ‘подношение’; *инд.* bhava → *мон.* hәwɛ̱ʔ ‘воплощение’; *инд.* jāta → *мон.* hәta ‘рождение’; *инд.* kavi → *мон.* kәwɔeʔ ‘поэзия’; *инд.* carita → *мон.* kәrɒt ‘поведение’) и т. д.

Детальное описание всех звуковых изменений в заимствованных словах требует специального исследования и не входит в задачи настоящей работы.

3.6.2.3. Многосложные заимствованные слова

ОС и ПС иноязычного происхождения, как ясно из представленного материала, органично вписываются в фонологическую систему монского языка. Слова большего формата фонологически подобны сложным словам и словосочетаниям, если не содержат неполных слогов, или разного рода комбинациям ОС и ПС, если в них имеются неполные слоги:

ОС + ОС (+ОС...): phɛ̱a-sa ‘язык’, sɔŋ-wè-kɛ̱ʔ ‘раскаяние’, rɛ̱a-cɛ̱a-wòŋ-saʔ ‘королевская семья’;

ОС + ПС: tɛk-kəsɒ 'университет', um-nəlùm 'единственный волос Будды';

ПС + ОС: əthìʔ-pai 'объяснение', pətɔeʔ-pɔt 'поведение';

ПС + ПС: həca-rəna 'размышлять', pərɔ̀ik-kəsɒ '9-й лунный месяц';

ОС + ОС + ПС: wìʔ-pɔt-səna 'второе зрение', uʔ-pa-səka 'мирянин' и т. п.

То, что массовым сознанием по крайней мере некоторые такие слова воспринимаются как комбинации ОС и ПС, подтверждается двумя курьезными примерами, когда части многосложных заимствований стали функционировать самостоятельно — как синонимы (*инд.* codanā 'оскорбление' → cao <co> 'насмехаться' ~ təŋɛ̱a <danā> 'то же'; ср. *кхм.* caot <cod> 'обвинять') или как определение и определяемое ((ba)lavāh(ana) → *мон.* kəpɛ̱h <labaḥ> 'эскорт'; pɜ̱ ~ 'военный эскорт'; ср. *инд.* ba(la) → *мон.* pɜ̱ <buil, buiv> 'армия').

По наличию / отсутствию в составе многосложных слов неполных слогов их можно разделить на две группы:

А. *Полносложные.*

<u>2 S → 2 S:</u> *инд.* utu → *мон.* uʔtaoʔ <utu> 'время года'; *инд.* aṁsa → *мон.* ɛŋsaʔ <'aṅsa> 'монашеская тога'; *инд.* dosa → *мон.* tòsaʔ <dosa> 'ненависть'; *инд.* bhāsā → *мон.* phɛ̱asa <bhāsā> 'культура, язык'.

<u>3 S → 2 S:</u> *инд.* nigam(a) → *мон.* nìkɜ̱m <nīguiṁ> 'конфедерация городов'; *инд.* prakā(ra) → *мон.* praʔka <prakā> 'вид, сорт'; *инд.* prākat(ya) → *мон.* prakɔt <prākat> 'появляться'.

<u>4 S → 2 S:</u> *инд.* (a)bhiṣec(ana) → *мон.* phɔ̀ik sɔik <bhiksek> 'ритуальное омовение'; *инд.* jam(bu)ras(a) → *мон.* cɔ̀mrɔ̀h <jammurah> 'яванская слива'; *инд.* niman(teti) → *мон.* nìʔmɔ̀n <niman> 'приглашать'.

<u>5 S → 2 S:</u> *инд.* yāma(kālikā) → *мон.* jɛ̱amɛ̱ʔ <yāma> 'подслащённый лимонный сок'.

<u>3 S → 3 S:</u> *инд.* paṭhama → *мон.* paʔthaʔmaʔ <paṭhama> 'первый'; *инд.* dutiya → *мон.* tùʔtìʔja <dutiya> 'второй'; *инд.* pūriṣāt → *мон.* paoriʔsat <pūrisāt> 'простой народ'.

4 S → 3 S: *инд.* tiracchan(a) → *мон.* tɔe?ròtchan <tiracchān> 'животное'.

4 S → 4 S: *инд.* rājāvaṁsa → *мон.* r͟ɛac͟ɛawòŋsa? <rājāvaṁsa> 'королевская семья'.

Б. *Неполносложные*

3 S → 2,5 S: *инд.* sāsana → *мон.* sasəna <sās(a)nā> 'религия'; *инд.* devatā → *мон.* tèwətao <devadau> 'класс небесных существ'; *инд.* payoga → *мон.* pəjaokɛ? <payoga> 'магические силы'.

4 S → 2,5 S: *инд.* abhidhān(a) → *мон.* əphì?thàn <'abhidhān> 'словарь'; *инд.* upade(sa) → *мон.* u?pətè <'upade(s)> 'закон, юриспруденция'; *инд.* rāj(a)vaṁ(sa) → *мон.* r͟ɛacəw͟ɛaŋ <rājāvaṅ> 'светская история'.

5 S → 2,5 S: *инд.* piṭakat(taya) → *мон.* pɔe?təkɔt <piṭakat> 'Типитака'.

4 S → 3,5 S: *инд.* senāpati → *мон.* senapətɔe? <seṇapati> 'генерал'; *инд.* paṭisandhi → *мон.* pətɔe?sɔnthì? <patisandhi> 'зачатие'; *инд.* vicāraṇa → *мон.* həcarəna <b(a)cāranā> 'размышлять'.

5 S → 3,5 S: *инд.* parinibhān(a) → *мон.* pərɔe?nìppàn <parinib(b)ān> 'смерть и просветление'.

Примечательно, что чем более сохраняется соответствие количества слогов в заимствованном слове и его прототипе, тем менее такие слова соответствуют фонологической структуре монского слова. Наименее освоенные многосложные слова остаются полносложными: *инд.* cuti → *мон.* cu?tɔe? <cuti> 'смерть'; *инд.* kriyā → *мон.* krɔe?ja <kriy(y)ā> 'глагол'; *инд.* rāsī → *мон.* r͟ɛasɔe <rāsī> 'знак зодиака', *инд.* horā → *мон.* hura <hra, horā> 'астролог'; *инд.* mettā → *мон.* mètta <mettā> 'дружба, любовь'; *инд.* kaṅkha → *мон.* khɛŋkha <khaṅkha> 'сомнение' (2S → 2S); *инд.* saṁvega → *мон.* sɔŋwèk͟ɛ? <sūṅvega> 'раскаяние' (3S → 3S); *инд.* rājāvaṁsa → *мон.* r͟ɛac͟ɛawòŋsa? <rājāvaṁsa> 'королевская семья' (4S → 4S). Такие многосложные слова напоминают, скорее, сложные слова или словосочетания.

Однако следует подчеркнуть, что случаи равенства количества слогов в заимствованном слове индийского происхождения и его прототипе в целом нетипичны, гораздо более распространено со-

кращение многосложных слов индийского происхождения до ОС и ПС: *инд.* vihā(ra) → *мон.* phɛ̱a <bhā> 'монастырь'; *инд.* vyañ (jana) → *мон.* pjòn <byan> 'согласный звук'; *инд.* ācā(rya) → *мон.* əca <'acā> 'учитель'; *инд.* ākās(a) → *мон.* əkah <'akaḥ> 'небо'.

Примечательно, что сокращение (полная редукция) происходит главным образом за счёт последнего слога, однако отнюдь не приурочено исключительно к нему. В редких случаях оно может происходить за счёт первого слога: *инд.* (i)si → *мон.* sɔeʔ <si> 'отшельник'; *инд.* (sa)tru → *мон.* kraoʔ <tru> 'враг'; *инд.* (co)danā → *мон.* tənɛ̱a <danā> 'насмешка'; *инд.* (a)mṛta → *мон.* pərɜ̱t <m(a)ruit> '*Anona squamosa*'; *инд.* (vā)sanā → *мон.* həna <saṇā>: pòh ~ 'вспоминать'.

Однако чаще вместо отпадения слога или наряду с ним сокращение происходит за счёт частичной редукции одного или нескольких гласных. Поскольку долгота в монском языке нефонологична, под частичной редукцией мы понимаем превращение его (их) в нейтральный [ə]. Нейтрализация гласных может происходить в любом из непоследних слогов[14]:

1) в первом слоге: *инд.* asubha → *мон.* əsaoʔphɛʔ <'asubha> 'экскременты'; *инд.* payoga → *мон.* pəjaokɛʔ <payoga> 'магические силы'; *инд.* paṭipatti → *мон.* pətɔeʔpɔt <paṭipat> 'характер, поведение'; *инд.* adhippāya → *мон.* əthìʔpai <'adhippāy> 'объяснение';

2) во втором слоге: *инд.* sattāha → *мон.* sɔttəhaʔ <sattaha> 'неделя'; *инд.* desana → *мон.* tèsəna <desna> 'проповедь, учение'; *инд.* vāsanā → *мон.* wɛ̱asəna <vāsanā> 'склонность'; *инд.* tāpasa → *мон.* tapəsao <tāpaso> 'отшельник';

3) частичная редукция в первом и полная редукция в третьем слогах: *инд.* āsrām(a) → *мон.* əsam <'asrām> 'окрестности храма'; *инд.* āyuk(a) → *мон.* əjɜ̱k <'ayuk> 'возраст'; *инд.* suparṇ(a) → *мон.* həpɔ <s(a)pav> 'Гаруда'; *инд.* maithun(a) → *мон.* məthun

---

[14] Нейтральный [ə] никогда не встречается в последнем слоге многосложного слова, поэтому в данной позиции возможна либо полная редукция гласного или всего слога, либо сохранение рефлекса этимологического гласного (в этом случае слово всегда является многосложным).

<methun> 'Близнецы'; *инд.* atīt(e) → *мон.* ətoik <'atik> 'прошлое'; *инд.* sahāy(a) → *мон.* səhai <sahāy> 'друг'; *инд.* carit(a) → *мон.* kərot <caruit> 'поведение';

4) частичная редукция в первом и третьем слогах: *инд.* vicāraṇa → *мон.* həcarəna <b(a)cāranā> 'размышлять'; *инд.* mṛgasirṣa → *мон.* pəròikkəsɒ <marek-kasuiv> '9-й лунный месяц'.

Как можно заметить, редукции подвергаются главным образом этимологические гласные /a/ и /ā/. На все остальные гласные приходится лишь около 1/8 части примеров: *инд.* vicāra → *мон.* həca <bcā> 'судить, рассуждать'; *инд.* vaiśākha → *мон.* pəsaik <pasāk> '2-й лунный месяц'; *инд.* suparṇa → *мон.* həpɔ <s(a)pav> 'Гаруда' и т. п.

Интересно, что среди гласных, не подвергшихся редукции, встречается и краткое /a/, в том числе в конце слова: *инд.* sīla → *мон.* sɔeˀlaˀ <sīla> 'принцип'; *инд.* sadda → *мон.* sɔttɛ̰a <saddā> 'грамматика'; *инд.* buddha → *мон.* pùtthɛ̰ˀ <buddha> 'изображение Будды'; *инд.* sacca → *мон.* sɔtcɛˀ <sacca> 'истина'.

Отдельные примеры многосложных слов встречаются и среди заимствований из бирманского. Здесь преобладают недостаточно освоенные двуслоги (*бирм.* sɛˀku <cakkū> → *мон.* cɛkkhao <cakkho> 'бумага'; *бирм.* khau ɲjaŋ <khoṅ ram> → *мон.* khaojan <khoyyān> 'гибискус'; *бирм.* bauŋbi <poṅ: bhī> → *мон.* pɔŋmɔe <pūṅmī> 'брюки'; *бирм.* thɔbaˀ <thopat> → *мон.* thòpàt <thavbāt> 'сливочное масло', опосредованные заимствования из других языков (*бирм.* biŋgali <bhaṅgālī> → *мон.* pɛ̰aŋkəlì <baṅgalī> 'Бенгалия', *бирм.* əsoja <'acui:ra> → *мон.* əcɔjaˀ <'acuiv yya> 'правительство'), встречаются и гибридные заимствования (*бирм.* mi <mī:> 'огонь' + *инд.* ratha 'повозка' → *бирм.* mijətha <mī:rathā:> → *мон.* mijətha <mīyathā> 'поезд').

3.6.2.4. Вариативность заимствованных слов

Для языков Индокитая обычно, когда сосуществуют два (или более) заимствованных алломорфа, один из которых обычно имеет форму ОС и обладает всеми признаками слогоморфемы, а другой

представляет собой ПС или полисиллаб. Для местного словообразования на базе индийских морфем характерно использование именно второй разновидности для образования сложных слов.

В монском также довольно часто встречаются случаи варьирования ПС и полисиллаба, обнаруживается ряд таких дублетов в виде синонимов, стилистических или произносительных вариантов (*инд.* lok(a) → *мон.* lə̀k <luik> ~ lə̀kaʔ <loka> 'физический мир'; *инд.* (a)bhiṣec(ana) → *мон.* pəsɔik <pasek> ~ phə̀ik sɔik <bhiksek> 'ритуальное омовение'; *инд.* māna → *мон.* mənɛ̱ʔ <māna> ~ mɛ̱anɛ̱ʔ <māna> 'высокомерие'). Иногда такие пары значительно расходятся в семантическом отношении: *инд.* sukha → *мон.* sak <suik> 'богатый' ~ saoʔkha <sukha> 'счастье'; *инд.* ṭhāna → *мон.* than <ṭhāna> 'место' ~ thanaʔ <ṭhāna> 'учреждение, присутственное место'; *инд.* dhana → *мон.* hənɛ̱ʔ <dāna> 'богатства, собственность' ~ thɛ̱anɛ̱ʔ <dāna> 'удача'; *инд.* pūjā → *мон.* həcɛ̱a <bajau> 'делать подношение духам' ~ paocɛ̱a <pūjau> 'делать подношение монахам' и т. п.

Реже встречается варьирование двух ОС индийского происхождения: *инд.* vaj(ra) → *мон.* pɜ̱t <buit> 'алмаз, изумруд' ~ pə̀t <bat> 'молния Индры'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монский язык представляет собой благодатное поле деятельности для лингвиста, позволяя в полной мере выявить важнейшие типологические особенности мон-кхмерских языков. При этом их отличие от других слоговых языков Китая и Юго-Восточной Азии выступает особенно рельефно.

Прежде всего фонологию монского языка, как и других мон-кхмерских языков, удобнее описывать в виде нескольких подсистем. Многосистемный подход к описанию фонологии монского языка как раз и применён в настоящей работе. В отличие от многосистемного подхода Х. Л. Шорто, у которого фонологические подсистемы — это по существу классы дистрибуции гласных и согласных, нами выделены системы двух регистров (R1 и R2) и системы односложных и «полуторасложных» слов (ОС и ПС). Представляя собой как бы две пересекающиеся плоскости, эти системы образуют соответственно четыре подсистемы. Каждая фонологическая подсистема располагает собственным, количественно и качественно различным, инвентарем инициалей и финалей, а следовательно, и слогов.

В работе подробно рассмотрены основные фонологические проблемы, обычно вызывающие дискуссии, а порой и острые разногласия, между лингвистами, специализирующимися на языках слогового типа.

Среди основных проблем монской фонологии — вопросы регистра, фонологического статуса начальнослоговой гортанной смычки и фонологической структуры аспирированных кластеров типов «C + h», «h + C», «C + h + сонант».

Регистр рассматривается нами как многомерное явление, как комплекс фонетических характеристик, в сумме имеющих фоноло-

гическую релевантность Взятые в отдельности, высота голосового тона, напряжённость, тип фонации и другие фонетические параметры не обеспечивают словоразличения. Набор характеристик, входящих в регистровый комплекс, степень их выраженности и соотношение отличаются от диалекта к диалекту и от языка к языку. В отличие от тона регистр не зависит от структуры слога и качества терминали. В связи с этим приравнивать мон-кхмерские регистры к тонам в других СЯ нецелесообразно.

Начальнослоговая гортанная смычка в монском языке — это структурный элемент слога, а не чисто фонетическое или фонотактическое средство слогоделения, возникающее автоматически «при отсутствии начального согласного». Это доказывается, кроме прочего, вполне определённым влиянием ГС на регистр слога и, следовательно, тембр последующего гласного.

Кластерные инициали любого состава, как показано в работе, представляют собой комбинации согласных, а не одноместные единицы. Подобно кластерам типа «С + сонант», кластеры, содержащие в одной из позиций фарингальный спирант h, делятся на составные части морфологическими границами. В кластерах типа «С + h» первый согласный может оказаться префиксом. Есть и пример разделения элементов такого кластера вокалическим инфиксом. В кластерах типа «h + С» h — деградировавший дентальный спирант или альвеолярный смычный. От последующего согласного он также может отделяться вокалическим инфиксом. В кластерах типа «С + h + сонант» при вокалической инфиксации отделяются друг от друга второй и третий согласные, что говорит в пользу их фонологической членимости. При этом происходит падение первого согласного, что, в свою очередь, свидетельствует о раздельности первого и второго согласных.

Элементы монского слога, включая регистр, тесно взаимосвязаны. Зависимость элементов монского слога — разнопланова и разнонаправленна. В мон-кхмерских языках, как и в тайских, инициаль слога (точнее, её этимологическая глухость или звонкость) релевантна для просодической характеристики слога: этимологически глухие инициали требуют R1, а этимологически звонкие — R2. Как было сказано, в отличие от тона регистр не зависит от структуры слога (закрытый — открытый) и качества терминали (носовая — неносовая). Воздействие гоморганных носовых и нено-

совых терминалей на гласный одинаково. Зато место образования терминали оказывает определяющее воздействие на тембр гласного (фактически — на выбор централи).

Фонология «полуторасложного» слова имеет ряд существенных отличий от фонологии односложного слова. Структура и звуковой состав основного слога ПС отличается от структуры и состава ОС, что позволяет рассматривать те и другие как относительно автономные системы.

Монские ПС характеризуются следующими особенностями.

1. ПС состоят из *пресиллаба* структуры Сə- (реже — ССə-), единственная возможная централью которого — нейтральный ə, и *основного слога*. Набор возможных инициалей пресиллабов в собственно монских ПС ограничивается практически пятью согласными — h, k, p, t и ʔ.

2. Основной слог ПС не обязательно слогоморфема, хотя *структурно* он *тождествен ОС*. Минимальная формула основного слога — CV, максимальная — CCCVC. Трехсоставные инициали основных слогов ПС значительно более редки, чем в ОС.

3. Качественное отличие основного слога ПС от ОС — *высокий удельный вес сонантных инициалей* (в особенности r, l, m, n, w), в то время как для ОС более типичны начальные смычные и спиранты. Резкое увеличение удельного веса сонантных инициалей в ПС объясняется тем, что многие ПС образованы от исходных форм с кластерными инициалями, последние элементы которых — сонанты, путем вставки вокалического инфикса -ə- перед последним элементом кластера.

4. Для ПС характерно действие *закона диссимиляции*, в соответствии с которым инициаль пресиллаба расподобляется по месту образования с инициалью основного слога. Если инициаль основного слога — спирант, расподобление происходит и по способу образования.

5. Для монского языка характерны *чрезвычайно сложные морфонологические процессы*, сопутствующие аффиксальному словообразованию.

Остаётся обобщить основные фонологические отличия между монским и кхмерским языками, с той или иной степенью подробности отмечавшиеся на протяжении работы.

Как было сказано во Введении, до недавнего времени в отечественном востоковедении было принято судить о мон-кхмерских языках главным образом по кхмерскому языку, лучше других изученному и описанному. При этом его свойства экстраполировались на мон-кхмерские языки в целом, вследствие чего сложился некий стереотип этих языков. Между тем, например, некоторые фонологические явления монского языка не вписываются в этот стереотип или, точнее говоря, существенным образом отличаются от соответствующих специфически кхмерских явлений.

Итак, основные отличия фонологий этих двух языков заключаются в следующем.

1. В монском языке *регистр релевантен для различения слов.* В кхмерском, не считая отдельных говоров, он утратил релевантность вследствие дифференциации фонетических значений гласных в зависимости от этимологической звонкости / глухости предшествующего согласного. В ряде случаев в кхмерском имеются колебания в орфографии, выражающиеся в смешении этимологических звонких и глухих, что, по-видимому, исключено для монского. Ср.: *кхм.* kiəp <kiap ~ giap> 'сжимать', cuəp <cwap ~ jwap> 'встречаться'.

2. По сравнению с кхмерским в монском наблюдается *более тесная взаимозависимость структурных элементов слога*: для произношения гласного важен не только начальный согласный, но и конечный. Любая терминаль, включая нулевую, *всегда* оказывает вполне определённое влияние на тембр гласного. В кхмерском такая зависимость наблюдается, скорее, в виде исключения. Ср. *кхм.* tɔɒt <dāt'> 'пинать' — tɛək <dāk'> 'ставить капкан' (ɛə появляется перед велярными терминалями и висаргой).

3. В монском наблюдается *равновесие консонантизма и вокализма.* На 18 простых инициалей приходится 18 централей (9 простых и 9 дифтонгов). Слог завершает одна из 9 терминалей. В кхмерском на 18 начальных согласных приходится 12 конечных (включая c, ɲ, l, w, j) и 29 гласных, включая 10 дифтонгов.

4. Для современного монского характерно *сравнительно небольшое количество начальнослоговых кластеров* (21) — в кхмерском их около 90. Среди монских кластеров совершенно отсутствуют стечения смычных, а также смычного с носовым сонантом.

5. Отсутствие в монском широко распространённых в кхмерском кластеров на s и c отчасти компенсируется наличием этимологически связанных с ними *«преаспирированных» сонантов* (hl, hw, hn и т. п.).

6. В трехместных монских кластерах *промежуточный* h в отличие от кхмерских — *не эпентеза* и не исчезает при деривационных процессах.

7. Для монских ПС характерно отсутствие типичных для кхмерского гоморганных инициалей пресиллаба и основного слога, в чем проявляется строгое соблюдение *закона диссимиляции.*

Таким образом, кхмерская фонологическая система — в целом более консервативна, чем монская, хотя эволюция кхмерского вокализма продвинулась гораздо дальше.

Разумеется, некоторые вопросы монской фонологии и особенно морфонологии заслуживают более полного и тщательного изучения. В частности, это касается и древнемонских ПС и их эволюции. Однако в нашей работе мы и не ставили целью всесторонне описать, например, историческую фонологию монского языка. Как отмечалось, не изученным был и, к сожалению, остаётся среднемонский период конца XVI — конца XIX в. Впрочем, на основании доступных нам источников и сведений продвижение в этом направлении пока что крайне затруднительно. Таким образом, отдельные процессы дивергенции и конвергенции монских звуков можно представить пока что лишь гипотетически.

Безусловно, монская морфонология также ждёт значительно более подробной разработки. Ограниченный объём работы и некоторые объективные трудности не позволили нам уделить ей того внимания, которого она заслуживает. Однако более обстоятельное исследование потребовало бы и более глубокого проникновения в проблемы морфологии, этимологии, орфографии, истории языка и т. д., чем мы можем себе позволить, оставаясь в рамках фонологии.

С нашей точки зрения, перспективно сравнительное изучение фонологий мон-кхмерских языков, а также типологический анализ фонологической эволюции СЯ в целом.

Литература и источники

1. Монографии, статьи

Берков В. П. Современные германские языки. СПб., 1996.

Гаврилова А. Г. Национальный вопрос в Бирме в 1940–1950-е годы. М., 1981.

Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.

Горгониев Ю. А. Система гласных в современном кхмерском языке как результат «преодоления тональности» // WZUL. 1967. Bd 16, Nr. 1-2. С. 167–170.

Горгониев Ю. А. Краткий грамматический очерк кхмерского языка // Кхмерско-русский словарь. М., 1984. С. 904–952.

Гордина М. В., Быстров И. С. Фонетический строй вьетнамского языка. М., 1984.

Гохман В. И. Историческая фонетика тайских языков. М., 1992.

Динь Ле Тхы. О начальнослоговой гортанной смычке во вьетнамском языке // Востоковедение. 1984. Т.10. С. 33–40.

Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.

Драгунов А. А. Фонологическая система современного китайского языка // РОКЯ. 1980. С. 4–9.

Драгунов А. А., Драгунова Е. Н. Структура слога в китайском национальном языке // Сов. востоковедение. 1955. № 1. С. 57–74.

Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977.

Еловков Д. И. Морфонология кхмерского языка // ВЛУ. 1985. Вып. 23. С. 74–77.

Еловков Д. И. Что такое «изоляция» изолирующего языка // Языки Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Сходство и различия. М., 1993. С. 5–7.

Еловков Д. И. Структура кхмерского языка: Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб., 2006.

Задоенко Т. П., Хуан Шу-ин. Учебник китайского языка: 3-е изд. М., 1978.

Зиндер Л. Р. Бодуэн, Щерба и истоки фонологической теории Трубецкого // ВЯ. 1994. № 1. С. 126–135.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965.

Златоверхова В. Т. Фонетика бирманского литературного языка. М., 1966.

Зограф Г. А. Индийское письмо // ЛЭС. 1990. С. 179–180.
Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка // Труды Ин-та востоковедения им. Н. Н. Нариманова. М., 1930.
Иванова Е. В. Моны Таиланда и Бирмы // Малые народы Индокитая. М., 1983. С. 41–64.
История Кампучии: Краткий очерк. М., 1981.
Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.
Касевич В. Б. Основные вопросы фонологической структуры бирманского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
Касевич В. Б. Функциональные нули и их место в фонологической системе бирманского языка // НАА. 1970. № 6. С. 129–134.
Касевич В. Б. О типологической классификации языков Юго-Восточной Азии по фонологическим признакам // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тезисы докладов. Л., 1974. С. 24–26.
Касевич В. Б. Аспекты моносиллабизма // XIV Тихоокеанский науч. конгресс. Комитет L, социальные и гуманитарные науки: Тезисы докладов. М., 1979. Т.2. С. 258–260.
Касевич В. Б. Проблемы фонологии бирманских финалей // РОКЯ. 1980. С. 34–42.
Касевич В. Б. Реально ли «фонологическое сосуществование»? // ВЛУ. 1981. Вып. 20. С. 54–59.
Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
Касевич В. Б. Слоговые языки // ЛЭС. 1990. С. 470–471.
Касевич В. Б., Еловков Д. И. Типологические и ареальные аспекты в анализе фонологической структуры кхмерского языка // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983. С. 158–169.
Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М., 2001.
Крылов Ю. Ю. Некоторые фонологические процессы монской инфиксации // Материалы науч. конф. Вост. факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского государственного ун-та. СПб., 1999. С. 28–31.
Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.
Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
Ли Тоан Тханг. Некоторые предварительные мысли о фонологии вьетнамского языка // Тезисы конф. аспирантов и молодых сотрудников Института востоковедения АН СССР. М., 1975.
Либерман А. С. Исландская просодика. Л., 1971.
Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950.
Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М. Бирманский язык. М., 1963.

Морев Л. Н. Язык лы. М., 1978.
Морев Л. Н. Сопоставительная грамматика тайских языков. М., 1991.
Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф. Тайский язык. М., 1961.
Мхитарян Т. Т. Фонетика вьетнамского языка. М., 1959.
Нгуен Куанг Хонг. Проблема силлабемы как основной звуковой единицы языка и ее структура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
Панфилов В. С. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
Плам Р. С. К фонологической характеристике кхмерского консонантизма // Восточные языки. М., 1971. С. 116–128.
Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
Раевский М. В. Фонетика немецкого языка. М., 1997.
Соколовский А. Я. Введение в сегментную фонологию изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Владивосток, 1992.
Софронов М. В. Статьи Дун Шао-вэня по фонетике современного китайского языка // Сов. востоковедение. 1955. № 2. С. 191–194.
Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
Фридрих И. История письма: 2-е изд. М., 2001.
Чирикба В. А. Аспекты фонологической типологии. М., 1991.
Язык ксингмул: Материалы сов.-вьет. лингв. экспедиции. 1979. М., 1990.
Янсон Р. А. К вопросу о происхождении бирманской письменности // Тезисы Четвертой науч. конф. по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1972. С. 73–76.
Янсон Р. А. Становление бирманского алфавита // Лингвистические традиции в странах Востока: Материалы рабочего совещания. М., 1988. С. 141–145.
Янсон Р. А. Вопросы фонологии древнебирманского языка. М., 1990.
Янсон Р. А. О структуре слога в современном бирманском языке // Востоковедение. 1993. Т. 18. С. 107–116.
Янсон Р. А. О некоторых сложных случаях интерпретации графической и фонетической формы санскритско-палийских заимствований в бирманском языке // Востоковедение. 1997. Т. 9. С. 58–64.
Янсон Р. А. Место аспирации в фонологической системе бирманского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 6. С. 311–312.
Янсон Р. А. О промежуточном палатальном сонанте в истории бирманского языка // Материалы науч. конф. Вост. факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского государственного ун-та. СПб., 1999. С. 53–56.
Яхонтов С. Е. Типология морфемы // Морфема и проблемы типологии. М., 1991. С. 86–107.

Anthony E. M. Foundations of Thai. Ann Arbor, 1968.
Blagden Ch. O. Quelques notions sur la phonétique du talain et son évolution historique // JA. 10-me sér. 1910. Vol. 15. P. 477–505.
Buchanan F. A Comparative Vocabulary of Some of the Languages Spoken in the Burma Empire // Asiatic Researches 1807. Vol. 5. P. 219–240.

Cornyn W. S., Roop D. Beginning Burmese. New Haven, 1968.
Delouche G. Méthode de Thaï. Vol. 1. Paris, 1988.
Diffloth G. The Registers of Mon vs. the Spectrographist's Tones // UCLA/WPP. 1985.
Dow F. D. M. An Introduction to the Pronunciation of Chinese. Edinburgh, 1972.
Dupont P. La version Mone du Narada-Jataka. Saigon, 1954.
Egerod S., Rischel J. A. A Mlabri-English Vocabulary // Acta Orientalia. 1987. Vol. 48. P. 35–88.
Ferlus M. Formation des registres et mutations consonantiques dans les langues mon-khmer // MKS. 1979. Vol. 8. P. 1–76.
Ferlus M. Essai de phonétique historique du môn // MKS. 1984. Vol. 12. P. 1–90.
Forchhammer E. Indo-Chinese Languages // Indian Antiquary (Bombay — London). 1882. Vol. 11. P. 177–189.
Gaudes R. Khmer-Deutsches Wörterbuch: 2 Bd. Leipzig, 1985–1987.
Gleason H. A. An Introduction to Descriptive Linguistics. New York, 1961.
Grünendahl R. South Indian Scripts in Sanskrit Manuscripts and Prints. Wiesbaden, 2001.
Haas M. R. Thai Vocabulary. Washington (DC), 1955.
Halliday R. A Mon-English Dictionary. 2nd ed. Rangoon, 1955 (1st ed: Bangkok, 1922).
Haswell J. M. Grammatical Notes and Vocabulary of the Peguan Language <...>. Rangoon, 1874.
Heimbach E. E. White Meo-English Dictionary. Ithaca (NY), 1969.
Henderson E. J. A. The Main Features of Cambodian Pronunciation // BSOAS. 1952. Vol. 14, Pt 1. P. 149–174.
Hodgson B. H. On the Indo-Chinese Borders and Their Connection with the Himalayans and Tibetans // Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal. 1853. Vol. 22, Pt 1. P. 1–25.
Huffman F. E. An Outline of Cambodian Grammar. Ithaca, 1967.
Jacob J. M. Prefixation and Infixation in Old Mon, Old Khmer and Modern Khmer // Linguistic comparison in South East Asia and the Pacific. London, 1963 (Collected Papers in Oriental and African Studies 4). P. 62–70.
Jenner Ph. N. The Development of the Registers in Standard Khmer // Southeast Asian Linguistic Studies. Pt 1 / Ed. by Nguyễn Đăng Liêm. Canberra, 1974. P. 47–60.
Jensen H. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925.
Karnchana N. The Syllabic and Morphological Structure of Cambodian Words // MKS. 1978. Vol. 7. P. 183–200.
Kassevitch V. B., Rybin V. V. Some Aspects of Japanese Phonology and Morphology: Similarities to and Differences from Languages of Southeast Asia // СЗЮВ. 1998. С. 67–72.
Krylov Yu. Yu. On Phonological Status of the Glottal Stop in Syllabic Languages: Onset Position // Там же. С. 86–91.

Krylov Yu. Yu. Syllabeme and Syllabomorpheme // 5th International Conference on the Languages of Far East, South-East Asia and West Africa (September 8–10, 1999). St. Petersburg, 1999. P. 75–79.
La-or P. Rapɔ:p vaya:kara:n bha:sa: mɔ:ñ: M.A. thesis (Dept. Oriental languages, Silpakorn Univ., Bangkok). 1983. [Грамматика монского языка] (на тайск. яз.).
Lee Th. An Acoustical Study of the Register Distinctions in Mon // UCLA/ WPP. 1983. Vol. 57. P. 79–96.
Leontyeva S. F. A Theoretical Course of English Phonetics. Moscow, 1988.
Leyden J. C. On the Languages and Literature of the Indo-Chinese Nations // Asiatic Researches. 1811. Vol. 10. P. 158–289.
Low J. History of Tenasserim. Chapter IX: Languages // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1st ser. 1837. Vol. 4. P. 42–47.
Martini F. De la réduction des mots sanskrits passés en Cambodgien // BSLP. 1954. Vol. 50, Pt 1. P. 244–261.
Mason F. The Talaing Language // JAOS. 1854. Vol. 4. P. 277–288.
Matisoff J. A. Tonogenesis in Southeast Asia // Consonant Types and Tone. Los Angeles, 1973. 179 p. (Southern California Occasional Papers in Linguistics 1). P. 71–96.
Matisoff J. A. The Bulging Monosyllable, or the Mora the Merrier: Echo-Vowel Adverbialization in Lahu // South-East Asian Linguistics. London, 1989. P. 163–197.
Noss R. B. Cambodian Basic Course: Units 1–12. Washington (DC), 1959.
Panpot P. A Description of the Mon Language of Bangkhanmak, Lopburi: An Austroasiatic Language: M.A. Thesis (Thepsatri Teachers College, Lopburi, Thailand). [S. l.], 1983 (на тайск. яз.).
Pinnow H.-J. Bemerkungen zur Silben- und Wortstruktur des Khmer // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. 1958. Bd 11. S. 176–179.
Pinnow H.-J. Review of [*Shorto H. L.* A Dictionary of Modern Spoken Mon. London, 1962] // BSOAS. 1963. Vol. 26. Pt 3. P. 675–676.
Pinnow H.-J. Remarks on the Structure of the Khmer Syllable and Word // MKS. 1979. Vol. 8. P. 131–137.
Rischel J. Can the Khmuic Component in Mlabri («Phi Tong Luang») be Identified as Old T'in? // Acta Orientalia. 1989. Vol. 50. P. 79–115.
Roop D. An Introduction to the Burmese Writing System. New Haven, 1972.
Sakamoto Y. Gendai Mon-go (Pakukuretto hōgen)-no on'in taikei oboegaki // Ajia-Afurika gengo bunka kenkyū. 1974. Vol. 8. P. 73–78 [Заметки о фонологии современного монского языка (диалект Паккрет)] (на япон. яз.).
Sakamoto Y. Mon-go go'i shū. Tōkyō, 1976 [Словарь монского языка] (на япон. яз.).
Shorto H. L. Notes on Mon Epigraphy // BSOAS. 1956. Vol. 18. P. 344–52.
Shorto H. L. Word and Syllable Patterns in Palaung // BSOAS. 1960. Vol. 23. P. 544–557.
Shorto H. L. A Dictionary of Modern Spoken Mon. London, 1962.

Shorto H. L. The Interpretation of Archaic Writing Systems // Lingua. 1965. Vol. 14. P. 88–97.
Shorto H. L. Mon Vowel Systems: A Problem in Phonological Statement // In Memory of J. R. Firth. London, 1966. P. 398–409.
Shorto H. L. Die Register-Unterschiede in den Mon-Khmer Sprachen // WZUL. 1967. Bd 16, Nr. 1–2. P. 245–248.
Shorto H. L. Mon Labial Clusters // BSOAS. 1969. Vol. 32, Pt 1. P. 104–114.
Shorto H. L. A Dictionary of the Mon Inscriptions from the Sixth to the Sixteenth Centuries. London, 1971. (Oriental Ser. 24).
Shorto H. L. The Vocalism of Proto-Mon-Khmer // AS. 1976. Vol. 2. P. 1041–1067.
Smalley W. A. Outline of Khmu' Structure. New Haven (Conn.), 1961.
Smalley W. A. Review of [*Shorto H. L.* A Dictionary of Modern Spoken Mon. London, 1962] // JAOS. 1964. Vol. 84. P. 297–300.
Smalley W. A. Linguistic Diversity and National Unity: Language Ecology in Thailand. Chicago; London, 1994.
Smith K. D. Sedang Grammar: Phonological and Syntactic Structure. Canberra, 1979.
Sujaritlak W. Some Basic Characteristics of Mon Grammar: M.A. Thesis (Mahidol Univ.). [S.l.], 1978.
Svantesson J.-O. Kammu Phonology and Morphology. Lund, 1983. (Travaux de l'Institut de linguistique de Lund. 18).
Svantesson J.-O. Hu — a Language with Unorthodox Tonogenesis // AALS. 1991. P. 67–79.
Ta Mya. ဦးသာမြ ။ မွန်မြန်မာအက္ခရာသမိုင်း ။ ရန်ကုန်, ၁၉၅၆ [История монско-бирманского алфавита. Рангун, 1956] (на бирм. яз.).
Theraphan L. Thongkum. Another Look at the Register Distinction in Mon // UCLA / WPP. 1987. Vol. 67. P. 132–165 (Oceanic Linguistics Spec. Publication. 7).
Theraphan L. Thongkum. An Acoustic Study of the Register Complex in Kui (Suai) // MKS. 1989. Vol. 15. P. 1–19.
Theraphan L. Thongkum. An Instrumental Study of Chong Registers // AALS. 1991. P. 141–160.
Thomas D. D. Chrau Grammar. Honolulu, 1971.
Thompson L. C. A Vietnamese Reference Grammar // MKS. 1985. Vol. 13–14.
Thun Shwe, U = ဦးထွန်းရွှေ ။ မွန်ကျောက်စာအဘိဓာန် ။ ရန်ကုန်, ၁၉၆၀ [Словарь монской эпиграфики] (на бирм. яз.).
Twaddell W. F. On Defining the Phoneme // Language Monographs (Baltimore) 1935. Vol. 16. (Suppl. to «Language»).

2. Интернет-ресурсы

URL:
http: //www.albany.edu/anthro/mon/phonol. html — *Zandt D.* The Mon Language.
http:// en.wikipedia.org/wiki/Timeline_of_Buddhism/

http://crlao.ehess.fr/ docannexe.php?id=396 — *Bauer Ch.* Bixby's Notebook: Glimpses of Early 19th Century Mon Phonology // 20e Journées de Linguistique de l'Asie Orientale, 22–24 juin 2006, Paris.
http://d30021575.purehost.com/shop/white_lotus/wl_thai_south.html/archaeology/
http://dhamma.ru/ paali/sinhala.pdf/
http://en. wikipedia.org/wiki/Grantha_script/
http://en.wikipedia.org/wiki/Francis_ Mason/
http://en.wikipedia.org/wiki/John_ Alexander_Stewart_(scholar)/
http://en.wikipedia.org/wiki/Timeline_of_Buddhism/
http://squirrel.soas.ac.uk/dserve/
http://www.asiabookroom.com/AsiaBookRoom/_Burma_Travel_Writing_Post_1900.html/
http://www.familysearch.org/Eng/Search/ancestorsearchresults/
http://www.nationalarchives.gov.uk/
http://www.soas.ac.uk/sea/staff/previousstaff/
http://www.zeno.org/Meyers-1905/A/Forchhammer/

Сокращения

1. Названия журналов и сборников статей

ВЛУ — Вестник Ленинградского университета: Сер. ист., яз. и лит-ры (Ленинград).
ВЯ — Вопросы языкознания (Москва).
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
НАА — Народы Азии и Африки (Москва).
РОКЯ — Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980.
СЗЮВ — Северо-Запад — Юго-Восток = North-West — South-East: Северо-Западная международная науч. сессия по Юго-Восточной Азии. СПб., 1998.
AALS — Austroasiatic Languages: Essays in Honour of H. L. Shorto. London, 1991.
AS — Austroasiatic Studies: 2 vols. [Honolulu], 1976 (Oceanic Linguistics Spec. Publication. 13).
BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies (London).
EB 1.1 — Epigraphica Birmanica, being Lithic and Other Inscriptions of Burma: The Myazedi Inscriptions / Ed. by Taw Sein Ko and Chas. Duroiselle. Rangoon, 1919 (Repr. 1972). 68 p. (Archaeological Survey of Burma. Vol. 1, Pt 1).
EB 1.2 — Epigraphica Birmanica: The Talaing Plaques on the Ananda Text / Ed. by Chas. Duroiselle. Rangoon, 1960. P. 69–168. (Ibid. Vol. 1, Pt 2). (1-е изд. — 1920 г.)
JA — Journal asiatique (Paris).
JAOS — Journal of the American Oriental Society (Boston; New Haven).
MKS — Mon-Khmer Studies (Saigon; Honolulu; Bangkok, etc.).
UCLA/WPP — University of California, Los Angeles: Working papers.
WZUL — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität: Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe (Leipzig).

2. Терминология и языки

бирм. — бирманский (язык)
вьет. — вьетнамский (язык)
ГС — гортанная смычка
ДМ1 — раннедревнемонский
ДМ2 — позднедревнемонский
инд. — индийский (санскрит и пали)
кхм. — кхмерский (язык)
мон. — монский (язык)
НСЯ — неслоговые языки
ОС — односложное слово
ПС — полуторасложное слово
РМ — (современный) разговорный монский
РП — различительный признак
СМ — среднемонский
собств. — собственно
совр. — современный
СЯ — слоговые языки
ЮВА — Юго-Восточная Азия
R1 — первый (головной) регистр
R2 — второй (грудной) регистр
S — слог

Приложение 1. От буквы к звуку

а) согласные

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
က	k	k-[1]	1	В начале слога	ကုတ် kut 'отрезать'
	ka	kə-	1	В пресиллабе ПС	ကၞိပ် kənɛp 'голова'
	ka	hə-	1	В пресиллабе ПС	ကဍောင် hədoŋ 'баклажан'
	ka	pə-	1	В пресиллабе ПС	ကပျေပ် pəje 'украшать'
က်	k	-k	1–2	В конце слога	ပိုက် pak 'дуть'
■ၚ်[2]	k	-k	1–2	В конце слога	ခၚ် khaik 'откашливаться'
■ါ်	k	-k	1–2	В конце слога	ပါ် paik 'делить на части'
ကၞ	kñ	ɲ-	1	В начале слога	ကၞုဟ် ɲɔh 'вырываться'
က္ဍ	kḍ	d-	1	В начале слога	က္ဍာင် daiŋ 'сталь'
က္တ	kt	kət-	1	В начале ПС	က္တင် kətɛŋ 'горький'
က္န	kn	n-	1	В начале слога	က္နဳ nɔe 'обезьяна'
	kn	*hn-[3]	1	В начале слога	ကေ္နင် hneaŋ 'бровь'
	kn	kən-	1	В начале ПС	က္နဳ kənɔeʔ 'пальма *Nipa fruticans*'
ကၟ	km	m-	1	В начале слога	ကၟက် mɛk 'самец'
	km	kəm-	1	В начале ПС	ကၟု kəmaoʔ 'белый'
	km	*həm-	1	В начале ПС	ကၟုတ် həmot 'порция'
ကျ	ky	c-	1	В начале слога	ကျာံ cam 'крокодил'
ကြ	kr	kr-	1	В начале слога	ကြက် krɛk 'сердцевина'
	kr	kər-	1	В начале ПС	ကြေဟ် kəreh 'мера'
	kr	*hər-	1	В начале ПС	ကြေဒ် hərok 'чаша, чашка'
ကၠ	kl	kl-	1	В начале слога	ကၠ klaʔ 'тигр'
	kl	kəl-	1	В начале ПС	ကၠာင် kəlaiŋ 'парить в воздухе'

[1] Так же произносятся сочетания <l(a)k, s(a)k> (R1).

[2] ■ — условный символ любого согласного.

[3] Звездочками помечены редкие чтения и / или написания.

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
ကွ	kv	kw-	1	В начале слога	ကွိုက် kwoik ‘пруд, лужа’
	kv	*k-	1	В начале слога	ကွေန် kon ‘ребенок’
	kv	kəw-	1	В начале ПС	ကွေန် kəwen ‘курчавый’
	kv	*həw-	2	В начале ПС	ကွက် həwàk ‘обхват (*дерева*)’
က္သ	ks	kəs-	1	В начале ПС	က္သု kəsao ‘письмо, живопись’
က္ဗ	kb	b-	1	В начале слога	က္ဗတ် bɔt: ~ toa ‘кулак’
ခ	kh	kh-	1	В начале слога	ခတ် khat ‘сохнуть’
	kha	hə-	1	В пресиллабе ПС	ခတောက် hətɔik ‘пила’
ခ္ဒ	khḍ	həd-	1	В начале ПС	ခ္ဒောက် hədɔik ‘лампа’
ခ္န	khn	hən-	1	В начале ПС	ခ္နဲ hənai ‘хрен’
	khn	*kən-	1	В начале ПС	ခ္နံ kənɔm ‘строить, создавать’
ခ္မ	khm	həm-	1	В начале ПС	ခ္မောံ həmom ‘бутон’
	khm	*kəm-	1	В начале ПС	ခ္မုတ် kəmɔeh: pərɔ̀ik ~ ‘черный перец’
ချ	khy	ch-	1	В начале слога	ချူ chu ‘писать’
ခြ	khr	khr-	1	В начале слога	ခြင် khraŋ ‘ограждать’
	khr	hər-	1	В начале ПС	ခြာ həra ‘расстояние’
ခ္လ	khl	khl-	1	В начале слога	ခ္လက် khlak ‘падать’
	khl	həl-	1	В начале ПС	ခ္လင် həlaŋ ‘провалиться’
ခွ	khv	khw-	1	В начале слога	ခွက် khwɛk ‘поднос’
ဂ	g	k-[4]	2	В начале слога	ဂတ် kòt ‘завязывать узлом’
	ga	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဂတု hətaoʔ ‘луна’
	ga	kə-	2	В пресиллабе ПС	ဂဟောဟ် kəhèh ‘ржать’
ဂ္ဒ	gd	kət-	2	В начале ПС	ဂ္ဒူ kətù ‘накидка от дождя’
ဂ္န	gn	n-	2	В начале слога	ဂ္နိင် nòiŋ ‘лес’
	gn	hən-	1–2	В начале ПС	ဂ္နိင် hənoiŋ ‘тень’
ဂ္မ	gm	m-	2	В начале слога	ဂ္မိက် màik ‘ловить на крючок’
ဂျ	gy	c-	2	В начале слога	ဂျင် càŋ ‘живой’

[4] Так же произносятся сочетания <sg> (R2).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	gy	həj-	2	В начале ПС	ဂျး həjɛ̱h 'утро'
ဂြ	gr	kr-	2	В начале слога	ဂြၚ် kràŋ 'смеяться'
	gr	hər-	2	В начале ПС	ဂြေါပ် hərɔ̀p 'скатерть, покрывало'
ဂ္လ	gl	kl-	2	В начале слога	ဂ္လေ klè? 'короткий'
	gl	həl-	2	В начале ПС	ဂ္လၚ် həlàŋ 'количество'
ဂွ	gv	kw-	2	В начале слога	ဂွိ kwì? 'речная черепаха'
	gv	k-	2	В начале слога	ဂွံ kɜ̱? 'получать'
	gv	həw-	2	В начале ПС	ဂွိၚ် həwòiŋ 'беспокойство'
ဃ	gh	kh-	2	В начале слога	ဃော khɜ 'в течение'
	gha	hə-	2	В пресиллабе ПС	ဃဂြး hərɛ̱h 'борона'
ၚ	ṅ	ŋ-[5]	1–2	В начале слога	ၚေက် ŋɛak 'зуб'
င်	ṅ	-ŋ	1–2	В конце слога	သုင် sɜŋ 'пить'
စ	c	c-	1	В начале слога	စိုက် cak 'пучок'
	ca	kə-	1	В пресиллабе ПС	စမဲ kəmɔe 'ожидать, надеяться'
	ca	hə-	1	В пресиллабе ПС	စရဴ hərai 'слава'
	cam	pə-	1	В пресиллабе ПС	စမြက် pərak 'вредить'
စ္ၚ	cṅ	ŋ-	1	В начале слога	စ္ၚုင် ŋaiŋ 'ягодица'
	cṅ	təŋ-	1	В начале ПС	စ္ၚိန် təŋɛn 'нести на плече'
စ္ဍ	cḍ	d-	1	В начале слога	စ္ဍ da? (*мера длины*)
	cḍ	həd-	1	В начале ПС	စ္ဍး hədah 'удаляться'
စ္န	cn	hn-	1	В начале слога	စ္နာံ hnam 'год'
	cn	kən-	1	В начале ПС	စ္နေဟ် kəneh 'атаковать'
	cn	hən-	1	В начале ПС	စ္နး hənah 'заместитель'
စ္မ	cm	*m-	1	В начале слога	စ္မးစ္မး mah mah 'бесплатно'
	cm	kəm-	1	В начале ПС	စ္မဲ kəmai 'подарок'
	cm	*həm-	1	В начале ПС	စ္မး həmah 'голый; пустой'
စြ	cr	s-	1	В начале слога	စြဲ sai 'отдельный'
	cr	kər-	1	В начале ПС	စြ kəroa 'духи земли'

[5] Так же произносятся сочетания <t(a)ṅ> (R1) и <lṅ> (R2).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	cr	hər-	1	В начале ПС	စြဲ hərai ‘слава’
စ္လ	cl	kəl-	1	В начале ПС	စ္လိုင် kəlaiŋ ‘слизистая оболочка’
စွ	cv	hw-	1	В начале слога	စွ hwaʔ ‘карри’
	cv	c-	1	В начале слога	စွံ cɒʔ ‘класть’
	cv	kəw-	1	В начале ПС	စွေက် kəweak ‘день убывающей луны’
	cv	həw-	1	В начале ПС	စွက် həwɛk ‘товарищ; равный’
စ္ဢ	cʼ	ʔ-	1	В начале слога	စ္ဢး ʔah ‘чистый’
ဆ	ch	ch-	1	В начале слога	ဆာန် chan ‘любить’
ဇ	j	c-	2	В начале слога	ဇာတ် càt ‘джатака’
	ja	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဇဗာတ် həbaik ‘закрывать’
	ja	kə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဇဒ kəhɔ̀a ‘расстояние’
ဇ္ၚ	jṅ	h-	2	В начале слога	ဇ္ၚဲ hài ‘жевать’
	jṅ	ŋ-	1	В начале слога	ဇ္ၚိုင် ŋaiŋ ‘ягодица’
ဇ္န	jn	hn-	1–2	В начале слога	ဇ္နိုက် hnɔ̀ik ‘сеть’
	jn	*n-	2	В начале слога	ဇ္နောက် nɔ̀k ‘большой’
	jn	hən-	1–2	В начале ПС	ဇ္နိန် hənɛn ‘засунуть за пояс’
ဇ္မ	jm	hm-	2	В начале слога	ဇ္မ hmɔ̀ ‘могучий’
	jm	həm-	2	В начале ПС	ဇ္မောဝ် həmɔ̀ ‘поток, течение’
	jm	*kəm-	2	В начале ПС	ဇ္မိပ် kəmèp ‘каждый’
ဈ	jh	ch-	2	В начале слога	ဈာ chɛ̱a ‘опаздывать’
ဇြ	jr	s-[6]	2	В начале слога	ဇြုဟ် sɔ̀h ‘пропасть’
ဇွ	jv	hw-	2	В начале слога	ဇွောဝ် hwɔ̀ ‘течь’
ည	ñ	ɲ-[7]	1–2	В начале слога	ညး ɲeh ‘он, они’
ညှ	ñh	hɲ-	1	В начале слога	ညှာ hɲa ‘скромный’
ဋ	ṭ	-t-	1	В середине слова	Только в заимствованных словах

[6] Так же произносится сочетание <sj>.

[7] Так же произносятся сочетания <kn, pn> (R1).

Продолжение

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
ဌ	ṭh	th-	1	В начале слога	ဌာန် than 'место'
ဍ	ḍ	d-[8]	1	В начале слога	ဍာ် daik 'вода'
ဎ	ḍh	th-	2	В начале слога	Только в заимствованных словах
ဏ	ṇ	n-	1	В начале слога	ဏော nea 'ущипнуть'
ဏှ	ṇh	hn-[9]	1	В начале слога	ဏှော် hno 'засов'
တ	t	t-	1	В начале слога	တဲ toa 'рука'
	ta	kə-	1	В пресиллабе ПС	တသောက် kəsok 'волосы'
	ta	hə-	1	В пресиллабе ПС	တဍုန် hədɔ 'каноэ'
	ta	tə-	1	В пресиллабе ПС	တငေန် təŋen 'палец'
	tam	pə-	1	В пресиллабе ПС	တံရး pərah 'песчаный карьер'
တ်	t	t-	1–2	В конце слога	တတ် tɔt 'пересекать'
တ္က	tk	k-	1	В начале слога	တ္ကံ kɔʔ 'остров'
	tk	tək-	1	В начале ПС	တ္ကဲ təkoa 'свисать'
တ္င	tṅ	ŋ-	1	В начале слога	တ္ငဲ ŋoa 'солнце'
	tṅ	təŋ-	1–2	В начале ПС	တ္ငေတ် təŋet 'молоть'
တ္ဍ	tḍ	d-	1	В начале слога	တ္ဍာတ် dat 'пресный'
	tḍ	həd-	1	В начале ПС	တ္ဍောက် hədeak 'увлажнять'
တ္န	tn	n-	1	В начале слога	တ္နော် no 'шпулька'
	tn	kən-	1	В начале ПС	တ္နုင် kənoiŋ 'игла, булавка'
တ္မ	tm	m-	1	В начале слога	တ္မိ mɔe 'гость'
	tm	kəm-	1	В начале ПС	တ္မ kəmao 'сворачивать'
	tm	*həm-	1	В начале ПС	တ္မံ həmom 'бутон'
တျ	ty	kəj-	1	В начале ПС	တျော် kəjo 'протягивать (*руку*)'
တြ	tr	kr-	1	В начале слога	တြူ kraoh 'мужчина'
	tr	kər-	1	В начале ПС	တြေံ kərem 'старый'
တ္လ	tl	kl-	1	В начале слога	တ္လေင် klɔiŋ 'жир'
	tl	kəl-	1	В начале ПС	တ္လုံ kəlɒm 'купаться'
တွ	tv	kw-	1	В начале слога	တွာတ် kwaik 'идти'

[8] Так же произносятся сочетания <kḍ, p(a)ḍ, sḍ, tḍ> (R1).

[9] Так же произносятся сочетания <cn, kn> (R1).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	tv	kəw-	1	В начале ПС	တ္ဝ် kəwɔh 'слова, обращение'
ထ္ၜ	tb	b-	1	В начале слога	ထ္ၜုပ် bɒh 'брызгать'
ထ	th	th-	1	В начале слога	ထပ် thɔp 'слой'
	tha	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ထမး həmah 'голый, пустой'
ထ္က	thk	hək-	1	В начале ПС	ထ္ကဴ həkɔʔ 'седой'
ထ္ဂ	thg	hək-	2	В начале ПС	ထ္ဂံင် həkɒ̀ŋ 'луковица'
ထ္ဍ	thḍ	həd-	1	В начале ПС	ထ္ဍေင် hədeaŋ 'гнать'
ထ္န	thn	hən-	1	В начале ПС	ထ္နက် hənɛk 'толочь'
ထ္မ	thm	həm-	1	В начале ПС	ထ္မဲ həmai 'кастрюля'
	thm	*kəm-	1	В начале ПС	ထ္မ kəmaʔ 'насекомое'
ထ္ဝ	thv	kw-	1	В начале слога	ထ္ဝိုင် kwoiŋ 'музыкальный инструмент'
	thv	*th-	1	В начале слога	ထ္ဝ် thɒʔ 'бросать, оставлять'
	thv	həw-	1	В начале ПС	ထ္ဝဲ həwai 'скрестив ноги'
ထ္ဗ	thb	həb-	1	В начале ПС	ထ္ဗု həbu 'пьяный, опьянённый'
ဒ	d	t-[10]	2	В начале слога	ဒိုက် tàik 'разветвляться'
	da	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဒကေဝ် həke 'вес'
	da	tə-	2	В пресиллабе ПС	ဒငိပ် təŋèp 'коренной зуб'
	dam	pə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဒမြာတ် pəràt 'яростный'
ဒ္ဂ	dg	hək-	2	В начале ПС	ဒ္ဂေတ် həkèt 'соблюдать'
	dg	tək-	2	В начале ПС	ဒ္ဂု təkù 'прямой'
ဒ္ၚ	dṅ	ŋ-	2	В начале слога	ဒ္ၚဳ ŋì 'искать, собирать'
ဒ္န	dn	n-	1–2	В начале слога	ဒ္နေင် neaŋ 'лоб'
	dn	*hn-	2	В начале слога	ဒ္နာ hnòa 'гребень (*петуха*)'
	dn	hən-	2	В начале ПС	ဒ္နိုက် hənòik 'занавеска'
ဒ္မ	dm	m-	2	В начале слога	ဒ္မံင် mòŋ 'оставаться, жить'
	dm	həm-	1–2	В начале ПС	ဒ္မန် həman 'зять'
ဒျ	dy	c-	2	В начале слога	ဒျာန် càn 'распростертый'

[10] Так же произносятся сочетания <st> (R1) и <sd> (R2).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
ဒြ	dr	kr-	2	В начале слога	ဒြိပ် krò ‘род скрипки’
	dr	*s-	2	В начале слога	ဒြဟတ် sɛhɔt ‘сила, власть’
	dr	*hər-	2	В начале ПС	ဒြ hərɛʔ ‘глиняный котел’
ဒ္လ	dl	kl-	2	В начале слога	ဒ္လး klɛh ‘плоскость’
ဒွ	dv	kw-	2	В начале слога	ဒွး kwɛh ‘скрести, рыть’
ဓ	dh	th-	2	В начале слога	ဓပ် thò ‘дхарма’
	dha (m)	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဓဗြိုတ် hərɜ̱t ‘бронза’
ဓ္ယ	*dhj	*həc-	2	В начале ПС	ဓ္ယက် həc̱ak: deak ~ ‘сырой’
ဓ္န	dhn	n-	1	В начале слога	ဓ္နက် nɛk ‘столбик, колышек’
ဓ္န	dhn	hən-	2	В начале ПС	ဓ္နာ hənɛ̱a ‘препятствовать’
ဓ္မ	dhm	həm-	1	В начале ПС	ဓ္မာန် həman ‘зять’
န	n	n-[11]	1–2	В начале слога	နောတ် nòt ‘серп’
န်	n	-n	1–2	В конце слога	ဖျေန် phjon ‘красить’
နွ	nv	*nu-	2	В начале слога	နွံ nùm ‘быть’
ဏ	nh	hn-[12]	1–2	В начале слога	ဏာ hna ‘жарить’
ပ	p	p-[13]	1	В начале слога	ပ္ၚ pao ‘голубь’
	pa	pə-	1–2	В пресиллабе ПС	ပဗြံ pərɒm ‘помощь’
	pa	kə-	1	В пресиллабе ПС	ပမန် kəmɔn ‘заклинание’
	pa	hə-	1	В пресиллабе ПС	ပဂြဲ hərai ‘отделять’
ပ်	p	-p	1–2	В конце слога	ထပ် thɔp ‘добавлять’
ပ္က	pk	k-	1	В начале слога	ပ္ကဴ kao ‘цветок’
	pk	pək-	1	В начале ПС	ပ္ကိပ် pəkɔ ‘ломать’
ပ္င	pṅ	pəŋ-	1	В начале ПС	ပ္ငပ် pəŋɔp ‘сустав’
ပ္ည	pñ	ɲ-	1	В начале слога	ပ္ညဳ ɲɔe ‘разравнивать’
	pñ	pəɲ-	1	В начале ПС	ပ္ညဇၚ် pəɲɜŋ ‘показывать’
ပ္ဍ	pḍ	d-	1	В начале слога	ပ္ဍဇၚ် dɜŋ ‘соленый’
	pḍ	həd-	1	В начале ПС	ပ္ဍံ hədam ‘целиться’
ပ္တ	pt	pət-	1	В начале ПС	ပ္တဳ pətɔe ‘заканчивать’

[11] Так же произносятся сочетания <kn, pn, tn> (R1) и <gn, bn, dn> (R2).
[12] Так же произносятся сочетания <jn, dn, sn> (R2).
[13] Так же произносятся сочетания <l(a)p, s(a)p> (R1).

Продолжение

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	pt	hət-	1	В начале ПС	ပ္တံ hətom ‘падать’
ပ္ထ	pth	pəth-	1	В начале ПС	ပ္ထုဲ pəthui ‘смешивать’
ပ္ဒ	pd	pət-	2	В начале ПС	ပ္ဒိ patiʔ ‘подзуживать’
ပ္န	pn	n-	1	В начале слога	ပ္နန် nan ‘армия’
	pn	pən-	1	В начале ПС	ပ္နဝ် pəno: ~ kɒ ‘среди’
	pn	*hən-	1	В начале ПС	ပ္နင် hənsŋ ‘соленый’
ပ္မ	pm	kəm-	1	В начале ПС	ပ္မိုင် kəmoiŋ ‘объявлять’
	pm	*həm-	1	В начале ПС	ပ္မတ် həmot ‘порция’
	pm	*pəm-	1	В начале ПС	ပ္မာ pəma ‘сравнение’
ပျ	py	pj-	1	В начале слога	ပျး pjah ‘указывать’
	py	pəj-		В начале ПС	ပျာံ pəjam ‘дневное время’
ပြ	pr	pr-	1	В начале слога	ပြ praʔ ‘башня’
	pr	pər-	1	В начале ПС	ပြာပ် pərap ‘приводить’
	pr	*hər-	1	В начале ПС	ပြိပ် hərɛp ‘подмигивание’
ပ္လ	pl	pl-	1	В начале слога	ပ္လာ pla ‘слепень’
	pl	*pəl-	1	В начале ПС	ပ္လး pəlah ‘свободный’
	pl	*həl-	1	В начале ПС	ပ္လဲ həlɔeʔ ‘хандра’
ပ္ဝ	pv	kəw-	1	В начале ПС	ေပ္ဝိုင် kəwɔiŋ ‘спорт’
ပ္သ	ps	pəs-	1	В начале ПС	ပ္သာ pəsa (*мера веса*)
ပ္အ	p’	ʔ-	1	В начале слога	ပ္အပ် ʔɔp ‘поручать, передавать’
	p’	həʔ-		В начале ПС	ပ္အုမ် həʔum ‘куча, груда’
ဖ	ph	ph-	1	В начале слога	ဖာ pha ‘сторона’
	pha	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဖဍောတ် hədot ‘уменьшать’
	*pha	pə-	1	В пресиллабе ПС	ဖဂြာပ် pərap ‘приводить’
ဖ္ဍ	phḍ	həd-	1	В начале ПС	ဖ္ဍဲ hədai ‘взламывать (*с помощью рычага*)’
ဖ္တ	pht	hət-	1	В начале ПС	ဖ္တာင် hətaiŋ ‘белый’
ဖ္န	phn	hən-	1	В начале ПС	ဖ္နိန် hənɛn ‘засовывать за пояс’
ဖျ	phy	phj-	1	В начале слога	ဖျာ phja ‘рынок’
	phy	həj-	1	В начале ПС	ဖျာ həja ‘моча’
	phy	*pj-	1	В начале ПС	ဖျော pjoa ‘притеснять, вредить’
ဖြ	phr	phr-	1	В начале слога	အဖြဴ əphrao (*вид мяты*)

Продолжение

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	phr	hər-	1	В начале ПС	ဖြက် hərɔk ‘рыбная паста’
ဖွ	phv	həw-	1	В начале ПС	ဖွက် həwɛk ‘товарищ; равный’
ဖ္ဍ	ph’	həʔ-	1	В начале ПС	ဖ္ဍတ် həʔɒt ‘исрасходовать’
ဗ	b	p-[14]	2	В начале слога	ဗံ pòp ‘замачивать’
	ba	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဗတဲ hətai ‘заяц’
	*ba (m)	pə-	1–2	В пресиллабе ПС	ဗၚ်: pənɛ̱h: эса ~ ‘астролог’
ဗ္က	bk	hək-	1	В начале ПС	ဗ္ကန် həkɔn ‘инструктировать’
ဗ္ဂ	bg	pək-	2	В начале ПС	ဗ္ဂန် pəkòn ‘запрягать’
	bg	hək-	2	В начале ПС	ဗ္ဂိ həkùi ‘тлеть, дымиться’
ဗ္င	bṅ	ŋ-	2	В начале слога	ဗ္င ŋɛʔ ‘рисовое поле’
ဗ္စ	bc	həc-	1	В начале ПС	ဗ္စ həcɛʔ ‘кормить’
ဗ္ဇ	bj	həc-	2	В начале ПС	ဗ္ဇး həcɛ̱h ‘распространять’
ဗ္တ	bt	hət-	1	В начале ПС	ဗ္တၚ် hətaiŋ ‘белый’
ဗ္ဍ	bd̄	pət-	2	В начале ПС	ဗ္ဍေံ pətèm ‘ставить рядом’
	bd	hət-	2	В начале ПС	ဗ္ဒပ် hətɜ̱p ‘лагерь; ночлег’
ဗ္န	bn	n-	2	В начале слога	ဗ္နုဟ် nùh ‘копье’
	bn	hən-	2	В начале ПС	ဗ္နုဟ် hənùh ‘воспоминание’
ဗ္မ	bm	m-	2	В начале слога	ဗံၚ် mòŋ ‘оставаться, жить’
	bm	həm-	2	В начале ПС	ဗ္မု həmùi ‘ведьма’
ဗျ	by	pj-	2	В начале слога	ဗျုန် pjòn ‘согласный звук’
	by	*pəs-	1	В начале ПС	ဗျာ pəsa (*мера веса*)
ဗြ	br	pr-	2	В начале слога	ဗြဲ prɔ̀a ‘дождь’
	br	*pər-	2	В начале ПС	ဗြောၚ် pərɔ̀ŋ ‘канава, канал’
ဗ္လ	bl	pl-	2	В начале слога	ဗ္လဲ plài ‘холостяк’
	bl	*pəl-	2	В начале ПС	ဗ္လက် pəlàk ‘пыль, грязь’
	bl	*həl-	2	В начале ПС	ဗ္လး həlɛ̱h ‘отпускать’
ဗွ	bv	p-	2	В начале слога	ဗွဲ pɔ̀a (*служебное слово*)
	bv	həw-	2	В начале ПС	ဗွဟ် həwɔ̀h ‘чтение’
ဗ္ဗ	bb	həb-	1	В начале ПС	ဗ္ဗု həbu ‘пьяный, опьянённый’

[14] Так же произносятся сочетания <s(a)b> (R2).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
ဘ	bh	ph-	2	В начале слога	ဘိန် phòiŋ ‘опиум’
	bha	hə-	2	В пресиллабе ПС	ဘဝ həwɛ̱ʔ ‘инкарнация’
မ	m	m-[15]	1–2	В начале слога	မတ် mòt ‘глаз’
	ma	mə-	1–2	В пресиллабе ПС	မဂိ məkì ‘замужняя женщина’
	ma	pə-	1–2	В пресиллабе ПС	မလာဲက် pəlàik ‘открывать’
မ္ဂ	mg	mək-	2	В начале ПС	မ္ဂး məkɛ̱h ‘если’
မ္င	mṅ	pəŋ-	2	В начале ПС	မ္ငး pəŋɛh ‘снаружи’
မ္ဒ	*md	*pət-	2	В начале ПС	မ္ဒာ pətɛ̱a ‘лиана *Streptocaulon tomentosum*’
မ္န	mn	n-	2	В начале слога	မ္နိဟ် nìh ‘человек’
	mn	pən-	2	В начале ПС	မ္နိက် pənòik ‘рубин’
မ္မ	*mm	m-	2	В начале слога	မ္မိက် mòk ‘день прибывающей луны’
မျ	*my	mj-	2	В начале слога	မျာတ်လေ mjàt lè ‘жасмин’
မြ	mr	*pr-	1	В начале слога	မြဟ် prɔh ‘рано; быстро’
	mr	pər-	2	В начале ПС	မြာ pərɛ̱a ‘восстанавливать силы’
	mr	*hər-	2	В начале ПС	မြိပ် hərìp ‘движение; момент’
မ္လ	ml	pəl-	2	В начале ПС	မ္လက် pəlàk ‘пыль, грязь’
မွ	mv	m-	2	В начале слога	မွ mòa ‘один’
	mv	mə-	1	В начале ПС	မွဲနဲ məhneʔ ‘один момент’
မှ	mh	hm-[16]	1	В начале слога	မှု hmui ‘гибкий’
	mh	m-	1	В начале слога	မှိန် mɛn ‘родственник’
	mh	həm-	1	В начале ПС	မှာ həma (*субстантиватор*)
ယ	y	j-	2	В начале слога	ယဲ jài ‘мать’
	*ya	jə-	1	В пресиллабе ПС	ယထာ jətha ‘поезд’
ယ္မ	ym	cəm-	2	В начале ПС	ယ္မု cəmùʔ ‘имя, репутация’
ယျ	yy	j-	1	В начале слога	ယျုင် je ‘полиция’

[15] Так же произносятся сочетания <k(a)m, tm> (R1) и <bm, lm, mv> (R2).
[16] Так же произносятся сочетания <sm, sam> (R1).

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
ယွ	yv	j-	2	В начале слога	ယွ် jɜ̱ˀ *(частица)*
ရ	r	r-	2	В начале слога	ရိုက် ràik 'шалаш'
	*ra	rə-	1	В пресиллабе ПС	ရသေ့ rəsɔe 'отшельник'
	*ra	tə-	1	В пресиллабе ПС	ရက္ခုဟ် təkɒh 'ракшас'
	*ra	kə-	1	В пресиллабе ПС	ရမောဟ် kəmɔt: daik ~ 'слезы'
	*ra(m)	pə-	1	В пресиллабе ПС	ရမ္ပိုင် pəsaiŋ 'голос'
ရှ	rh	*s-	1	В начале слога	ရှဲ sai 'отдельный'
	rh	ʃ-	1	В начале слога	ရှော် ʃɔˀ 'сокращать'
လ	l	l-	1–2	В начале слога	လိုင် lòiŋ 'нанимать'
	*la	lə-	1	В пресиллабе ПС	လကျိုက် ləcaik (*обращение к монаху*)
	la	tə-	1–2	В пресиллабе ПС	လငံ təŋò 'упряжка (*буйволов*)'
	la	kə-	1–2	В пресиллабе ПС	လမိုက် kəmaik 'след, отпечаток'
	la(m)	pə-	1–2	В пресиллабе ПС	လမ္ပိုင် pəlòŋ 'эхо'
	la(m)	hə-	2	В пресиллабе ПС	လမှုဟ် həmùh 'сейчас'
လ္က	lk	k-	1	В начале слога	လ္ကဴ kɔˀ 'остров'
လ္ဂ	lg	tək-	2	В начале ПС	လ္ဂံ təkò 'имбирь'
လ္ၚ	lṅ	ŋ-	2	В начале слога	လ္ၚိမ် ŋim 'тысяча'
	lṅ	təŋ-	2	В начале ПС	လ္ၚု təŋùˀ 'одинокий; уединённый'
	lṅ	kəh-	2	В начале ПС	လ္ၚဲ: kəhɛh 'упряжь'
လ္စ	lc	kəc-	1	В начале ПС	လ္စိန် kəcin 'кольцо'
လ္တ	lt	ˀət-	1	В начале ПС	လ္တူ ˀətao 'верх, вершина'
လ္ဒ	ld	kət-	2	В начале ПС	လ္ဒံ kətòp 'сидеть на яйцах'
လ္န	ln	kən-	2	В начале ПС	လ္နုဟ် kənùh 'лень'
	ln	hən-	2	В начале ПС	လ္နာ hənɛ̱a 'мешать, загораживать дорогу'
လ္ပ	lp	p-	1	В начале слога	လ္ပိုက် paik 'сторона'
	lp	kəp-	1	В начале ПС	လ္ပံ့ kəpɔˀ 'видеть во сне'

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
လ္ဗ	lb	həp-	2	В начале ПС	လ္ဗုက် həpòk 'обеденный стол'
လ္မ	lm	*m-	2	В начале слога	လ္မိလ္မာ mi mɛ̱a 'сажа'
	lm	kəm-	1–2	В начале ПС	လ္မိက် kəmaik 'след'
	lm	*həm-	2	В начале ПС	လ္မုဟ် həmùh 'сейчас'
လျ	ly	kəj-	2	В начале ПС	လျး kəjɛ̱h 'сияние, блеск'
	ly	*həj-	2	В начале ПС	လျေုဟ် həjɜ̱h 'глубина'
လွ	lv	l-	2	В начале слога	လွောတ် lòt 'drawplate'
	lv	w-	2	В начале слога	လွုတ် wùt 'девственница'
	lv	kəw-	2	В начале ПС	လွဲ kəwài 'промежуток времени'
	lv	*həw-	2	В начале ПС	လွဳ həwùi 'раскачивать'
လှ	lh	hl-	1	В начале слога	လှော် hlo 'стрелять *(из лука)*'
	lh	*l-	1	В начале слога	လှာ la 'осел, мул'
လ္ဗ	lb	b-	1	В начале слога	လ္ဗက် bɛk 'пересекать'
	lb	həb-	1	В начале ПС	လ္ဗဵ həboa 'взглянуть украдкой'
ဝ	v	w-	2	В начале слога	ဝေတ် wèt 'обучать'
ၑ	*vh	*hw-	1	В начале слога	ၑပ် hwɔp 'видеть во сне'
သ	s	s-	1	В начале слога	သာတ် sat 'кормить'
	*sa	sə-	1	В пресиллабе ПС	သဟာဲ səhai 'друг'
	sa	hə-	1–2	В пресиллабе ПС	သမှု həmao 'запах; пар'
	*sa	tə-	1–2	В пресиллабе ПС	သကောတ် təkot 'паста, мазь'
	*sa(m)	kə-	1–2	В пресиллабе ПС	သရြိက် kəreak 'раскалывать'
	*sa(m)	pə-	1	В пресиллабе ПС	သရြေ pərem 'греметь *(о громе)*'
သ္က	sk	k-	1	В начале слога	သ္ကံ kɔ 'паста; сироп'
	sk	hək-	1	В начале ПС	သ္ကဵ həkoa 'сторона, бок'
သ္ဂ	sg	k-	2	В начале слога	သ္ဂာ kɛ̱a: ~ hətɔm 'полночь'
	sg	hək-	2	В начале ПС	သ္ဂိတ် həkìt 'клоп'
သ္ည	sṅ	h-	1–2	В начале слога и в середине ПС	သ္ညဵ hòa 'далекий'; ပသ္ညဵ pəhoa 'отодвигать'

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
	sṅ	kəh-	1	В начале ПС	ေသ္ၚံ kəhom ‘сожалеть’
	sṅ	səŋ-	1	В начале ПС	ေသ္ၚက် səŋeak ‘зеленый’
သ္စ	sc	həc-	1	В начале ПС	သ္စာ həca ‘присяга’
သ္ဇ	sj	s-	2	В начале слога	သ္ဇက် sɛ̱ak (*показатель объекта*)
သ္ဍ	sḍ	d-	1	В начале слога	သ္ဍိုပ် dɒh ‘умный’
	sḍ	həd-	1	В начале ПС	သ္ဍံ hədam ‘целиться’
သ္တ	st	t-	1	В начале слога	သ္တပ် tɔp ‘прямой’
	st	hət-	1	В начале ПС	သ္တိုက် hətoik ‘спальня; постель’
သ္ဒ	sd	t-	2	В начале слога	သ္ဒန် tòn ‘нарезать, крошить’
	sd	th-	2	В начале слога	သ္ဒိုၚ် th3̱m ‘глупый’
သ္န	sn	hn-	1	В начале слога	သ္နာ hna ‘циновка’
	sn	hən-	1	В начале ПС	သ္နာတ် hənat ‘корыто (*для корма скота*)’
	sn	*pən-	1	В начале ПС	သ္နက် pənɛk ‘лагерь, место стоянки’
သ္ပ	sp	p-	1	В начале слога	ေသ္ပာတ် pot ‘тереть, гладить’
	sp	həp-	1	В начале ПС	သ္ပိ hapɔe ‘тыква’
သ္ဗ	sb	p-	2	В начале слога	သ္ဗ pɛ̱ˀ ‘задыхаться’
သ္မ	sm	hm-	1	В начале слога	သ္မိၚ် hmoiŋ ‘король’
	sm	*m-	1	В начале слога	သ္မိန် mɛn ‘родственник’
	sm	həm-	1	В начале ПС	သ္မိ hamɔe ‘подросток’
	sm	*kəm-	1	В начале ПС	သ္မိတ် kəmet ‘делать для других’
သျ	sy	həj-	1	В начале ПС	သျာ həja ‘моча’
သြ	sr	s-[17]	1–2	В начале слога	ေသြာန် sòk ‘переулок’
	sr	hər-	1	В начале ПС	သြၚ် hərɜŋ ‘переступать’
သ္လ	sl	hl-	1	В начале слога	သ္လ hlaˀ ‘лист’
	sl	həl-	1	В начале ПС	ေသ္လဲ həleh ‘сомневаться’
သွ	sv	hw-[18]	1	В начале слога	သွာ hwa ‘водяная лилия’
	sv	*s-	1	В начале слога	သွံ sɒˀ ‘падди’
	sv	*həw-	1	В начале ПС	သွိ hawɔ ‘унесённый ветром’

[17] Так же произносятся сочетания <cr, rh> (R1).

[18] Так же произносятся сочетания <cv> (R1), <jv> (R2).

б) гласные

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
အ, ■	a	(ʔ)a	1	В графически открытом слоге и перед h <ḥ>	တ taʔ ‘отец’, ပး pah ‘петля, ушко’
	a	(ʔ)ɛ	2	В графически открытом слоге и перед h <ḥ>	ဌ sɛʔ ‘увядать’, မး mɛh ‘четверть’
	a	ɛ	1	Перед k и ŋ	စင် cɛŋ ‘прокалывать’
	a	ɛa	2	Перед k и ŋ	ဇက် c̱ak ‘тянуть’
အ, ■	a	ɔ	1	Перед ʔ <’>, h <h>, t, n и p	ကတ် kɔt ‘изучать’
	a	ɔ̀	2	Перед ʔ <’>, h <h>, t, n и p	လဒ် lɔ̀ʔ ‘долгий’
■ံ	aṁ	ɔm	1	С терминалью m	တံ tɔm ‘основание, начало’
	aṁ	ɔ̀m	2	С терминалью m	ဍံ rɔ̀m ‘уважать’
	aṁ	ɔʔ, ɔ̀ʔ	1–2	В конце слога	ကံ kɔʔ ‘шея’; ပံ pɔ̀ʔ ‘горб’
■ဝ်	av	ɔ	1	В открытом слоге	ကဝ် kɔ ‘нести через плечо’
	av	ɔ̀	2	В открытом слоге	ပဝ် pɔ̀ ‘нагромождать’
အာ, ■ာ	ā	a	1	Перед #, t, n и p	ဟာတ် hat ‘брод’
	ā	ai	1	Перед k и ŋ	စာ် caik ‘рвать(ся)’
	ā	ɛa	2	В открытом слоге	မာ mɛa ‘становиться на колени’
■ာ	ā	à	2	Перед t, n	ယာတ် jàt ‘одежда’
	ā	ài	2	Перед k и ŋ	ဍာၚ် ràiŋ ‘расцветать’
	ā	è	2	Перед p	ဂါပ် kèp ‘разветвление’
■ါ	ā	a и др.	1	С инициалями ခ, င, ပ, ဝ	ခါန် khan ‘факт’; см. также примеры на ■ာ
■ါ	ā	à и др.	2	С инициалями ဂ, င, ဒ, ဝ	ဂါန် kàn ‘преграждать’; см. также примеры на ■ာ
■ါ်	āk	aik, àik	1–2	С инициалями ခ, ဂ, င, ဒ, ပ, ဝ	ဂါ် kàik ‘ярд’
■ာံ	āṁ	am	1	Перед m	ဇာံ cam ‘крокодил’

Продолжение

Графемы и их транслитерация		Звуки	R	Позиция	Примеры
သ	sh	s-	1	В начале слога	သာတ် sat ‘вычерпывать’
သ္ဗ	sb	*həb-	1	В начале ПС	သ္ဗအ် həbɔʔ: həkɔ ~ ‘циновка’
သ္အ	s’	ʔ-	1	В начале слога	သ္အုတ် ʔut ‘(за)черстветь’
	s’	həʔ-	1	В начале ПС	သ္အာင် həʔaiŋ ‘другой’
ဟ	h	h-[19]	1	В начале слога	ဟာပ် hap ‘есть’ *(руками)*
ဟ်	h	h-	–	В конце слога	သိဟ် sih ‘оставаться’
ဟွ	hv	hu-	2	В начале слога	ဟွံ hùʔ (*отрицательная частица*)
ှ်	h	h-	--	В конце слога	ဗှ် pòh ‘читать’
ဠ	ḷ	l-	1	В начале слога	ဠ laʔ ‘когда’
အ	’	ʔ-[20]	1	В начале слога	အာ ʔa ‘идти’
အ်	’	-ʔ	1–2	В конце слога с гласными, отличными от <a>, <i>, <u>	သောအ် hneʔ ‘короткое время’ ကြိုအ် krɜʔ ‘хрюкать’
အ္ဍ	’ḍ	ʔəd-	1	В начале ПС	အ္ဍဲ ʔədoa ‘внутренняя часть’
ဗ	b	b-[21]	1	В начале слога	ဗာ ba ‘два’
ၜ	mb	ɓ-	2	В начале слога	ၜဲ ɓòa ‘старшая сестра’
ံ	ṁ	-m	1–2	В конце слога	ပံ pòm ‘корзина’
ံ	ṁ	-ʔ	1–2	В конце слога	ကၠောံ klɒʔ ‘пересекать’
ံ	ṁ	-h	1–2	В конце слога	ဖျေံ phjih ‘понижать’
း	ḥ	-h	1–2	В конце слога	ဆး sah ‘очищать’ (рис)

---

[19] Так же произносятся сочетания <sṅ> (R1), <jṅ, sṅ> (R2).

[20] Так же произносятся сочетания <p’, s’> (R1).

[21] Так же произносятся сочетания <kb, t(a)b>.

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
	āṁ	èm	2	Перед m	လာံ lèm ‘ползти’
◌ာဲ	āy	ai	1	В открытом слоге	သာဲ sai ‘пчела’
◌ာဲ	āy	ài	2	В открытом слоге	ဗြာဲ sài ‘тощий’
ဣ	i	ʔi	1	В начале слога	ဣန္ဒ ʔin ‘Индра’
◌ိ	i	ɔeʔ	1	В графически открытом слоге	ဟွိ hwɔeʔ ‘ряска’ *(бот.)*
	i	ɔe	1	Редко перед h	ဍိုဟ် kəmɔeh: pərɔ̀ik ~ ‘черный перец’
	i	i	1	Редко перед h	သိဟ် sih ‘оставаться’
	i	oi	1	Перед k и ŋ	ပိုက် poik ‘хлопчатобумажная ткань’
	i	ɛ	1	Перед t, n, p	အိပ် ʔɛp ‘немой’
	i	i	1	Реже перед t, n, p	ပိန် pin ‘молотить’
◌ိံ	iṁ	ɛm, im	1	С терминалью m	တိံ tɛm ‘знать’
◌ိ	i	ìʔ	2	В графически открытом слоге	ဒိ tìʔ ‘соприкасаться’
	i	òi	2	Перед k и ŋ	ဇိုက် còik ‘боронить’
	i	ì	2	В остальных случаях	မိဟ် mìh ‘ерзать’
◌ိံ	iṁ	ìm	2	С терминалью m	လိံ lìm ‘обманывать’
ဣဳ	ī	ʔi	1	В начале слога	
◌ဳ	ī	ɔe	1	В открытом слоге	သဳ sɔe ‘младшая сестра одного из родителей’
◌ဳ	ī	i	1	В открытом слоге	ဇဳ ci ‘зажигать свет’
	ī	ì	2	В открытом слоге	ညဳ ɲì ‘ровный’
ဥ	u	ʔu	1	В начале слога	ဥပ် ʔup ‘накрывать’
◌ု	u	aoʔ	1	В графически открытом слоге	တု taoʔ ‘улитка’
	u	uʔ	1	Реже в графически открытом слоге	ဆု chuʔ ‘дерево’

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
	u	з	1	Перед k и ŋ	ကုက် kзk 'вонзать когти'
	u	ao	1	Перед h	တုဟ် taoh 'тереть, скрести'
	u	u	1	Иногда перед h	ဍုဟ် duh 'созревать'
	u	u	1	В остальных случаях	အုပ် ʔup 'полено', ဟုတ် hut 'приходить в упадок'
◌ု	u	ùʔ	2	В графически открытом слоге	ဇု cùʔ 'прабабка'
	u	*ɔ̀ʔ	2	В графически открытом слоге	မု mɔ̀ʔ 'что'
	u	з	2	Перед k и ŋ	ဂုက် kзk 'тюрьма'
	u	ù	2	В остальных случаях	မုဟ် mùh 'нос'
◌ု	u	u, ù	1–2	С графически сложными инициалями	ဂ္လု klùʔ 'темный'; см. также примеры на ◌ု
◌ုံ	uṁ	um	1	С терминалью m	စုံ cum 'пара, набор'
◌ုံ	uṁ	ùm	2	С терминалью m	ဆုံ sùm 'змея'
◌ုဲ	uy	ɔe	1	В открытом слоге	ဏုဲ nɔe 'обезьяна'
	uy	ui	1	В открытом слоге	ဆုဲ chui 'отодвигаться'
◌ုဲ, ◌ုဲ	uy	ùi	2	В открытом слоге	ရုဲ rùi 'муха'; ဂ္လုဲ klùi 'брать в плен'
ဥ	ū	ʔu	1	В начале открытого слога	ဥ ʔu 'полировать'
◌ူ	ū	ao	1	В открытом слоге	ပူ pao 'обвязывать веревкой'
◌ူ	ū	u	1	Реже в открытом слоге	စူ cu 'протыкать'
	ū	ù	2	В открытом слоге	ဂူ kù 'огород'
	ū	ɔ̀	2	Редко перед ʔ	မူ mɔ̀ʔ 'что'
◌ူ	ū	ao, u, ù	1–2	В открытом слоге	ဆူ chu 'писать', ဗျူ pjù 'отдыхать'
ေ	e	e	1	В открытом слоге	ဨသာန် ʔesan 'северо-восток'

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
ေ■	e	ɔi	1	Перед k и ŋ	ပေၚ် pɔiŋ ‘полный’
	e	ea	1	Перед k и ŋ	နေၚ် neaŋ ‘лоб, бровь’
	e	i	1	Редко перед h	သေဟ် sih ‘оставаться’, ဖျေဟ် phjih ‘опускать’
	e	e	1	Перед # и в остальных позициях	နေတ် net ‘перо’ *(для письма)*
ေ■	e	ɔ̀i	2	Перед k и ŋ	ရေက် rɔ̀ik ‘нарезать’
	e	ɛa	2	Редко перед k и ŋ	မေက် mɛ̱ak ‘выщербленный’
	e	è	2	Перед # и в остальных позициях	ကေတ် kèt ‘вращаться’
ေ■ံ	eṁ	em	1	С терминалью m	သေံ sem ‘таец, шан’
	eṁ	èm	2	С терминалью m	လေံ lèm *(название растения)*
	eṁ	eʔ, èʔ	1–2	В конце слога	လေံ lèʔ ‘палка, прут’
ေ■ဲ	ey	ea	1	В открытом слоге	စေဲ cea ‘зоб птицы’
	ey	ɛa	2	В открытом слоге	ရေဲ rɛ̱a ‘нарезать соломкой’
ေ■ဝ်	ev	e	1	В открытом слоге	ကျေဝ် ce ‘красивый’
	ev	è	2	В открытом слоге	နေဝ် nè ‘вот’
	ev	*ì	2	В открытом слоге	တေဝ် tì ‘гнать’
■ဲ	ay	oa	1	В открытом слоге	သဲ soa ‘мелкий, тонкий’
■ဲ	ay	ɔ̀a	2	В открытом слоге	ယဲ jɔ̀a ‘болезнь’
■ဴ	au	ao	1	В открытом слоге	စဴ cao ‘возвращаться’
■ဴ	au	ɛa	2	В открытом слоге	ပြဴ prɛ̱a ‘женщина’
ဩ	o	ʔao	1	В начале слова перед #	ဩ ʔao ‘бухта’

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
ေ■ာ	o	ao	1	В открытом слоге	ကော kao ‘старший брат’
	o	ɒ	1	Перед ʔ и h[22]	ကျော် klɒʔ ‘пересекать’
	o	u	1	Часто перед h	ပေါဟ် puh: ~ toa ‘указательный палец’
ေ■ာ	o	o	1	В остальных случаях	ဟောတ် hot ‘горький’
	o	ò	2	В большинстве случаев	နောတ် nòt ‘серп’
	o	ò	2	В открытом слоге	လော lò ‘лежать на спине’
	o	ɜ	2	Иногда перед #, ʔ и h	ခော khɜ̲ ‘во время’
ေ■ၵ်	ok	ok, òk	1–2	С терминалью k	ခေါက် khok ‘чашка’ ဂေါက် kòk ‘печь для обжига’
ေ■ာံ	oṁ	om	1	С терминалью m	တောံ tom ‘варить’
	oṁ	òm	2	С терминалью m	ဒေါံ tòm ‘падать’
	oṁ	ɒʔ, ɜʔ	1–2	С терминалью ʔ	ကျော် klɒʔ ‘пересекать’
ေ■ာ်	oy	oa	1	В открытом слоге	ဆော် choa ‘трава’
	oy	òa	2	В открытом слоге	လော် lòa ‘легкий’
ေ■ာဝ်	ov	o	1	В открытом слоге	စောဝ် co ‘ручей’
	ov	ò	2	В открытом слоге	ဂေါဝ် kò ‘симпатичный’
■ို	uy	ɔe	1	В открытом слоге	တို tɔe ‘готовый’
	uy	ui, ùi	1–2	В открытом слоге	ထို thui ‘спутанный, смешанный’; ဂြို krùi ‘порченый’
■ိုဲ	ui	a	1	Перед k и ŋ	ပိုက် pak ‘дуть’ *(о ветре)*

[22] Обычно предпочтительнее написания с <ui>.

Графемы и их транслитерация		Фонемы	R	Позиция	Примеры
	ui	ɒ	1	Перед ʔ, h, t, n и p	အိုတ် ʔɒt 'исчерпанный'
	ui	à	2	Перед k и ŋ	ဗိုက် pàk 'надевать'
	ui	ɜ	2	В остальных позициях	ဂိုပ် k̠ɜp 'накрывать'
ုံ	uiṁ	ɒm	1	С терминалью m	ချုံ chɒm 'синий'
	uiṁ	ɜm	2	С терминалью m	ဂုံ k̠ɜm 'теплый'
ိုဲ	uiy	oi	1	В открытом слоге	ပိုဲ poi 'мы'
	uiy	ùi	2	В открытом слоге	ဗိုဲ bùi *(грубое обращение к женщине)*
ိုဝ်	uiv	ɒ	1	В открытом слоге	ကိုဝ် kɒ 'давать'
	uiv	ɜ	1	В открытом слоге	ဆိုဝ် chɜ 'находить'
	uiv	ɜ	2	В открытом слоге	ဂိုဝ် k̠ɜ 'сверкать'
ံ	å	ɔ	1	Перед k и ŋ	အံက် ʔɔk 'родной'
ံ	å	ɔ̀	2	Перед k и ŋ	ဂံက် kɔ̀k 'холодный'

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
a	■ာ	ā	1	Перед #, t, n, p, m	ဟာတ် hat ‘брод’
	■ါ	ā	1	То же, с инициалями ခ, င, ပ	ခါန် khan ‘факт’
	■	a	1	Перед ˀ и h	တ taˀ ‘отец’, ပး pah ‘петля, ушко’
	■ို	ui	1	Перед k и ŋ	ဗိုက် pak ‘дуть’ *(о ветре)*
à	■ာ	ā	2	Перед #, t, n	ယာတ် jàt ‘одежда’
	■ါ	ā	2	То же, с инициалями ဂ, င, ဒ, ဝ	ဂါန် kàn ‘преграждать’
	■ို	ui	2	Перед k и ŋ	ဗိုက် pàk ‘надевать’
ai	■ာဲ	āy	1	В открытом слоге	သာဲ sai ‘пчела’
	■ာ	ā	1	Перед k и ŋ	စာက် caik ‘рвать(ся)’
ài	■ာဲ	āy	2	В открытом слоге	ဇြာဲ sài ‘тощий’
	■ာ	ā	2	Перед k и ŋ	ရှာင် ràiŋ ‘расцветать’
ao	■ူ	ū	1	В открытом слоге	ပူ pao ‘обвязывать веревкой’
	■ု	u	1	Перед ˀ и h	တုဟ် taoh ‘тереть, скрести’
	ဩ ေ■ာ	o	1	В открытом слоге	ဩ ˀao ‘бухта’; ကော kao ‘старший брат’
	■ံ	au	1	В открытом слоге	စံ cao ‘возвращаться’
ɒ	■ိုဝ်	uiv	1	В открытом слоге	ကိုဝ် kɒ ‘давать’
	■ို	ui	1	Перед ˀ, h, t, n, p и m	အိုတ် ˀɒt ‘исчерпанный’
	ေ■ာ	o	1	Редко перед ˀ и h	ဇြော် sɒˀ ‘рис на корню’
ɓ[23]	ၜ	ḇ	1	В начале слога	ၜာ ɓa ‘два’
	■္ၜ	ḇ	1	В середине ПС	ဟ္ၜ həboa ‘взглянуть украдкой’
	မ္ဗ	mb	2	В начале слога	မ္ဗ bòa ‘старшая сестра’
c	စ	c	1	В начале слога	စိုက် cak ‘пучок’
	ကျ	ky	1	В начале слога	ကျံ cam ‘крокодил’
	ဇ	j	2	В начале слога	ဇာတ် càt ‘джатака’
	ဂျ	gy	2	В начале слога	ဂျိုင် càŋ ‘живой’

[23] Так же произносятся сочетания <kb, t(a)ḇ>.

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
	■္စ, ■္ဇ	c, j	1–2	В середине ПС	ဟ္စာ hǝca 'присяга' ဂ္ဇး hǝcɛ̱h 'распространять'
cǝm-	ယွ	ym	2	В начале ПС	ယွု cǝmùˀ 'имя, репутация'
ch	ဆ	ch	1	В начале слога	ဆာန် chan 'любить'
	ချ	khy	1	В начале слога	ချု chu 'писать'
	ဇျ	jh	2	В начале слога	ဇျာ chɛ̱a 'опаздывать'
d[24]	ဍ	ḍ	1	В начале слога	ဍိုက် daik 'вода'
	■္ဍ	ḍ	1	В середине ПС	ဗ္ဍက် hǝdɔik 'лампа'
e	ေ	e	1	В открытом слоге	ဨသာန် ˀesan 'северо-восток'
	ေ■ဝ်	ev	1	В открытом слоге	ကျေဝ် ce 'красивый'
	ေ■	e	1	Перед # и в остальных позициях	နေတ် net 'перо' *(для письма)*
	■ိ	i	1	Иногда перед h	?
è	ေ■ဝ်	ev	2	В открытом слоге	နေဝ် nè 'вот'
	■ာ	ā	2	Перед p и m	ဂါပ် kèp 'разветвление'
	ေ■	e	2	Перед # и в остальных позициях	ဂေတ် kèt 'вращаться'
ea	ေ■ဲ	ey	1	Перед #	စဲ cea 'зоб птицы'
	ေ■	e	1	Перед k и ŋ	နေင် neaŋ 'лоб, бровь'
ɛ	■ိ	i	1	Перед t, n, p и m	အိပ် ˀɛp 'немой'
	■	a	1	Перед k и ŋ	ခွက် khwɛk 'поднос'
ɛ	■	a	2	Перед ˀ и h	စ sɛ̱ˀ 'увядать', မး mɛ̱h 'четверть'
ɛa	■ာ	ā	2	В открытом слоге	မာ mɛ̱a 'становиться на колени'
	ေ■ဲ	ey	2	В открытом слоге	ရဲ rɛ̱a 'нарезать соломкой'
	■ဴ	au	2	В открытом слоге	ဗြဴ prɛ̱a 'женщина'
	■	a	2	Перед k и ŋ	ဇက် cɛ̱ak 'тянуть'
	ေ■	e	2	Редко перед k и ŋ	ငေက် ŋɛ̱ak 'зуб'
ɜ	■ိုဝ်	uiv	1	В открытом слоге	ဆိုဝ် chɜ 'находить'
	■ို	ui			?

[24] Так же произносятся сочетания <kḍ, p(a)ḍ, sḍ, tḍ> (R1).

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
	ု	u	1	Перед k и ŋ	ကုတ် kɜk 'вонзать когти'
ɜ	ို	uiv	2	В открытом слоге	ကို kɜ 'сверкать'
	ို	ui	2	В остальных позициях	ကိုပ် kɜp 'накрывать'
ɜ	ေ◌ာ	o	2	Иногда перед #, ʔ и h	ကော kɜ 'в течение'
h[25]	ဟ	h	1	В начале слога	ဟာပ် hap 'есть' *(руками)*
	ဟ	h	1–2	В середине ПС	ကဟေဟ် kəhèh 'ржать'
	ှ	ṅ	1–2	В середине ПС	ကှဲး kəhɛh 'упряжь'
	ဟ်	h	1–2	В конце слога	သိဟ် sih 'оставаться'
	့	h	1–2	В конце слога	ပို့ pòh 'читать'
	:	ḥ	1–2	В конце слога	ဖြး sah 'очищать' *(рис)*
hə-[26]	ခ, ဖ, ထ, ဂ, ဗ, ဇ, ဒ, သ	kh, ph, th, dh, g, b, j, d, s	1–2	В пресиллабе ПС	ဖဍောတ် hədot 'уменьшать' ထတဲ hətai 'заяц' သမှု həmao 'запах; пар' ဓဂြိုတ် hərɜt 'бронза'
hl	လှ	lh	1	В начале слога	လှော် hlo 'стрелять *(из лука)*'
	သ္လ	sl	1	В начале слога	သ္လ hlaʔ 'лист'
hm[27]	မှ	mh	1	В начале слога	မှိ hmui 'гибкий'
	ဇ္မ	jm	2	В начале слога	ဇ္မ hmò 'могучий'
hn[28]	နှ	nh	1	В начале слога	နှာ hna 'жарить'
	သ္န	sn	1	В начале слога	သ္နာ hna 'циновка'
	ငှ	ŋh	1	В начале слога	ငှော် hno 'засов'
	နှ	nh	2	В начале слога	နှော် hnòt 'класть припарку'
hɲ	ညှ	ñh	1	В начале слога	ညှာ hɲa 'скромный'
hw	ဝှ	vh	1	В начале слога	ဝှပ် hwɔp 'видеть во сне'
	သ္ဝ	sv	1	В начале слога	သ္ဝာ hwa 'водяная лилия'
	စ္ဝ	cv	1	В начале слога	စ္ဝ hwaʔ 'карри'
	ဇ္ဝ	jv	2	В начале слога	ဇ္ဝော် hwò 'течь'

[25] Так же произносятся сочетания <sṅ> (R1), <jṅ, sṅ> (R2).

[26] Приводятся только наиболее частотные варианты написания.

[27] Так же произносятся сочетания <sm, sam> (R1).

[28] Так же произносятся сочетания <cn, kn> (R1) и <jn, dn, sn> (R2).

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
i	ဣဳ	ī	1	В начале слога?	?
	◌ီ	ī	1	В открытом слоге	စီ ci ‘зажигать свет’
	ဣ	i	1	В начале слога?	ဣန် ʔin ‘Индра’
	◌ိ	i	1	В остальных случаях	ပိန် pin ‘молотить’
	ေ◌	e	1	Редко перед h	သေဟ် sih ‘оставаться’, ဖေျဟ် phjih ‘опускать’
ì	ဣဳ	ī	2	В открытом слоге	?
	◌ီ	ī	2	В открытом слоге	ညီ ɲì ‘ровный’
	◌ိ	i	2	В остальных случаях	မိဟ် mìh ‘ерзать’
	ေ◌	*e	1	В открытом слоге	ဓေင် tì ‘гнать’
j	ယ	*y	1	В начале слога	ယဝ် jɔ ‘если’
	ယျ	yy	1	В начале слога	ယျေဝ် je ‘полиция’
	ယ	y	2	В начале слога	ယဲ jài ‘мать’
	ယွ	yv	2	В начале слога	ယွ j<u>ɜ</u>ʔ *(частица)*
	◌ျ	y	1–2	В середине ПС	ဟျုဟ် həj<u>ɜ</u>h ‘глубина’
k[29]	က	k	1	В начале слога	ကုတ် kut ‘отрезать’
	ဂ	g	2	В начале слога	ဂတ် kòt ‘завязывать узлом’
-k-	◌္က, ◌္ဂ	k, g	1–2	В середине ПС	ဟ္ကဴ həkoa ‘сторона, бок’, ဟ္ဂိတ် həkìt ‘клоп’
-k	က်	-k	1–2	В конце слога	ဖက် pak ‘дуть’
-k	◌ာ်, ◌ိ	-k	1–2	В конце слога	ခာ် khaik ‘откашливаться’, ပိ paik ‘делить на части’
kə-[30]	က, စ, တ, ပ, ဂ, ဇ, ဒ, ဗ, လ	k, c, t, p, g, j, d, b, l	1–2	В пресиллабе ПС	ကသောက် kəsok ‘волосы’, ပမန် kəmɔn ‘заклинание’, ဒဟဴ kəhòa ‘расстояние’
kh	ခ	kh	1	В начале слога	ခတ် khat ‘сохнуть’
	ဃ	gh	2	В начале слога	ဃော kh<u>ɜ</u> ‘в течение’
khl	ခ္လ	khl	1	В начале слога	ခ္လက် khlak ‘падать’
khr	ခြ	khr	1	В начале слога	ခြၚ် khraŋ ‘ограждать’
khw	ခွ	khv	1	В начале слога	ခွက် khwɛk ‘поднос’

[29] Так же произносятся сочетания <l(a)k, s(a)k> (R1) и <sg> (R2).

[30] Приводятся только наиболее частотные варианты написания.

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
kl	ကၠ	kl	1	В начале слога	ကၠ klaʔ 'тигр'
	တၠ	tl	1	В начале слога	ေတၠင် klɔiŋ 'жир'
	ဂၠ	gl	2	В начале слога	ေဂၠာ် klèʔ 'короткий'
	ဒၠ	dl	2	В начале слога	ဒၠး kl<u>ɛ</u>h 'плоскость'
kr	ကြ	kr	1	В начале слога	ကြက် krɛk 'сердцевина'
	တြ	t(a)r	1	В начале слога	တြုံ kraoh 'мужчина'
	ဂြ	gr	2	В начале слога	ဂြိၚ် kràŋ 'смеяться'
	ဒြ	dr	2	В начале слога	ဒြုပ် krò 'род скрипки'
kw	ကွ	kv	1	В начале слога	ကွိက် kwoik 'пруд, лужа'
	တွ	tv	1	В начале слога	တွာက် kwaik 'идти'
	ဂွ	gv	2	В начале слога	ဂွ kwìʔ 'речная черепаха'
	ဒွ	dv	2	В начале слога	ဒွး kw<u>ɛ</u>h 'скрести, рыть'
l	လ	l	1	В начале слога	လိၚ် loiŋ 'пол, род'
	လှ	lh	1	В начале слога	ေလှာ် hlo 'стрелять *(из лука)*'
	ဠ	ḷ	1	В начале слога	ဠ laʔ 'когда'
	လ̈	l	2	В начале слога	လိၚ် lòiŋ 'нанимать'
m[31]	မ	m	1	В начале слога	မ maʔ 'чтобы'
	မှ	hm	1	В начале слога	မှု hmui 'гибкий'
	မ	m	2	В начале слога	မတ် mòt 'глаз'
	္မ	m	1–2	В середине ПС	ဟ္မော hәmɔe 'подросток'
	ံ	ṁ	1–2	В конце слога	ပံ pòm 'корзина'
mj	မျ	my	2	В начале слога	မျာတ်ေလ mjàt lè 'жасмин'
n[32]	ဏ	ṇ	1	В начале слога	ေဏာ nea 'ущипнуть'
	န	*n	1	В начале слога	နိၚ် noiŋ 'бритва' *(монаха)*
	န	n	2	В начале слога	ေနာတ် nòt 'серп'
	္န, ္ဏ	n, ṇ	1–2	В середине ПС	ဟ္နဲ hәnai 'хрен'
	န်	n	1–2	В конце слога	ေဖျာန် phjon 'красить'
ŋ[33]	ၚ	ṅ	2	В начале слога	ေၚက် ŋ<u>ɛ</u>ak 'зуб'
	္ၚ	ṅ	1–2	В середине ПС	တ္ၚန် tәŋɛn 'нести на плече'
	ၚ်	ṅ	1–2	В конце слога	သုၚ် ssŋ 'пить'

[31] Так же произносятся сочетания <k(a)m, tm> (R1) и <bm, lm, mv> (R2).
[32] Так же произносятся сочетания <kn, pn, tn> (R1) и <gn, bn, dn> (R2).
[33] Так же произносятся сочетания <t(a)ṅ, cṅ, jṅ> (R1) и <lṅ> (R2).

Продолжение

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
ɲ[34]	ည	*ñ	1	В начале слога	ညာန် ɲan ‘шумный’
	ည	ñ	2	В начале слога	ညး ɲeh ‘он, они’
	■္ည	ñ	1–2	В середине ПС	ပ္ညင် pəɲəŋ ‘показывать’
o	ေ■ာဝ်	ov	1	В открытом слоге	ေစာဝ် co ‘ручей’
	ေ■ာ	o	1	В остальных случаях	ေဟာတ် hot ‘горький’
ò	■ဝ်	av	2	В открытом слоге	ဗဝ် pò ‘нагромождать’
	■	a	2	Перед ˀ, h, t, n, p и m	လဒ် lòˀ ‘долгий’
	■ံ	å	2	Перед k и ŋ	ဂံက် kòk ‘холодный’
	ေ■ာဝ်	ov	2	В открытом слоге	ေဂါဝ် kò ‘симпатичный’
	ေ■ာ	o	2	Во всех позициях	ေဂါ် kòk ‘печь для обжига’
	■ု	u	2	Редко перед ˀ	မု mòˀ ‘что’
	■ူ	ū	2	Редко перед ˀ	မူ mòˀ ‘что’
oa	■ဲ	ay	1	В открытом слоге	သဲ soa ‘мелкий, тонкий’
	ေ■ာဲ	oy	1	В открытом слоге	ေဆာဲ choa ‘трава’
òa	■ဲ	ay	2	В открытом слоге	ယဲ jòa ‘болезнь’
	ေ■ာဲ	oy	2	В открытом слоге	ေလာဲ lòa ‘легкий’
oi	■ိုဲ	uiy	1	В открытом слоге	ပိုဲ poi ‘мы’
	■ိ	i	1	Перед k и ŋ	ပိက် poik ‘хлопчатобумажная ткань’
òi	■ိ	i	2	Перед k и ŋ	ဇိက် còik ‘боронить’
	ေ■	e	2	Перед k и ŋ	ေရက် ròik ‘нарезать’
ɔ	■ဝ်	av	1	В открытом слоге	ကဝ် kɔ ‘нести через плечо’
	■	a	1	Перед ˀ, h, t, n, p и m	ကတ် kɔt ‘изучать’
	■ံ	å	1	Перед k и ŋ	အံက် ˀɔk ‘родной’
ɔe	■ီ	ī	1	В открытом слоге	သီ sɔe ‘младшая сестра одного из родителей’
	■ုဲ	ui	1	В открытом слоге	တုဲ tɔe ‘готовый’
	■ိ	i	1	Перед ˀ и h	ဟ္ဝိ hwɔeˀ ‘ряска’ *(бот.)*
ɔi	ေ■	e	1	Перед k и ŋ	ေပင် pɔiŋ ‘полный’
p[35]	ပ	p	1	В начале слога	ပု pao ‘голубь’

---

[34] Так же произносятся сочетания <kn, pn> (R1).

[35] Так же произносятся сочетания <l(a)p, s(a)p> (R1) и <s(a)b> (R2).

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
	ဗ	ƀ	2	В начале слога	ဗပ် pòp 'замачивать'
	္ပ, ္ဗ	p, ƀ	1–2	В середине ПС	က္ပ kəpɔʔ 'видеть во сне', ဟ္ဗက် həpòk 'обеденный стол'
	ပ်	p	1–2	В конце слога	ထပ် thɔp 'добавлять'
pə-[36]	ပ, ဗ, မ, ကမ, တမ	p, ƀ, m, kam, tam	1–2	В пресиллабе ПС	ပၡိုမ် pərɒm 'помощь', ကမ္ဍေၚ် pəje 'украшать', မလဟ် pəlàik 'открывать'
ph	ဖ	ph	1	В начале слога	ဖာ pha 'сторона'
	ၻ	ƀh	2	В начале слога	ၻိၚ် phòiŋ 'опиум'
phj	ဖျ	phy	1	В начале слога	ဖျာ phja 'рынок'
phr	ဖြ	phr	1	В начале слога	အဖြ əphrao *вид мяты*
pj	ပျ	py	1	В начале слога	ပျား pjah 'указывать'
	ဗျ	ƀy	2	В начале слога	ဗျၚ် pjòn 'согласный звук'
pl	ပ္လ	pl	1	В начале слога	ပ္လာ pla 'слепень'
	ဗ္လ	ƀl	2	В начале слога	ဗ္လဲ plài 'холостяк'
pr	ပြ	pr	1	В начале слога	ပြ praʔ 'башня'
	ဗြ	ƀr	2	В начале слога	ဗြဴ pròa 'дождь'
r	ရ	*r	1	В начале слога	ရော rao *(частица)*
	ရ	r	2	В начале слога	ရိုဟ် ràik 'шалаш'
	ြ	r	1–2	В середине ПС	ဟြၚ် hərɜŋ 'переступать'
s[37]	သ	s	1	В начале слога	သာတ် sat 'кормить'
	သြ	sr	1–2	В начале слога	သြော် sòk 'переулок'
	ဇြ	jr	2	В начале слога	ဇြဟ် sòh 'прóпасть'
	္သ	s	1–2	В середине ПС	က္သ kəsao 'письмо, живопись'
(ʃ)	ၡ	rh	1	В начале слога	ၡအ် ʃɔʔ 'сокращать'
t[38]	တ	t	1	В начале слога	တဲ toa 'рука'
	ဋ	ṭ	1	В начале слога	Только в заимствованных словах
	ဒ	d	2	В начале слога	ဒါ် tàik 'разветвляться'

[36] Приводятся только наиболее частотные варианты написания.
[37] Так же произносятся сочетания <cr, sv, rh> (R1) и <sj> (R2).
[38] Так же произносятся сочетания <st> (R1) и <sd> (R2).

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
t	တ်	t	1–2	В конце слога	တတ် tɔt 'пересекать'
	္တ, ္ဓ	p, b	1–2	В середине ПС	ပ္တဲ pətɔe 'заканчивать', ဂ္ဍု kətù 'накидка от дождя'
tək-	ဍ္ဂ	tk	1	В начале ПС	ဍ္ဂ təkoa 'свисать'
	ဒ္ဂ	dg	2	В начале ПС	ဒ္ဂု təkù 'прямой'
	လ္ဂ	lg	2	В начале ПС	လ္ဂိ təkò 'имбирь'
təŋ-	တ္ង	tṅ	1–2	В начале ПС	တ္ងေတ် təŋet 'молоть'
	စ္ង	cṅ	1	В начале ПС	စ္ងိန် təŋɛn 'нести на плече'
	လ္ង	lṅ	2	В начале ПС	လ္ង təŋù? 'одинокий; уединённый'
th	ထ	th	1	В начале слога	ထပ် thɔp 'слой'
	ဌ	ṭh	1	В начале слога	ဌာန် than 'место'
	ဓ	dh	2	В начале слога	ဓမ် thò 'дхарма'
	ဎ	ḍh	2	В начале слога	Только в заимствованных словах
u	ဥ, ဦ	u, ū	1	В начале слога	ဥပ် ?up 'накрывать'; ဦ ?u 'полировать'
	ူ	ū	1	В открытом слоге	စူ cu 'протыкать'
	ု	u	1	В остальных случаях	အုပ် ?up 'полено', ဟုတ် hut 'приходить в упадок'
ù	ူ	ū	2	В открытом слоге	ဂူ kù 'огород'
	ု	u	1	В остальных случаях	မုဟ် mùh 'нос'
ui	ို	uy	1	В открытом слоге	ဆို chui 'отодвигаться'
ùi	ို	uy	1	В открытом слоге	ရို rùi 'муха'
	ိုဲ	uiy	2	В открытом слоге (*иногда*)	ဗိုဲ bùi *грубое обращение к женщине*
w	ဝ	*v	1	В начале слога	ဝက် wɛk: nɔm kənsŋ mɛ? ~ *(вид папоротника)*
	ဝ	v	2	В начале слога	ဝေတ် wèt 'обучать'
	လ္ဝ	l(a)	2	В начале слога	လ္ဝုတ် wùt 'девственница'
	္ဝ	v	1–2	В середине ПС	ဂ္ဝိုင် kəwɔiŋ 'спорт'

Звуки	Графемы и их транслитерация		R	Позиция	Примеры
ʔ[39]	အ	’	1	В начале слога	အာ ˀa ‘идти’
	္အ	’	1	В середине ПС	ဟ္အုမ် həˀum ‘куча, груда’
	အ်	’	1–2	В конце слога	သေအ် hneˀ ‘короткое время’
	ံ	ṁ	1–2	В конце слога	ကြောံ klɒˀ ‘пересекать’
ˀə-	အ	’a	1–2	В пресиллабе ПС	အဟာန် ˀəhan ‘гусь’

[39] Так же произносятся сочетания <p’, s’> (R1).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Юрий Юрьевич Крылов

ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Л. А. Карпова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 01.10.2009. Формат $60\times84^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 250 экз. Заказ №376.

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

Ю. Ю. Крылов

ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА

В монографии дано полное и систематическое описание исторической и синхронической фонологии, а также морфонологии монского языка — одного из важнейших мон-кхмерских языков, до сих пор остававшегося изученным лишь фрагментарно. В основу методологии исследования положен синтез слоговой фонологии и субсистематической фонологии, принципы которой были намечены английским ученым Х. Л. Шорто. Особое внимание уделено спорным фонологическим проблемам, имеющим общетеоретическую значимость, в частности трактовке аспирированных согласных и гортанного смычного.

Работа представляет интерес не только для специалистов по мон-кхмерским языкам, но и для других ученых, занимающихся как проблемами фонологии языков Юго-Восточной Азии, так и вопросами общей фонологии.

Ю. Ю. Крылов ФОНОЛОГИЯ И МОРФОНОЛОГИЯ МОНСКОГО ЯЗЫКА